

Мария Гарзийо

---

*Бокал
сангрии
и паэлья*

Мария Гарзийо

Бокал сангрии и паэлья

«Издательские решения»

Гарзийо М.

Бокал сангрии и паэлья / М. Гарзийо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504358-0

Легкая, увлекательная история об одном курортном романе, который вышел совсем не таким, каким задумывала его героиня. Юмор, яркие картинки Мальорки, немного тайны и капля любви.

ISBN 978-5-00-504358-0

© Гарзийо М.
© Издательские решения

Бокал сангрии и паэлья

Мария Гарзийо

© Мария Гарзийо, 2019

ISBN 978-5-0050-4358-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Ай спик инглиш нот! – выдаю я в четвертый раз, стиснув зубы от досады.

– I am from England, – неизменно бубнит развалившийся напротив турист, нездорово бледную физиономию которого я имею счастье созерцать сквозь стекло гиганской кружки пива, которую он минут десять назад бесцеремонно водрузил на наш с подружкой столик.

Прежде чем продолжить, позвольте представиться.

Меня зовут Света, мне 24 года, четыре из которых я посвятила изучению тонкостей языка Шекспира в государственном университете. Все это время профессора твердили нам о важности живого общения с носителями языка. И вот вам, пожалуйста, передо мной этот самый носитель, а я как заправский попугай упрямо повторяю свое топорное «инглиш нот».

– Maybe you, girls, know some place we could go dancing? – настаивает британский подданный, пьяно вращая круглыми мутными глазами.

Мы с моей подружкой Верой устало переглядываемся. Чем вызвана, спросите вы, такая рьяная неприязнь к братьям нашим европейцам? Объясняю. Вот уже второй год эти так называемые братья повадились в нашу маленькую, но гордую страну, с двумя определенными целями. Во-первых, потомки кельтов и англо-саксонцев прослышали про изобилие смазливых и непритязательных дамочек, готовых при виде иностранного рыцаря упасть от счастья в обморок, успев при этом автоматически раздвинуть километровые ноги. С тех пор как, какой-то ошастливленный гражданин привез соотечественникам эту радостную весть, в Ригу так и повалили полчища секс-туристов. Пока их английские леди жарят дома генетически модифицированный бекон, эти горячие сыны своего дождливого отечества сбиваются кучками, закупаются презервативами, и вперед на абордаж. Кроме дешевого и опасного секса в последнее время у зарубежных визитеров появилось еще одно экзотическое развлечение. В то время как, скажем, в Тайланде катаются на слонах, а в Париже лезут на Эйфелеву башню, в Риге повелась традиция справлять малую нужду на памятник Свободе. С каждым годом количество засветившихся писающих мальчиков растет с невероятной скоростью. Штрафы за подобный вандализм от 50 латов подскочили до 300. Но, видимо, удовольствие все же дороже, потому как угроза потери этой суммы не умаляет количества желающих. Раньше, читая статьи о подобных подвигах, я не могла себе представить, как должны выглядеть эти герои невидимого фронта. И вот, наконец, мне, кажется, представилась подобная возможность. Расползшийся по столу как тесто англичанин всем своим плачевным видом демонстрирует полную готовность осуществить упомянутый ритуал.

Ну, что мне ответить на его вопрос про дансинг? Что в его состоянии (еще пол кружки, и пиво, переполнив доверху горло и желудок, польется у него изо рта) подобные телодвижения строго противопоказаны? Что он вряд ли даже до памятника доковыляет, и тогда придется осквернять что-то менее значимое вроде имеющегося на пути МакДональдса? Или все-таки попытаться узнать его мнение по поводу раннего творчества Джона Милтона (имеется в виду, конечно, его близость к пуританской поэзии)? Женская интуиция безошибочно подсказывает мне, что пуританская поэзия вряд ли будет близка этому пивохлебу. Больше всего,

конечно, хочется бросить в эту землистую физиономию грубый анекдот про Джеймса Бонда. Но я почему-то все еще сдерживаюсь.

– Послушайте, любезнейший, вы нам мешаете, – Вера берет миссию по избавлению от писающего мальчика в свои руки,

– Спросите официанта. Он вам объяснит, где танцуют такие как вы. Официант не вызывает у танцора ни малейшего интереса. Он продолжает тарашиться на нас из-за прикрытия своей кружки.

– Эй, официант! – решительно машет Вера, – Уберите от нас, пожалуйста, этого любознательного господина.

У подошедшего официанта при виде булькающего от пива англичанина заинтересованно вспыхивает левый глаз. Количество писающих иностранцев в Риге равноценно количеству обобранных местной обслугой. Вот и этот, явно почуяв легкую добычу, подхватывает размягшего туриста под локоток.

– Куда катится мир! – старчески охаю я, уткнувшись в свой мохито.

– Ужас. Все уже заполонили! Проходу не дают, – сетует Вера.

По паспорту она вообще-то Вероника. 99% процентов девушек выбрали бы более звучное сокращение – Ника. И только моей подруге больше по душе это простетское, папахивающее стариной и стогами сена «Вера». В этом вся ее суть. Она принадлежит к категории меньшовских Тось, которые проживают всю жизнь с школьной любовью, купив сначала холодильник, в потом по мере накопления телевизор и прочие элементы роскоши. Я, если продолжать сравнивать, предпочитаю роль Людмилы, которой надо все и сразу и побольше. Мое нынешнее «побольше» олицетворяет 23-летний сынок богатого папашки, Константин. Он кажется мне красивым с левого бока и обычным с правого. В анфас он средне-симпатичен. В целом, добыча вроде и ничего, хотя, учитывая, что встречаемся мы еще меньше месяца, определенные выводы делать рано. Вера, как и полагается, состоит замужем за Вовиком, которого когда-то давно ей за парту посадила судьба. Он некрасив с обеих сторон, не богат, но душевен, романтичен и надежен. Для Веры он является живым воплощением пресловутой каменной стены.

– Ну, как чувствуешь себя в преддверье дня рождения? – интересуется подруга, потягивая свою безалкогольную мешанину.

– Да, как тут можно себя чувствовать, – выпускаю тяжелый вздох я, – На мой взгляд после восемнадцатилетия все последующие дни рождения вполне можно было бы отменить. От них с каждым годом все сильнее подванивает старостью.

– Нашлась старушка! Ты скажи лучше, как будешь праздновать? Твой тебя куда-нибудь зовет?

Боже мой, как меня корежит от этого личного местоимения. «Мой», «твой», плюшевых медвежат что ли в детсаде делим? Я далека от таких собственнических поползновений в отношении упомянутого Константина, потому предпочитаю, чтобы его просто величали по имени.

– Обещал сюрприз, – без особого энтузиазма признаюсь я. Нехватка этого самого энтузиазма в моем голосе объясняется отсутствием у меня к обсуждаемому индивиду глубоких и трепетных чувств и сомнением, что этим самым сюрпризом окажется спонтанная поездка в Венецию.

– Здорово! – из Веры так и прет недостающий мне элемент, – Мой мне один раз такой сюрприз устроил!

Опять этот «мой»! «Мой Додыр» выплевывает ассоциацию брезгливый мозг.

– Представляешь, прихожу я домой...

Когда Вера говорит о своем Додыре выражение лица у нее становится отрешенно сладостное, как у сосущего леденец ребенка олигафрена. Она уходит в нирвану и может прибывать там бесконечно, если не растормашить ее и не вернуть в реальность. Историю про ванну

с лепестками роз на поверхности я слышу по крайней мере раз десятый. При первом прослушивании мне подумалось, что Вовик здорово придумал сэкономить на подарке. Прихватил на рынке вялые цветы. Распотрошил в воду, водрузил по краям по свечке и вот вам пожалуйста – романтики через край, жена на седьмом небе. Стоит, конечно, для большей точности присчитать пару латов на рижское шампанское. Но так или иначе выходит нерасточительно. На сей раз выслушивая восторженное бормотание ошастливленной таким малобюджетным образом подруги я задаюсь вопросом – а, может, я просто завидую? Ее вон всю прямо трясет от одного упоминания о своем ненаглядном Вовике. А я... А мне, как уже говорилось ранее, нужно все и сразу. А «все» подразумевает внешность, ум, материальное благосостояние, щедрость и дальше по бесконечно длинному списку. Короче, я максималистка. А нам, максималистам, нелегко приходится в этом несовершенном мире. Душевный полет Вероники обрывает звонок телефона. Хотя звонком это и не назовешь. Аппарат похмельным хриплым голосом канючит: «Бери трубку, жена, твой муж звонит!» И так сотню раз, пока медлительная жена, наконец, не добывает из недр сумки изнывающий Самсунг.

– Да, бусенька? – шелестит она в трубку, вызывая в моем организме очередной рвотный спазм.

Некоторые русские утверждают, что это тошнотное «бусенька» выходец из великого и могучего. Со всей ответственностью лингвиста заявляю – ничего подобного, не мог богатый русский язык зачать такого уродца. «Бусенька» произрастает от латышского «ви́са» – «поцелуй». У меня когда-то был ухажер, который как-то обратился ко мне с на его взгляд должно быть ласковым «дай бусю». Мой желудок болезненно сжался, сдерживая мощный порыв опорожниться на столик, за которым мы сидели. А кулак зачесался от внутреннего позыва «дать», да покрепче, да прямо в глаз. Надо заметить, что это была последняя наша встреча.

– Ты приедешь за мной? Спасибо! Я со Светой в этом, как его..., – Вера поворачивается ко мне, беспомощно хлопая ресницами.

– «Оргазме», – подсказываю я. Она машинально повторяет в трубку.

Информация, судя по всему вызывает, у супруга бурную реакцию, и уже через секунду подруга грозит мне кулаком.

– В «Опиуме», – поправляю я, – Велика разница.

– Да, у МакДональдса, хорошо, буся, целую, – завершает разговор Вера.

– Что уже пора? – расстраиваюсь я, – Буся уже едет?

Едет он по обыкновению на автобусе. На автомобиль молодая семья еще не накопила. Он значится в списке предпоследним номером перед самолетом и виллой в Сан Тропэ. Однако, даже при отсутствии личного транспортного средства предупредительный Вовик считает своим долгом встретить жену и отвести домой на общественном.

– Через пол часа будет у МакДональдса, только сел на маршрутку, – сообщает Вера.

– Хорошо хоть успею допить свой мохито.

Через пятнадцать минут мы выходим из заведения, протискиваясь сквозь толпы потных иностранцев. На улице накрапывает мелкий дождишка, напоминая прохожим, что «скоро осень, за окнами август». Осень ничего положительного по определению в себе нести не может. Ее начало на веки вечные отравлено всякими школьными линейками и университетскими сборами. И пусть я уже несколько лет не впрягаюсь послушно в образовательную упряжку, и смена времен не влечет за собой перемены деятельности, сентябрь так или иначе навивает тоску. Я вздыхаю. Хотя чего мне печалиться? Это лето принесло мне эмбрион новых отношений, новую работу и сносный загар. Провожая его, я оставляю себе все эти завоевания. Последнее уже через месяц придется обновлять в солярии. А остальные два еще менее долговечны, хотя на данный момент, шагая по влажному тротуару, я об этом не догадываюсь.

– Apartamento, spaghetti, amore! – голосит курчавый итальянец, завидя наши обнаженные ноги.

Лишнее зачеркнуть. По всему выходит, что это спагетти. Или же макаронные изделия служат платой за amore? Было бы мне сейчас 18, я, может, остановилась бы, чтобы внести ясность в поступившее предложение. Узнать, например, сколько комнат в апартаменте, с чем подаются спагетти и вечная ли обещается amore или так перепих на скрипучем диване. Но мне не 18, а уже почти 25. И потому я точно знаю, что залетная птичка снимает хиленькую квартиру, макароны если и готовит, то плохо, а любовь лелеет к своей супруге, оставшейся в Риме с пятью ребятишками. Эх, я слишком много знаю. С годами из жизни уходит элемент загадки.

– *Bella, bellissima, aspetta me!* – надывается разгаданный ребус. У МакДональдса толкуются желающие потравиться на ночь глядя. А вот и Вовик. В приталенной куртке из толстой грубой кожи какого-то слоносвина, потертой на локтях. Возможно, потертости появились еще при жизни животного. На голове неизменная кепка с логотипом фирмы, в которой он трудится. С наступлением холодов Вовик не снимает этот головной убор, а просто водружает сверху на него вязаную шапку. Я ни разу не видела его вообще без кепки, и у меня создалось впечатление, что она накрепко приросла к его черепушке.

– Ну, чего, девчонки, промыли нам косточки? – усмехается Вовик, облобызав свою жену.

Он всегда обращается ко мне как к парню со своего двора. Эта нарочитая фамильярность временами раздражает.

– Вам лично не успели. Порошек закончился, – язвлю я в ответ, – Так что поедете домой с грязными.

– А тебе палец в рот не клади! – продолжает сыпать идиомами он.

– Только попробуй, – морщусь я при мысли о реальном воплощении этого выражения, – Ладно, Вер, пока, созвонимся.

Маршрутное такси, подпрыгивая на ухабах, и травя пассажиров жуткими поп хитами, доставляет меня домой. Родители смотрят на диване какой-то современный фильм, мама зевает на стрелялках, а папа утыкается в газету, заведя любовные разбирательства. Я разогреваю незамысловатый ужин. Когда первый кусочек печонки приближается к моему рту, мобильный вздрагивает на столе и, отчаянно вибрируя, направляется в мою сторону. Придется печени подождать.

– Котенок, это я!

«Котенок, это я, мышонок». Или «тигренок, это я слоненок». Или «бобренок, это я, крокодиленок». В зоопарке день открытых дверей.

– Костя, я же просила не называть меня котенком! – придирчиво морщится максималистка.

– А солнышком можно?

– Избито!

– Тогда бусенькой?

Он знает о моей лютой ненависти к этому лингвистическому выкидышу и нарочно издевается. – Ладно, как поживаете, Светлана Сергеевна?

– Отлично, Константин Борисович.

– Денисович.

– Не важно.

– Еще как важно! Что ты сегодня делала, котенок?

Неискоренимо. Англичане говорят «*what can't be cured must be endured*» – что нельзя вылечить, надо терпеть. Терпим. Я вкратце пересказываю свои занятия.

– Завтра я заеду за тобой в шесть, – обещает любитель животных.

– И что будем делать?

– Увидишь, это сюрприз.

– Надеюсь, приятный.

– Других не делаем.

Еще как делаете, Константин Денисович. Когда я спрашивала вас, что у вас за марка машины, вы так же загадочно обещали сюрприз. Если для вас старая Хонда с побитой дверью воплощает в себе приятное открытие, то я о себе подобного сказать не могу.

– Я люблю тебя, – неожиданно хнычет Костя тоном попрошайки, тянушем за рукав прохожего с отчаянным «У вас не найдется монетки?»

Сделать замечание по поводу интонации или тактично заткнуться? Я выбираю второй вариант и многозначительно дышу в трубку. – Простудилась? – сочувственно замечает мой герой, по-своему истолковав затяжные вдохи и выдохи. – Ну, есть немного, – зачем-то соглашаюсь я. – Ничего, завтра я тебя вылечу. Может, он заказал вечер в спа «Балтик Бич», включающий в себя весь комплекс услуг от сауны и джакузи до массажа горячими камнями? Я мечтаю потягиваюсь. Было бы здорово. – До завтра, котенок, – мурлычит он в трубку, – Целую тебя в носик, в ротик.. Спасая оставшиеся незацелованными части тела, я поспешно прощаюсь и отключаю связь. Романтика казалось бы. Носик, ротик, котенок. И чего мне, спрашивается, не хватает? Я запаковываюсь в одеяльный сверток и закрываю глаза. Мне снится ответ на заданный перед сном вопрос. А точнее теплый песок, шелестящее волнами море и сплетение двух тел в мягких ласковых лучах заходящего солнца. Одно из них мое. Второе принадлежит незнакомому красавцу, загорелому мускулистому брюнету с глазами цвета морской пучины. Чем занимаются упомянутые тела в сплетении объяснять, думаю, не надо. Меня пронизывает электрический заряд удовольствия. Прекрасный незнакомец смотрит на меня своими необыкновенными глазами и спрашивает: «Тебе понравилось, бусенька?» Я аж просыпаюсь от такой неожиданной подлости. Удовольствия как не бывало. Лучше бы уж он спросил, как меня зовут.

На часах без пяти семь. Самое время выбираться об объятий сноведений и, предварительно позавтракав и одевшись, скрючиться, скукожиться и почесать на работу. Я зеваю, стряхивая с себя остатки приснившегося сюжета.

– С Днем Рождения!

Мама с папой всплывают в комнату, сияя улыбками из-за громадного букета. А ведь и впрямь я сегодня сделалась на год старше. 25 это вам не хухры-мухры. В этом почетном возрасте уже пора вскарабкаться на высокую ступеньку служебной лестницы и начать обрастать семьей и детьми. Я никуда не вскорабкалась и ничем не обросла. Ладно, не будем печалиться. Вся жизнь впереди, надейся и жди.

Вслед за пахучим цветочным свертком мне торжественно вручается традиционный конверт с наличностью, предназначенной на покупку подарка. Родители после нескольких неудачных экспериментов вот уже несколько лет предпочитают оставлять выбор за мной. Я целую мамину гладкую щеку и папину колючую.

– Наверно тебя сегодня на работе будут поздравлять, – предполагает мама.

– Да, вряд ли. Я там третью неделю работаю. Им и не вдомек, что у меня день рождения, – трезво смотрю на вещи я.

– Ну, в контракте же указаны твои данные.

Контракт я действительно подписывала. Этаким формальный документишка, красиво выпечатанный на толстой бумаге. В нем содержался список моих прав и обязанностей, а так же была указана сумма, полагающаяся мне за выполнение этих обязанности. Смущал немного тот факт, что подпись на сией договоренности имела только моя. Но, устраиваясь на работу, я не решилась выдвинуть этот вопрос на обсуждение, чтобы не спугнуть работодателя. Короче поступила как юридически необразованная чухча, каких в нашем прогрессивном капиталистическом обществе уже по пальцам можно перечесть. За что и поплачусь. Но позже. Пока же я уверена, что мне с работой повезло. Нетребовательный начальник – британский верноподданный, приятные коллеги – две местные дамочки необпределенного возраста. Ну, и обещенная зарплата значительно выше прожиточного минимума. Я собираюсь, одеваюсь крашусь,

запихиваю по-быстрому бутерброд с колбасой и вперед трудиться на благо общества в лице Вильяма Стоуна.

Пока меня трясет в маршрутке, позволю себе замечание дипломированного переводчика по поводу творений тех еще более дипломированных, что были до меня. Кто мне объяснит, почему все английские имена и фамилии, имеющие несчастье начинаться с «W» в русском переводе получают непроезжимое «У»? Доктор Уатсон. Эшли Уилкс. Или вот, вообще жемчужина перевода – Уильям Уордсворт. Челюсть вывихнешь, пока произнесешь. Возможно, такое уродливое написание родилось из-за недостатка связей с внешним миром во времена Союза? Не у кого было поучиться? Не было возможности подойти к писающему у памятника коренному британцу и, дружески хлопнув по плечу, уточнить, как произносится фамилия возлюбленного Скарлетт О'Хара? Так или иначе позволю себе смелось свергнуть установленные каноны и назвать своего босса более приятным уху Вильямом. Дорога до работы убивает еще двадцать минут отведенного мне на день времени.

Упомянутый выше Вильям встречает меня у дверей радостной новостью.

– У нас для тебя появилась работенка!

Это действительно радует, потому что предыдущие недели я томила от безделья, вальяжно переводя сайт прозябающей компании на все известные мне языки, и вела философские беседы с Костей по МСНу.

– У нас первый клиент! Британец из Лодона, – пойдем на кухню я тебе все расскажу.

У молодой фирмы еще пока нету своего делового гнездышка, весь интеллектуальный и материальный потенциал ютится на съемной квартире в центре. Я усаживаюсь напротив Вильяма (это маленький чернявый мужичек с узкими как у азиата глазами), предварительно заварив себе чашку кофе.

– Его зовут Майкл. 58 лет. В разводе. Очень богат. В Лондоне давно не живет. Имеет дом на Мальорке и квартиру в Старой Риге.

– И что мне делать с этим сокровищем? – вяло интересуюсь я. Дрыхлявый британец не самый привлекательный клиент. Впрочем, не детей же мне с ним делать. Для этой цели у меня вроде уже есть любитель котов.

– Во-первых, Майкл не говорит по-латышски. Следовательно, пока он здесь, ты обеспечиваешь ему контакты с местными учреждениями от оформления документов до покупок в супермаркете.

– А о чем говорить в супермаркете? – ерепенюсь я, – Взял товар, положил на ленту, заплатил. Не надо быть полиглотом.

– Послушай, Светлана, – ошетинивается в ответ Вильям, – ты уже три недели просидела тут, практически ничего не делая. Мы же тебе платим не за болтовню в МСНе. Появилась реальная работа. Ты ее будешь делать или нет?

– Буду, – повинно опускаю голову я.

– Так вот. Пока Майкл в Риге ты оказываешь ему всяческую посильную помощь. Вплоть до вызова такси. Я дам тебе несколько чеков, которыми ты будешь расплачиваться за подобные услуги. Через два дня Майкл возвращается на Мальорку.

То есть таскать на себе пожилого британца мне придется всего два дня? Замечательно.

– И ты летишь с ним! – неожиданно сообщает босс.

От удивления мои и без того не маленькие глаза вырастают в полтора раза.

– Дело в том, – спокойно продолжает мистер Стоун, – что Майкл недавно пережил очень серьезную операцию. И ехать так далеко одному ему было бы рискованно. Мы выбрали вас в сопровождающие. «Мне нужен труп, я выбрал вас, до скорой встречи. Фантомас» выныривает откуда-то из подсознания. С одной стороны скататься бесплатно на Балеарские острова вроде как и неплохо. Но когда я представляю себе, что все время этой поездки, я буду вынуждена катить перед собой инвалидное кресло и подтирать страдалыцу слюни, проклюнувшиеся

было крылья засыхают и отваливаются. Наблюдая краем глаза метаморфозы, происходящие с моим лицом, Вильям добавляет:

– Ты, конечно, можешь, отказаться. Найдем кого-нибудь другого. Но учти, что вся поездка за счет клиента, проживание в четырехзвездочном отеле и кормешка, плюс командировочные от фирмы. Там тебе делать практически ничего не придется. Загорай, купайся. Через неделю привезешь его обратно.

Колесики в моем мозгу вращаются со скрипом.

– А можно подумать?

«Позвонить другу или взять помощь зала?» Галкин воплотившийся в Вильяма Стоуна презрительно шурится. Ему непонятно, как над таким заманчивым предложением (просто манной небесной, обрушившейся кучей на мою голову) можно еще раздумывать.

– Подумай до завтрашнего утра. Это крайний срок, потому что надо заказывать билеты.

«Есть, сэр!»

– А сейчас я познакомлю тебя с Майклом, – мистер Камень бросает беглый взгляд на наручные часы неизвестного производителя, – Через пятнадцать минут у нас назначена встреча в CoffeeNation. Постарайся ему понравиться. Улыбайся, не молчи, не перечь.

Можно подумать, этот пристарелый Майкл меня сватает по мусульманским традициям. Улыбайся, не перечь! Профессии, подразумевающие присмыкание пред кем бы то ни было, никогда не внушали мне энтузиазма. Когда-то в университетские годы я пыталась ишачить секретарем. Улыбалась клиентам, подавала кофе. Они улыбались в ответ, но после первого глотка улыбки сползали с лиц, и переговоры не ладились. Ну, а что собственно говоря такого. Меня в университете учили вылавливать синекдохи из Свифта и Дефо и стряпать доклады по романтизму и реализму, а не кофе для противного шефа и его безликих гостей. А уволилась я даже не из-за кофе. Однажды, начальник отправил меня за сигаретами. Я, человек некурящий (освоение таких навыков в учебной программе тоже не значилось) долго думала, что предпочесть, «Мальборо» или «Камел». В результате, так и не определившись с выбором, вышла из киоска, села на маршрутку и отправилась домой. Пусть сам ходит за сигаретами, может, растрясет немного свое пивное брюхо. Из всего вышеперечисленного можно сделать грибо-едовский вывод: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Так бы я и заявила Вильяму, если бы смогла перевести эту крылатую фразу. Он истолковывает мое молчание как согласие. Мы спускаемся по лестнице, выходим на улицу. Я шагаю сзади, возвышаясь над худосочным британцем на две с половиной головы. Войдя в кафе, сразу ищу глазами инавалидное кресло. Ничего подобного не наблюдается. Нам на встречу поднимается двухметрового роста господин в мятом костюме цвета собачьих испражнений. Беспомощным его не назвать, хотя и здоровым тоже с большой натяжкой. У него землистое лицо с кожей, напоминающей по структуре невкусную манную кашу, которую потыкали ложкой и бросили. Вылепите на этом фоне маленький рот с сухими губами, длинный, слегка кривоватый нос и круглые, испещренные красными прожилками глаза и вы получите точный слепок физиономии моего будущего клиента. Вот тебе и подарочек к дню рождения! Единственный явный полюс – отсутствие инвалидной коляски. Этот гремлин по крайней мере самостоятельно передвигается. Вильям представляет нас друг другу. Я улыбаюсь во все зубы, даже в те, что с пломбами. Майкл едва заметно растягивает свои узкие губы. Мы устраиваемся за маленьким столиком. Таким маленьким, что моя коленка упирается в костистое бедро клиента, а наши лица оказываются на недопустимо близком по всем психологическим канонам расстоянии. Я порываюсь отодвинуться, но за моей спиной стена.

– Что тебе заказать? – проявляет инициативу мой непосредственный начальник.

– Латтэ.

– Это все?

А что еще можно заказать в кафеюшнике, где подают только кофе и сухие булки? Сухую булку я не хочу. Вильям пропадает из виду. Я остаюсь наедине с красавцем-мужчиной. Продолжаю дружелюбно скалиться, прикладывая попутно недюжие усилия, чтобы вызволить свою коленку. Майкл неожиданно пододвигается ко мне еще ближе и, обжигая мое ухо пропитанным табаком дыханием, шепчет:

– Ты знаешь, почему в мире ведутся войны?

Так, приехали! Мало того, что не Ален Делон, так еще и явно не в себе. Мне что его в смиренной рубашке на Мальорку вести? Что там мне советовал босс? Не перечить? Я улыбаюсь еще шире, чтобы псих принял меня за свою, и мотаю головой.

– Ты думаешь, за всем этим стоит Америка? – хитро подмигивает он мне.

Вообще-то думаю. Но Америка и Британия, как известно, друзья (назовем так, чтобы не вдаваться в интимные подробности непростых отношений этих двух стран), а следовательно лупоглазый может оскорбиться. С другой стороны его вопрос сам по себе подразумевает положительный ответ. Я киваю. Майкл всем своим видом (потрескавшейся полу-улыбкой и закатившимися глазами) демонстрирует удовлетворенность моей реакцией.

– Все так думают. И ошибаются, – триумфально заключает он, – Это евреи!

– Что евреи? – от неожиданности я покачиваюсь на своей табуретке.

– За всем этим стоят евреи! – радостно хрипит британец.

– А!

Мнение не ново и не оригинально. Пастернак и сельдерей, что ни овощ, то еврей. На мое счастье Вильям возвращается с двумя дымящимися кружками, освобождая меня от необходимости продолжать этот бессмысленный разговор. Они обсуждают какие-то свои, одним им интересные, вещи, вроде повышения цен на газ и заработанных Британией на Олимпийских играх медалей. Я тайком наблюдаю за Майклом, потягивая свой горячий напиток. Сейчас он выглядит вполне адекватным.

– Ну, что ж, – делает вывод Вильям спустя пол часа, – Я надеюсь вы друг другу понравились.

Я с большим усилием приподнимаю уголки губ. Майкл в свою очередь тоже не выражает большого энтузиазма. Хотя он мог бы! Ему-то как раз со мной повезло. Может, конечно, в антисемитских политических рассусоливаниях я не очень сильна, зато хоть посмотреть на меня приятно.

– Замечательно, – заключает с переизбытком энтузиазма мой коротышка-начальник, – Майкл, Светлана вам на сегодня понадобится?

Моя щека выходит из под контроля и болезненно дергается, не вынеся столь беспардонного отношения к моей персоне. Обо мне говорят как о вещи. Вам понадобится сегодня машина? А компьютер? А туалетные принадлежности? А Светлана? Майкл кивает своей некрасивой, напоминающей подгнившую картофелину головой.

– Я хотел бы купить пару стульев. А тяжести мне носить нельзя. «Отлично!» закипает у меня внутри раздражение. Стулья потащит хрупкая переводчица со зрением минус девять. Мне, между прочим, врачи больше трех килограммов поднимать не советуют. Надо бы прямо вот так вот прямо встать и заявить этим двум зажавшимся британцам. Рабство давно отменили! Но я почему-то продолжаю сидеть, обиженно уставившись в кофейную гущу на дне чашки.

– Окей, тогда я вас оставляю, – работогровец вылезает из-за стола, – Вот тебе, Светлана, чек на такси и номер, по которому ты вызовешь машину. Услугами других компаний мы не пользуемся. Только этой. И Майкл ездит исключительно на такси, которое должно быть своевременно вызвано. Это ясно?

– Yes, sir! Разрешите выполнять?

– Удачи. Я поворачиваюсь к клиенту, усердно натягивая на лицо маломальски дружелюбное выражение.

– Сейчас вызовем машинку, – объясняю я ему елеиным голоском как малышу из ясельной группы, который грозит вот-вот расплакаться.

Майкл безразлично кивает. Такси прибывает спустя десять минут, за которые мой нездоровый подопечный успевает зевнуть ровно десять раз, по разу в минуту, давая мне возможность отлично разглядеть его желтоватые похожие на кукурузные зерна зубы. Забравшись в салон автомобиля, он, очередщной раз зевнув, замечает, что зря таксист обклеил переднюю панель фотографиями голых женщин. Я стараюсь отвлечь его внимание на какую-нибудь безобидную тему. У меня это не очень получается. Машина тормозит у торгового центра. Я расплачиваюсь выданным мне чеком фирмы, и выезжаю вслед за Майклом. В это время просторные торговые залы практически пустуют. Мой клиент направляется в мебельные отдел. Он долго кружит между шкафами и диванами как собака, выбирающая место для туалета.

– Вот эта табуретка ничего, – спустя минут тридцать выносит вердикт Майкл, – Но мне нужна зеленая, а эта синяя. Спроси, нет ли у них такой же только зеленой.

Я послушно взваливаю на плечо указанную четырехногую и тащу ее работнику магазина. Тот заявляет мне, что зеленых в наличии не имеется. Майкл разочарованно вздыхает, переворачивает табуретку и принимается разглядывать ее брюхо со скрупулезностью хирурга, готовящего пациента к операции.

– Можно открутить вот этот винт, – делится он своими соображениями со мной, – Снять крышку и перекрасить ее. Иди спроси, могут ли они перекрасить, и сколько это будет стоить.

Мы с табуреткой повторяем маршрут. Продавец (или как сейчас модно говорить сейлс-менеджер) не соображает, чего я от него пытаюсь добиться. Он мыслит однолинейно – синяя есть, зеленой нет, зачем что-то крутить? Я возвращаюсь с неутешительным известием. Мой изобретательный клиент тем временем откопал где-то зеленый табурет со спинкой.

– Если вот эту крышку переставить на ту табуретку, получится что надо. Сбегай узнай, могут ли они это сделать.

Я пытаюсь втолковать британцу, что в магазине работают не конструкторы истребителей, а среднестатистические сотрудники со среднестатистическими мозгами.

– Что тут думать! – возмущается стратег, – Один винт открутил – и готово.

Я тащусь обратно, волоча за собой оба стула. Продавец таращится на меня и, выслушав сумбурные разъяснения, возмущается:

– Здрассте! А кому мы потом продадим сине-зеленый табурет?

– Ну, так даже интереснее, – неуверенно бормочу я, – Дизайнерская задумка.

– Послушайте, девушка, берите оба стула и делайте с ними, что душе угодно. Хоть вертолет с пропеллером.

Идея насчет вертолета не кажется Майклу конструктивной.

– Я не буду платить за то, что мне не надо, – оскорбляется он, – Знаешь что, возьмем тогда три синие, и ты мне найдешь рабочих, которые перекрасят.

Гениально. Латвия – страна красильщиков табуреток. Они, можно сказать, на каждом углу валяются. Майкл оплачивает покупку.

– Мы оставим их пока здесь, чтобы тебе по всему торговому центру с ними не таскаться, – великодушно разрешает он.

Рабу-носильщику в пору упасть в ноги господину и биться головой об пол от проявленной благосклонности. Я скрежещу зубами.

– Теперь пойдем выбирать лампочки, – командует эксплуататор. Только сейчас я понимаю, на сколько неполной была наша университетская программа. Кому нужны Джон Донн и Эдмунд Спенсер, когда ты не знаешь таких элементарных понятий как «разъем лампы», «триоды» и «пентоды». Причем, оказавшись между клиентом-британцем и продавцом-латы-

шом, я не понимаю ни одного, ни второго. Хорош посредник. Пока я краснею и блею на манер латвийского флага, эти двое как-то сами между собой договариваются. Британец протягивает мне мешок приобретенных лампочек.

– Я устал. Пойдем выпьем кофе, – распоряжается он.

Я беру себе зеленый чай и усаживаюсь напротив. Надо заметить, что обладатель виллы на Мальорке не делает ни малейшей попытки оплатить мой скромный заказ.

– Надо быть добрым и щедрым, – ни с того, ни с сего выдает он, – Это великая мудрость.

Ну, да, то-то тебя от этой щедрости так и распирает! Лицемер британский!

– Я в последнее время стал много думать о смысле бытия, – продолжает Майкл, – Даже решил написать книгу.

«Как поработить бедных латвийских переводчиц»? «Как смастерить из синей табуретки зеленую»?

– Я назову ее «Путь к спокойствию души». Это будет некий сборник советов, как познать себя и обрести спокойствие.

– Очень познавательно.

На месте моего гниловатого собеседника я бы не слишком стремилась познать себя. Лучше уж тешиться иллюзиями.

– Как ты думаешь, почему я тебе все это рассказываю? – придвигается ко мне философ, обдавая меня сомнительным ароматом своей несвежей ротовой полости.

Думаю, что для того, чтобы поддержать некоторое подобие светской беседы. И ошибаюсь, не дооценив глубину потребительского ко мне отношения этого заграничного капиталиста.

– Дело в том, что мне нужны некоторые материалы для книги, – Майкл выуживает из мятого коричневого кармана безымянный диск, – Здесь аудио-запись выступления Дипака Чопры. К послезавтрашнему дню мне нужна печатная расшифровка.

Еще один подарочек ко дню рождения. Я избалована как никогда.

– Постараюсь сделать, – безрадостно бубню я.

– Постарайся. Вилли сказал, что я во всем могу на тебя полагаться. Вилли в детстве мало били. Как можно обращаться так бесцеремонно с живыми людьми. У меня, между прочим, рабочий день нормированный. И я не собираюсь всю ночь расшифровывать этого Касамутру.

– А у меня сегодня День Рождения, – признаюсь я в надежде растопить бетонное британское сердце.

Мой клиент морщит свою и без того не гладкую кожу лица.

– Такое случается, – однотонно бубнит он, допивая свой кофе, – Но мы во всем должны быть умеренны, и в горе и в радости.

А в занудстве и безразличии?

– Пора ехать, – решает умеренный, взглянув на часы, – Вызывай такси.

А, может, вас на плечах понести? Со стульями в придачу? А вы будете сидеть сверху, свесив ножки, и рассуждать о щедрости и доброте душевной. У меня так и чешутся кулачки садануть этому гниляку по черепушке. Правда, есть риск, что тогда он рассыпется на труху как проеденное жуками дерево. И слабенькая конторка Стоуна лишится своего единственного клиента. Таксист помогает мне справиться с синими табуретками. Майкл называет свой адрес. На часах без десяти пять. Мой рабочий день целеноправленно катится к своему завершению. Я тайком залезаю в сумку и достаю телефон, который целый день промаялся там с выключенным звуком. За время изгнания аппарат разжился десятком пропущенных звонков от Константина, несколькими от друзей и кучкой поздравительных сообщений. Мой романтик в одном из них обещает заехать за мной после работы и преподнести обещанный сюрприз. Что ж гидромассаж и соляная сауна мне сейчас совсем не помешают. Я расплачиваюсь с водителем. Он вытаскивает из багажника длинноногие стулья. Майкл смотрит на меня выжидающе, очевидно, рассчитывая, что я потащу эту ношу и дальше.

– Здесь не далеко, – успокаивает он, видя мою нерешительность, – Пятый этаж.

Старый дом без лифта. Табуретки как пауки цепляются за перила своими металлическими лапами. Я пыхчу от напряжения, неуклюже карабкаюсь, и мысленно проклиная всех англичан вместе взятых. Не зря все-таки тот алкаш пристал к нам с Верой в баре. Это было знамением. Этаким предупреждением – дальше больше.

– Вот сюда поставь, – показывает достойный правнук Оливера Кромвелла, когда мы, наконец, оказываемся в квартире.

Я выстраиваю стулья-мучители в коридоре. На сегодня ишак может быть свободен?

– Ах, да, чуть не забыл, – оборачивается маломасштабный тиран, – До отъезда мне нужен африканский барабан и лук со стрелами.

А святого Грааля вам не подать на блюдечке с голубой коемочкой? Моему настрадавшемуся за день терпению приходит конец.

– Возможно, я вас разочарую, но выпуск африканских барабанов в Латвии в связи с инфляцией временно приостановлен. И со стрелами тоже напряженка. Зато лук есть. В любом продуктовом магазине. Вам какой репчатый или пырей?

Моя язвительность оставляет клиента равнодушным.

– Наведи справки. Если захотеть, можно найти все что угодно, – напирает он.

Если захотеть, можно в космос улететь. Приплатить только двадцать миллионов и вперед.

– Я попробую.

– До свидания.

Мда, ну, и выродок же мне достался. Мэрил Стрип со своей «Прадой» отдыхает. Я звоню мистеру Камню и сообщаю о капризах Майкла.

– Будем искать барабан, – вздыхает он, – Ты завтра приходи раньше, займешься расшивкой.

Я уныло дакаю и отключаю связь. Мобильный почти сразу загорается вновь. На связи мой сегодняшний сюрприз.

– Где ты была весь день? – оглушает меня трубка.

– С Днем Рождения! – ворчу в ответ я.

– Да, я сто раз уже тебя поздравил. Ты чего не отвечаешь? – продолжает бесноваться Константин.

– Я работаю.

– А я что делаю, по-твоему?

– По-моему, ты на меня орешь. Если сейчас же не прекратишь, я брошу трубку.

– Ладно, извини, – тушется мой герой, – Я волновался.

– Ты тоже извини. У нас новый клиент. Ни минутки свободной не было, – в свою очередь смягчаюсь я.

– Молодой и красивый? – ревностно вопрошает он.

– Старый и гнилой. К тому же лицемер и зануда. В общем, хуже не придумаешь.

– Бедный мой котенок!

Ну, вот сразу видно, Костик пришел в себя, вернулся в животный мир.

– А у меня для тебя сюрприз! Где встречаемся?

– Я напротив Национальной Оперы, – оглянувшись, делаю вывод я.

– Давай у Лаймовских часов.

Оригинальности моему кавалеру не занимать. Лаймовские часы – известное место встреч, где в любое время суток и в любую погоду переминаются с ноги на ногу и сжимают в потных ладонках по красной розе соискатели малобюджетной романтики. У меня нет сил возражать и выбирать менее клишевый вариант.

Когда я подхожу ближе, Константин уже ждет меня, проделывая выше описанные пируэты. И о, ужас! В его правой руке щетинится шипами пресловутая красная роза! Я закрываю

глаза и щипаю себя за щеку. Открываю. Неутешительная картинка не меняется. И это мой сюрприз? Банальная роза цвета прокисшего «Бордо»? Более продуктивные нейроны советуют мне не впадать в транс, сделав поспешные выводы. В конце концов, может быть, в сердцевине этой розы скрывается от посторонних глаз колечко с увесистым бриллиантом. Или новый «Лексус». Или вся Венеция вместе с каналами и гондолами. Уже слышу как мне в затылок бросают обвинения в излишнем материализме. Не оставляю эти упреки без ответа. Будь Константин беден как цирковая мышь, я с благодарностью приняла бы от него кусочек засохшего сыра. Но он ведь, собака, не голодает! Сам весь в шелках, бархате и «Дольче-Каваллях», а на день рождение любимой припер двухлатовый цветок? По истине сюрприз!

– С Днем Рождения, котенок, – тянется между тем ко мне поздравитель, не замечая мою перекособочившуюся физиономию.

– Спасибо, – мямлю я, уперевшись носом в вышитый на его свитере логотип «Живанши». Роза вражески колет мне ладонь. Чувствует наверно, что я ей не рада.

– Пойдем скорее, я заказал столик в пиццерии!

Сюрпризам нет конца. Они просто прут из Константина как из рога изобилия. «Почему не пельменная?» устало задаюсь философским вопросом я.

– Вот увидишь, мы замечательно отметим! – извергает оптимизм молодой скряга, – Будешь вспоминать как лучший в жизни день рождения!

Не приведи Господь! Пропахший пиццей с ног до головы официант указывает нам столик в уголке. На нем из примитивной вазочки торчит голова еще одной красной колючки. Сюрприз с каждой минутой растет в цене. Может, под конец вечера удастся набрать нормальный букет. Я воссоединяю разделенных судьбой красноголовых сестер. Получается две розы. Как на кладбище. Официант-вонючка разворачивает передо мной изрядно потрепанное меню с отпечатавшимися следами стаканов. Пицца пикантная с яйцом и луком. Пицца экзотическая с луком и ананасами. Пицца романтика с оливками, помидорами и луком. Мда, лука везде хоть отбавляй. А стрел нет. И барабанов африканских тоже. Константин зазывно смотрит мне в глаза и гладит мою возлежашую на меню руку.

– Это и есть сюрприз? – кисло уточняю я, сделав выбор в пользу овощного салата без лука.

– О, это только начало! – загадочно улыбается он, всем своим видом показывая, что собирается вытянуть из шапки за уши еще и не такое. Ну, и какой дохлый кролик там еще притаился? Пивная на вокзале?

– Прикольно, что мы вот так вот вместе, – радуется Константин, макая губы в пивную пену, – Я тебя люблю.

Помнится, одна моя старая подруга, разочаровшись в белых мужчинах, начала встречаться с афроамериканцем. Уроженец Конго (вот, кстате, кто должен был обладать тем пресловутым барабаном) все свои глубокие чувства выражал коротенькими смс: «miss u kiss u» или «love u fuck u». Почему-то европеец Костик напомнил мне сейчас этот красноречивый персонаж.

Прибывший салат оставляет желать лучшего. Листья какие-то помятые и пожеванные, оливки размером с изюмины, креветки и того мельче. Чтобы скрыть все это безобразие повар щедро справил кулинарный выродок майонезом.

– Ты выглядишь усталой. Глаза красные, – делает ценное замечание романтик, подхватывая вилкой кусок пиццы.

За тонкий ломоть теста длинной тонкой лапой цепляется плавленый сыр. Константин тянет в свою сторону, сыр в свою. Последний оказывается сильнее, и любителю дешевой итальянской стряпни достается голое тесто. Наблюдая за этими перепитиями, я невольно вспоминаю свидание двухлетней давности. Меня пригласил в ресторан молодой человек, который мне в то время страшно нравился. Именно страшно, до дрожи в коленках и головокружения. Он,

очевидно, тоже не был ко мне равнодушен, потому как, оказавшись напротив меня за столиком в ресторане, заметно занервничал. Я заказала королевские креветки, он спагетти. За все время ужина мы едва подняли глаза друг на друга. Я изо всех сил старалась при помощи вилки и ножа элегантно распотрошить увертливых розовоспичных гадов, а предмет моих грез сражался напротив с червяковидными макаронами. Впечатление от свидания было испорчено, и отношения загнулись, не разгибаясь. Что-то меня сегодня все сносит в дебри воспоминаний. Наверно пытаюсь таким образом уйти от печальной реальности. Что там глаголит мой рыцарь? Выгляжу плохо? Глаза красные?

– Спасибо за комплимент, – скриплю я недовольно.

– Да, нет, правда. Посмотри в зеркало! – не унимается гад, – Лицо серое. Даже морщины появились.

– Ну, это как раз естественно. Я же стала на год старше.

– Да, нет, просто ты устала.

– Или салатом отравилась. Не удивлюсь, если до меня эти лопухи уже пожевал какой-нибудь крысенок.

– Фу, Света, что ты несешь. Аппетит испортишь!

– Я же не про твою пищу. По ней крысы точно не ходили. Просто ее кто-то уже один раз съел. Или не один...

Константин морщится до такой степени, что становится похож на Майкла.

– Тебе не нравится пиццерия? – догадывает он.

– Если честно, не в восторге, – соглашаюсь я.

– Ну, вот, – горестно вздыхает Костик, запихивая в рот очередной трехугольный ломоть.

Официант приносит счет. Мой кавалер щедро оставляет на чай пятьдесят сантимов. Я подумываю, не забыть ли как бы ненароком два похоронных цветка в вазе, но Константин проявляет бдительность, и мне приходится вытащить мокрые стебли из вазы и захватить с собой.

– Первая часть сюрприза не удалась, но я уверен, что вторая тебе понравится, – заявляет изобретательный товарищ.

Все-таки Венеция?

– Мы идем в казино! – оглашает он, выдержав эффектную паузу.

Одни мамини друзья завели семейную традицию отмечать дни рождения в театре. Так сказать, попутно духовно обогащаясь. Другие менее духовные, и на сей раз мои знакомые празднуют это ежегодное событие в бане. Поел, помылся. Приятное с полезным. Сверкающие испариной лица пьяных гостей на фото. Форма одежды – полотенце. Про казино я еще не слышала. Новая модная фишка?

Игровое заведение находится не подалеку от «трехзвездочной» пиццерии. При входе у нас спрашивают документы и выдают в замен по пластиковой карте. Процедура выигрышей и потерь знакома мне только по роману Достоевского, потому я с чувством первооткрывателя охотно следую за уверенно шагающим по ступенькам Константином. Последний выбирает стол с наименьшей минимальной ставкой и разменивает десятку. Я слежу за его маневрами минут пятнадцать, потом пассивное наблюдение мне надоедает, и я отдаю крупье некую купюру. Костик заказывает по шампанскому, которое для игроков подается бесплатно. Задумка владельца ясна – пьяные клиенты больше проиграют. Мы спускаем по двадцатке, успев заглотить по четыре бокала каждый. Я забываю про серое лицо, красные глаза и жадность ухажера. Мне весело и очень хочется в конце концов выиграть. Константин тянет меня за локоть.

– Пойдем. Сегодня не идет игра.

– Щас пойдет! – уверенным нетрезвым голосом утверждаю я, хватаясь за стол.

– Света! У меня еще один подарок для тебя остался.

При слове «подарок», я расслабляю хватку питбуля и послушно выползаю из-за стола. На свежем воздухе я встряхиваюсь и немного прихожу в себя. Пузырьки шампанского продол-

жают атаковать клетки мозга, но уже с меньшей силой. Константин подхватывает меня в охапку и впивается в мои губы страстным поцелуем. Его отдающий алкоголем и табаком язык агрессивно исследует мою аналогично несвежую полость рта.

– Поехали, – хрипло шепчет Костик мне в ухо. Он тянет меня за собой. Я ожидаю, что кавалер распахнет передо мной дверь подкатившего по вызову такси, но вместо этого он не слишком предупредительно запикивает меня в маршрутку.

– Ты заплатишь? У меня нету мелочи, – наносит оглушительный удар по моему воздушному замку Константин.

Шампанское сдерживает меня от громогласного выражения своего мнения по поводу поведения сынка богатенького папашки. Я, отчаянно скрипя зубами, протягиваю водителю деньги. Костик оказывается на сидении через проход напротив от меня. А непосредственно за моей спиной расположились два подвыпивших обезьяноподобных мужичка, в разговоре которых через каждое слово повторяется изысканный лингвистический оборот: «говно вопрос». Завидев меня, представители местной фауны проявляют живой интерес.

– О-о, девушка! – гнусавит первый, – Куда едем?

– Давайте ехать вместе! – предлагает второй.

Я оборачиваюсь на Костика и выразительно задираю бровь. Мол, вперед, рыцарь, шлем на голову, копьё в руку и на защиту чести дамы. Рыцарь, однако, натягивать доспехи не спешит. Вместо того, чтобы вступить за любимую, Константин упирается взглядом в окно и приклеивается к стеклу, как будто там передают решающий матч чемпионата мира по футболу.

– Де-евушка, вас как зовут? – блеет за спиной первый громила.

Я настойчиво пялюсь на моего доблестного война, точнее на него доблестную спину, которую он охотно демонстрирует мне, отказываясь признавать какую-либо связь между собой и мной. Мало того, что скупердяй, так еще и трус? За какие невероятные заслуги Господь послал мне это двуногое сокровище? Я отворачиваюсь к своему окну. Внутренности обливают клочкающая злость.

– Остановите, пожалуйста! – оживает Ричард Львиное Сердце через пару минут.

Мы выбираемся из салона. Ночное небо сыплет голову мелкими каплями.

– Пойдем, здесь не далеко! – торопит меня смельчак.

– Ты что молчал как немой? – выплескиваю я накопившееся, – Ждал, пока меня на части разберут?

– Не разобрали же, – философски замечает он, – Пошли быстрее, промокнем.

– Куда мы идем?

– Увидишь!

Не знаю, выдержит ли мое ослабевшее за этот день здоровье последний уготовленный сюрприз.

Мы заходим в незнакомый подъезд и поднимаемся по обшарпанной лестнице на третий этаж. Костик долго возится с замком.

– Чья это квартира? – с подозрением вопрошаю я, ступив в темный коридор.

– Санька. Он специально уехал на ночь, чтобы мы могли побыть вместе.

Невероятное самопожертвование. Я представляю, как неизвестный Санек почует на картонных коробках бок о бок с бомжами, и мне хочется уйти. Костик зажигает свет. Моя наивность, вытесненная жестокой реальностью, уже не надеется на накрытый стол со свечами и ванну с лепестками роз. И еще меньше на подарок. Одако, он есть. На диване выседает гигантский медведь с круглыми пустыми глазами и жадно распахнутой едовито-розовой пастью. Есть игрушки, которых хочется обнять, прижать к себе и не отпускать. А есть, наоборот, такие, при виде которых малыши заливаются слезами. Безразмерный гризли принадлежит ко второй категории.

– Тебе нравится? – гордо осведомляется Константин, уверенный, что я вот-вот описаюсь от восторга.

Не дожидаясь ответа, даритель изъявляет желание получить плату за свой щедрый дар и запускает ладони под мою блузку.

– Иди сюда, – бормочет он голосом героя дешевого порнофильма, – Разворачивай последний подарок.

Венец этой груды сюрпризов таится, как я подозреваю, под полосатыми семейными трусами, краешек которых уже показался из-под джинсов Дольче&Габбана. Мужчине, который не обладает ни смелостью, ни щедростью, ни красноречием, природа должна была компенсировать все эти пробелы хотя бы одним весомым достоинством. И я решаю с ним ознакомиться.

Костик не очень умело помогает мне разоблачиться и тянет за собой на раскладную кушетку. В голове жужжит рой бестолковых мыслей. В их числе гипотеза, предполагающая, что умные женщины заводят любовников помоложе не ради удобства обстановки, а ради качества секса. Константин, конечно, не на много меня моложе. Всего на год. Хотя нет, теперь на два. А это уже существенная разница. Что он там копошится? Припал нежным поцелуем к моим ребрам. Кто сказал юнцу, что ребра у женщины это эрогенная зона? Следующей жертвой шершавого языка становится мой живот. Он собрался вылизать меня с головы до ног? У меня складывается впечатление, что по мне ползает заблудившаяся виноградная улитка. Склизское земноводное спускается вниз и добирается, наконец, до того участка, где его мытарства могут принести какой-то результат. Судя по производимым движениям вряд ли положительный. Язык неожиданно уступает место носу, которым молодой любовник остервенело трется о мое самое чувствительное место. Я невольно вскрикиваю. Костик принимает этот болезненный возглас за поощрение, и принимается тереться с удвоенной силой. Я некоторое время терплю эту изошренную пытку, но когда вместо носа меня касается подбородок с двухдневной щетиной, терпение пропадает без следа, и я ору в горло.

– Прекрати! Садист поднимает на меня мокрую довольную физиономию.

– Не надо себя сдерживать, – заявляет он.

Если бы я себя не сдерживала, я бы тебя в самом начале твоих упражнений саданула бы кулаком по темечку.

– Какая ты влажненькая! – радуется умелец.

Конечно, облизывал всю.

– Я буду звать ее мокрой кошечкой, – продолжает разглагольствовать Константин, разглядывая меня в тусклом свете настольной лампы. Шампанское совершает сальто в моем желудке, угрожая его покинуть.

– Давай обойдемся на сей раз без семейства кошачих, – предлагаю я, с трудом подавляя рвотные позывы.

– А как же мне ее назвать?

– Никак. Заткнись и действуй.

Начинающий литератор собирается вернуться в прежнюю позицию и возобновить контакт своего лица с моим междуножьем.

– Нет. Только не это, – умоляю я.

Константин задумывается, перелистывая в уме страницы «Камасутры». Мне кажется, я даже слышу их шелест. Над головой героя загорается лампочка. Есть идея.

– А давай я тебе сделаю массаж! – озвучивает он ее.

Ну, массаж, так массаж. Если предлагает, то возможно умеет. Хотя не факт. Начинаящий массажист переворачивает меня на живот на принимается стучать по позвоночнику холодными кулачками.

– Эй, осторожнее, не матрас выбиваешь! – жалуюсь я, вынырнув из подушки.

– Начало энегричное, а дальше эротика, – обещает барабанщик, – Расслабься, котенок.

Я терплю это энергичное поколачивание в надежде на обещенную эротику. Плюшевый хищник взирает на меня своими пласстмассовыми глазами и садистически лыбится. Если это лучшее в моей жизни день рождения, то я предпочитаю сразу набросить веревку на шею, чтобы разом избежать последующих нечеловеческих мучений. Константин перестает отбивать дробь и переходит к тому, что, должно быть, считает эротикой. На мой взгляд его действия больше всего напоминают раскатывание теста. В роли последнего, как нетрудно догадаться, моя несчастная спина. Я решаю, что пора прервать этот затянувшийся фарс.

– Слушай, давай откинем прелюдии, – по-деловому предлаваю я. Начинаящего Казанову такая непредвиденная реакция подопытного объекта ставит в тупик.

Он переминается с колена на колено. Холодный ночной ветер, пробравшись сквозь приоткрытое окно, шевелит тюль и полосатую штанину боксеров массажиста. Я силюсь рассмотреть, не скрывается ли под материей восьмое чудо света, но просторный крой не позволяет сделать никаких определенных выводов. Я тяну руку к резинке. Константин неожиданно опережает меня, и вместо того, чтобы избавиться от лишней части гардероба, натягивает трусы еще выше.

– Я не готов! – взвизгивает он голосом кисейной барышни, которую в саду фамильного поместья пытается облобызать соседский юнец.

Лохматый медведь хищно ухмыляется.

– Ты ложись, расслабься. Я сейчас.

Константин прытко спрыгивает с кровати и исчезает из виду. Пошел готовиться. Мы с Потапычем остаемся наедине. Он продолжает ехидно скалиться. Я зарываюсь в проеденное молью одеяло, принадлежащее незнакомому Саньку. Судя по возрасту и виду покрывала, оно пережило блокаду Ленинграда, и, может быть, даже повидало армию Наполеона. Единственный вопрос, которым тычет в меня мой повзрослевший на год мозг, звучит следующее: «Что я здесь делаю?» Двадцатипятилетняя блондинка, не глупая и не уродливая, я в собственный день рождения поджидаю на чужом скрипучем ложе неумелого как бы любовника (Англичане в таких случаях говорят would-be. Would-be lover – мужчина, который мог бы быть любовником, но по тем или иным причинам им не стал). Правильно делает медведь, что посмеивается надо мной. Ничего кроме усмешек зрителей прима не достойна. Надо срочно что-то менять. И я полагаю, что первым «что-то» будет этот как бы мужчина. Неумейка Константин как будто прочитав мои мысли, возникает в комнате.

– Готовься, кошечка, твой котик идет к тебе! – издает он боевой клич и, предварительно потушив свет, обрушивает на меня свои восемьдесят кило.

Он ерзает, копошится, трется об меня своей волосатой грудью. Что касается главной чувствительной точки, там ощущаются какие-то мелкие невнятные толчки.

– Ах, как хорошо, да, еще, – стонет тяжеленный котяра, впечатывая меня в диван.

Не знаю, что там ему «еще», и что там ему «хорошо». Я кроме горящего желания спихнуть с себя чужеродную тушу никаких других эмоций не испытываю. Как бы так ненавязчиво сменить позицию «раздави партнершу» на какую-нибудь более эффективную? Я не успеваю довести эту рациональную мысль до конца. Котик закатывает глаза, устрашающе сверкая в темноте белками, и издает сдавленный хрип умирающего от удушья хомячка. Почему хомячка? Потому, наверно, что процесс спаривания у этого зверя длится меньше минуты. В этом они с Константином очень схожи. Я выбираюсь из-под развалин гиганского хомячищи и вдыхаю воздух полной грудью.

– Тебе было хорошо, котенок? – шелестит зоофил, сладко потягиваясь.

– Нет, хомячок, – честно признаюсь я.

Благо «Космополитены» и «Секс в большом городе» отучили прогрессивных девушек, врать, спасая эго неумелого партнера.

– У тебя не..., ты не..? – удивленно бормочет горе-любовник.

– Скажи мне лучше, где здесь ванна, – я сползаю с кровати и подбираю с пола одежду.

– Нет, ну, если ты не..., а давай как в начале! Тебе же понравилось! – не унывает добрый молодец, демонстрируя мне готовый к активным действиям язык.

– Давай не будем больше мучить друг друга, – устало вздыхаю я, захлопывая за собой дверь ванной.

Холодные брызги жалят лицо. Постепенно к ним присоединяются теплые ручейки слез. Я сижу на краешке пожелтевшей от времени ванны и оплакиваю свою горькую судьбину. Шум воды заглушает мои всхлипы. Константин несколько раз стучит в дверь, проявляя беспокойство по поводу моего состояния. Я упрямо молчу, давясь слезами. Спустя минут пятнадцать мне, наконец, удастся собрать себя в кучу, стереть с этой кучи следы размазавшейся туши и освежить макияж.

– Вызови мне такси, – командую я.

– Ты что! У нас квартира до утра. Санек только в десять вернется.

– Вызови мне, пожалуйста, такси, – в моем голосе звенит металл, который грозит в случае неповиновения расплавиться и спровоцировать широкомасштабную истерику.

– Я вызову, только это... у меня денег нету. Сама заплатишь, хорошо?

Я вытаскиваю из сумки кошелек. Оставшаяся желтая мелочь неутешительно позвякивает в кармашке.

– Где ближайший банкомат?

– Не знаю. Я тут второй раз. Ты лучше на маршрутке езжай. Она прямо напротив дома останавливается.

Ромео тянется ко мне с патетическим поцелуем. Я отступаю. Он противен мне от кончиков пальцев на ногах до заросшей кудрями черепушки.

– Не забудь цветы и медведя! – напоминает меценат.

– Оставь их себе! – грублю я, выходя на лестничную клетку.

– Света, ты что! Это же подарок! Я так старался!

Видали мы как ты старался. Хомяк! Я спешу вниз по ступенькам. На мою удачу (единственную за эти страшные сутки) маршрутка прибывает почти мгновенно. Я устало плюхаюсь на сидение. Измученные линзы туманятся. Я тру глаза, чтобы вернуть картинку. Неопрятного вида гражданин на переднем сидении громогласно делится с мобильником пережитым. «Прикинь, хряпнули мы с Шуриком водки по бутылке на брата, потом пивом догнались. Ну, да, сам знаешь, пиво без водки, то есть водка без пива... Короче, хорошо сидели, коньячку добавили. У его тещи заначка была. Ага, святое дело! Не, ну, нормально выпили. У меня ни в одном глазу. Шурик еще за бутылкой сбегал. И черт меня дернул пирожком закусить. Там наверно начинка не свежая была. В общем отравился. Весь вечер в сортире просидел. Не, ну, погуляли все-равно классно». Классика отечественного кино. Выпили по три литра алкогольной мешанины на брата, а отравился бедняга пирожком. «Run, Forest, run!» сигналият уцелевшие остатки интеллекта. Я выгружаюсь из маршрутки на своей остановке. Куда бежать? На поиски очередного Константина? Или такого Вовика как у Веры? Или негра «kiss u miss u»? Или занесенного в Красную книгу идеального мужчины? Ответ ужом вползает в черепную коробку и складывается там колечком – бежать надо на Мальорку. Пусть с десятью табуретками и пахнущим мертвячиной Майклом на спине, зато к морю и пальмам. А там, как мне обещал Вилльям, мне не придется тягать тяжести и покупать лампочки. Можно будет отдохнуть, покупаться и завести ни к чему не обязывающий курортный роман. Нет, ну, лучше, конечно, обязывающий. С пышной свадьбой и любовью до гроба в перспективе. Но я реалистка. А потому позволю себе помечтать хотя бы о краткотечном. Но настоящем. С нормальным мужчиной, не хомячком, и не бусенькой. Хотя я и слышала, что мысли материальны, тем ни менее даже не подозреваю, что мое пожелание поступило в небесную канцелярию, и по нему уже вынесен положительный ответ.

– Ты какая-то опухшая. Заболела что ли? – участливо замечает мистер Стоун, когда я на следующее утро заявляюсь на штаб-квартиру.

– Надорвалась. Ваш клиент нагрузил меня как верблюда, – ворчу я в ответ, щедро плеская в чашку дымящийся кофе.

На самом деле я просто не накрашилась. Ну, и не выпалась, конечно, благодаря многочисленным сюрпризам. Короче, Вилльям прав. Опухшая сонная физиономия с увесистыми мешками под потухшими красными глазами. Именно так выглядит женщина после неудачного секса. В случае удачного картина аналогичная, только уставшие глаза красноречиво светятся. Я жадно заглатываю бодрящий напиток и усаживаюсь за расшифровку Майкловской белеберды. Убаюкивающий голос американского психолога опутывает черепную коробку сетями сна. «Чем банановое дерево отличается от тигра?» задает себе животрепещущий вопрос ученый. Оказывается, дхармой. Я откровенно зеваю, демонстрируя наблюдающему за мной краем глаза шефу все свои внутренности.

– Что ты решила по поводу поездки? – спрашивает он после моего очередного гигантского зевка.

Я сдвигаю наушники на бок.

– Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть. В смысле я согласна.

– Отлично, – потирает ручки рабовладелец, – Сегодня же закажем билеты. У тебя есть страховка жизни?

– А что моей жизни что-то будет угрожать? – настораживаюсь я.

– Так полагается. Если нет, мы тебе сделаем.

Ага, в случае моей несвоевременной кончины, денежки выплатят фирме-аферисту во главе с мистером Стоуном.

– Спасибо. Я как-нибудь сама. – Ну, как хочешь. Не буду тебя отвлекать.

После тигра господин Чопра переключается на брата его меньшего, столь обожаемого Константоном кота. Речь идет о том, что животное быстро забывает неприятное. Вот увидел малокалиберный полосатый хищник воробья, прыгнул, промахнулся... А дальше.. А дальше что-то непонятное наворотил модный психолог. «The cat misses and pisses» настойчиво повторяет мне в наушник он вот уже шестой раз. «Misses» понятно – промахивается, а вот «pisses»... Малая нужда-то тут причем? Или ее справление помогает смириться с поражением? Или, может, кот таким образом по-английски изъясняет свое наплевательское отношение к упущенной птице? Типа – да, мне на это все... Ладно, мы не психологи, вдаваться в подробности не будем. Следующие два часа я постепенно погружаюсь в такое болото нелепицы, выбраться из которого вряд ли под силу даже здоровому трезвомыслящему человеку, не говоря уже о невыспавшейся, постаревшей на год блондинке. «Мои руки становятся реками» машинально строчу я, «мои глаза озерами, мои плечи горами, мой живот полем». Я отвожу взгляд от экрана, и мне чудится, что в дверях уже стоят двое в белом с носилками, улыбаются мне и машут руками-реками.

– Не могу больше, – выдыхаю я, сползая со стула.

– Можешь выйти на обед, я пока проверю, что ты там нагородила, – проявляет недоверие начальство. – К тому, что там уже нагорожено, у меня ничего нового пристроить воображения не хватило, – отбиваю подачу я. Ватрушка, на которую упал мой взгляд в ближайшем кафе, оказалась при ближайшем рассмотрении не достойна внимания с моей стороны. Я бесцеремонно расчленила ее ложкой и отсортировываю многочисленные костлявые изюмины. Мобильный выдает мне сообщение от Константина. Не знаю, вынесет ли мой взбудораженный вчерашним алкоголем желудок сочетания малосъедобной выпечки и очередного рвотно-кошачьего послания. Решив не рисковать, я стираю смс, не прочитав, и пишу в ответ краткое и категоричное «Никогда мне больше не звони». Переспала и бросила! Наконец-то мне удалось совершить настоящий мужской поступок.

По возвращению на рабочий пост обнаруживаю коротышку Вилльяма раскачивающимся в кресле и трясущимся от хохота. «Misses and pisses» повторяет он сквозь слезы.

– Что-то не так? – скорее констатирую, чем спрашиваю я.

– Pases, а не pisses, – исправляет носитель языка, отдышавшись.

– И про реки-руки и глаза-тормоза там тоже не было? – пугаюсь я, всерьез озабоченная состоянием своего здоровья.

– Про реки-руки все правильно, – успокаивает меня шеф, – Бред полнейший. Заканчивай побыстрее. Майкл изъявил желание с тобой встретиться. Он говорил что-то про перекрашивание табуреток. Я толком не понял.

Ах, да, конечно, я обещала найти такого узкопрофильного специалиста. На экране кроме бредовой расшифровки светится окошко МСН, из которого на меня брызжет недовольством опростоволосившийся любовник. «Все вы одинаковые! Ты не лучше других. С твоим прошлым тебе никогда никого не найти!» Последняя фраза, полагаю, по его мнению должна была испепелить меня и пепел развеять по ветру. С моим прошлым! Можно подумать я Миледи, отравившая жизнь многочисленным французским гражданам, а заодно и лорда Винтера с Констанцией. Все мое, пафосно подчеркнутое обвинителем, прошлое сводится к тому, что моя девственность не достоялась до его появления. Я вздыхаю, закрываю окошко и блокирую юзера. Ну, вот, кандидат в спутники жизни не дождался до осени. Я буду собирать разноцветные кленовые листья в гордом одиночестве. С работой, но без любви. «Любовь совершает свой танец в свежести неизведанного. Любовь – это вечное бытие в самой сердцевине отдельного человека» издается в наушниках Дипак Чопра. Моя сердцевина пустует. Я заканчиваю печатать эту ахинею и отправляюсь на поиски красильщика табуреток. Отыскав такового, принимаюсь обзванивать магазины музыкальных инструментов в надежде обнаружить африканский барабан. Продавцы принимают меня за радио-розыгрыш и вешают трубки. Оружейные лавки реагируют на лук со стрелами аналогично. Последние два часа рабочего времени я перевожу переговоры между Майклом и установителем сейфа. Капризный британец проявляет неожиданное доверие и просит меня записать код будущего хранилища. Я выполняю просьбу, моментально забыв указанную комбинацию цифр. Домой еду истощенная, как будто на мне похали. Что впрочем не далеко от истины. В квартире вся кухня завалена разнокалиберными грибами. Среди всего этого великолепия орудуют ножиками мои родители. Если царящую в комнате атмосферу описать с точки зрения физики, то можно смело сказать, что тут присутствуют положительно заряженный протон (папа-добытчик) и отрицательно заряженный электрон (мама, которой предстоит весь вечер эту добычу стряпать). Ну, и я, измученный нейтрон с нулевым зарядом. Папа сажает меня рядом и долго в деталях рассказывает, где какой гриб он нашел. Мама бросает на него недовольные полные укора взгляды. «Хорошо, что он у нас не охотник» шепчу я ей на ухо, чтобы как-то поднять боевой дух. Потом я сообщаю родителям о предстоящей командировке. Они сначала воспринимают известие в штыки, но после моих уверений в старости и неспособности подопечного мужчины нехотя соглашаются. А если бы не согласились.. Если бы не согласились, я бы поехала, не заручившись родительским благословением. Такой уж у меня характер. Ночью я ворочаюсь с боку на бок в надежде, что мне снова приснится тот синеглазый красавец, только на сей раз без бусенки. Но вместо него экран подсознания выдает мне Костика в костюме кота на пару с подаренным медведем. Они гонятся за мной с возгласами «мы сделаем тебе хорошо!» Я несколько раз просыпаюсь, пытаюсь отогнать ошалевших животных, но сон настойчиво возобновляется. На следующий день работодатель отправляет меня в миграционную службу, чтобы выяснить, каким образом пристарелый британский подданный может переквалифицироваться в латвийского. Я выстаиваю бесконечную очередь, за время которой две беременные мамы успевают родить, а одна хилая бабулька скончаться. Выстраданный ответ клерка предполагает, что получить заветное гражданство англоязычный

приезжий может тремя различными способами. Самый простой из них, на мой взгляд (хотя Майклу он таким наверно не покажется) выучить за короткий срок небогатый латышский язык, освоить историю маленькой страны, исполнить гимн и слиться в поцелуе с государственным флагом. Второй способ «натурализоваться» – вложить в экономику страны больше миллиона евро. И, наконец, третий – когда в президентском дворце начнется пожар, прыгнуть в огонь и вынести на руках спящего президента. Есть еще один вариант, запасной, но боюсь его дряхлый Майкл точно не потянет. Можно выступить за Латвию на Олимпийских Играх и заработать золотую медаль. По дороге в бюро, я представляю, как трухлявый британец несется на перегонки, перепрыгивая препятствия и теряя по пути части тела. – А почему, если не секрет, вы хотите поменять британское гражданство на латвийское? – позволяю я себе проявить любопытство, закончив перечислять Майклу его возможности. Он пожимает плечами темно-коричневого пиджака. – В Лондоне не осталось белых лиц. Негры и азиаты. А я хочу жить среди белых. – А на Мальорке? – Там живут испанцы, немцы и англичане. Мне там тоже хорошо, только летом слишком жарко. Вильям выдает мне билет на самолет. – Вы летите AirBaltic'ом до Барселоны, там пересаживаетесь на паром до Пальмы, – объясняет он, – Отпускные мы тебе уже перечислили на счет. Обратный билет с открытой датой, но подразумевается, что ты пробудешь там не дольше недели. – А на месте... – Тебе ничего не придется делать. Загорай, купайся, жди, пока Майкл закончит дела. Звучит заманчиво. Я отворачиваюсь, чтобы спрятать торжествующую улыбку. Есть все-таки Бог на небе. Разочарование в Константине он компенсирует мне неделей отдыха на Балеарах. Эх, если бы все мои разочарования так щедро оплачивались, я бы уже не вылезала с экзотических островов. Ладно, будем радоваться тому, что есть. Я отправляюсь домой радоваться и собирать чемодан, предварительно договорившись заехать за Майклом на такси в семь утра. Мама сообщает, что мне раз десять звонил Костик и бормотал что-то про каких-то котов и чье-то прошлое. А про хомяков ни слова? Странно, мог бы посвятить ее и в свои выдающиеся способности. Я укладываю в старый чемодан, с которым еще родители ездили в медовый месяц, сливки своего летнего гардероба. Каждому наряду сопутствует мысленная картинка. В этом легкомысленном белом платице я буду прогуливаться по набережной, собирая в пляжную сумку заинтересованные мужские взгляды. А в этой коротенькой юбочке выседающей на утесе в лучах заходящего солнца меня увидит мускулистый красавец. А в этом бикини я нырну в лазурно-голубую глубину, посылая восхищенным зрителям тучу брызг. По время всего процесса укладывания с моего лица не сходит счастливо-дебильная улыбка, как у рекламного мужика, объевшегося наркотическим йогуртом. Как же давно я никуда не ездила. Если уж на то пошло, то я вообще за границей (не считая школьные поездки по всяким Литвам – Эстониям) была всего два раза. Один раз в Чехии, второй на Турецком побережье. В последнюю недельную поездку мы отправились всей семьей. Мама жаловалась на отсутствие экскурсий, ее интеллект не позволял целыми днями лежать на солнце кверху набитым брюхом. Папа вообще заскучал, что вполне понятно, ведь грибов в Турции не было. Что касается меня, то набитый до верха расплывшимися от халявной еды отдыхающими бассейн и еженочные дискотеки с неизменным хитом про 7 часов любви на седьмом этаже под пьяные крики соотечественников как-то разошлись с моим представлением об отдыхе. В результате мы вернулись красные как вареные лобстеры и неудовлетворенные. В комнату заходит мама, присаживается рядом на диван, обнимает меня за плечи. – Что-то у меня душа не спокойна, – признается она, касаясь щекой моих волос. – Да, ладно, мам, все будет хорошо. – А мне интуиция другое говорит, – настаивает мама. – Интуиция тебе иногда обманывает. Помнишь, она тебе нашептывала, что мальчик родится. А вышла я, – привожу неизменный аргумент я. – Ну, характер у тебя мужской, – усмехается она, – Решительный, упрямый. – Разве характеры делятся по половым признакам? – улыбаюсь я. – Ты только, пожалуйста, будь осторожна, – стоит на своем мама. – Не вопрос! – И звони каждый день. – Постараюсь. Она выходит, а росток ее волнения,

отпочковавшись, пускает корни во мне. Я безжалостно топчу его ногами. У меня нет причин нервничать. Со мной ничего не может случиться. Ничего плохого. Закончив приготовления, я принимаю душ и запрыгиваю под одеяло, прижавшись к плюшевому лосю, с которым сплю вот уже второй год. Животное обнимает меня мягкими лапами и впитывает в себя мою тревогу. В мире сноведений я снова встречаюсь с красавчиком-брюнетом. Но подлая память отказывается сохранить запись этого свидания на диске и прокрутить его мне утром. А утро для меня наступает гораздо раньше обычного. В шесть я уже завершаю макияж и натягиваю джинсы. А в семь такси тормозит у дома Майкла, и я, выскакиваю, чтобы помочь моему нездоровому попутчику докатить свои чемоданы до машины. Надо сказать, нагрузился он нехило. – Африканские барабаны везем? – язвлю я, забираясь в салон следом за ним. – Барабаны ваше агенство мне так и не нашло, – не остается в долгу Майкл. Один – один, как говорит в таких случаях мой папа, нередко испытывающий наше с мамой терпение своим остроумием. Такси докатывает нас до аэропорта. За внушительную сумму на счетчике водитель считает своим долгом помочь нам вытянуть из багажника тяжести. Далее они переходят в мое распоряжение. Майкл гордо шагает впереди, а я качу следом три чемодана, которые пихаются боками и так и норовят перевернуться. Для полноты картины мне не хватает лакейской ливреи. На все вылеты AirBaltic тянется одна длиннющая очередь. За пол часа до нашего самолета чартер в Анталию, что объясняет такое столпотворение народу. «Вася, мы крем от солнца забыли!» причитает грудастая блондинка с волосами цвета яичного желтка. «А Ванек? Где наш сын?» спохватывается толстопузый Вася. Сына они тоже забыли, но крем, конечно, важнее. – Мне в бизнес-класс, – дергает меня за рукав Майкл, – Подкати чемоданы туда. Потом сама зарегистрируешься. Терпение, только терпение. Пыхтя и потя, я нечеловеческим усилием забрасываю многокилограммовые чемоданы на ленту. Стройная девушка-латышка с неулыбчивым лицом выдает ВИП-клиенту посадочный талон и карточку доступа в business lounge «Solo Club». Он направляется туда завтракать на халяву, а я в конец очереди для простых, не очень важных, пассажиров. Мог бы, конечно, старый хрыч раскошелиться на превилегированное место и для меня. Видимо, решил не баловать обслугу. Когда я, заполучив талон, подхожу к металлодетектору, то обнаруживаю там своего подопечного, бело-зеленого от злости. – Они меня не пропускают! – набрасывается на меня он. – Что не так? – интересуюсь я у тощего таможенника на государственном языке. – Ваш британец звенит со всех сторон, – заявляет служащий и, подозрительно на меня покосившись, добавляет, – Вы что в нем драгметаллы перевозите? Майкл, уловив слово «драг», раздражается возмущенной тирадой. Я искоса поглядываю на него. Может, он – переодетый Терминатор? Или спецгент британской разведки с встроенным механизмом самоуничтожения в случае провала миссии? – Майкл, почему вы звените? – опасливо забрасываю удочку я. – Oh, my God! – взрывается обветшалый Джеймс Бонд, – Я же говорил уже сто раз! У меня после операции железные спицы остались внутри. Вот справка от врача! Я показываю таможеннику справку и разъясняю, в чем дело. Он нехотя пропускает пронизанного железными спицами гражданина Великобритании. Майкл плетется за мной, не переставая гундеть, выражая недовольство по поводу непрофессионализма местных служб. «Вот в Британии...» повторяет через слово соискатель латвийского гражданства. Больше всего его расстраивает факт потери полагающегося ему по праву бесплатного перекуса в бизнес лаундже. Из-за задержки на детекторе у нас не остается лишнего времени. ВИП-пассажир и прислуга эконо-класса поднимаются на борт небольшого «Боинга» с нарисованной на хвосте танцующей женщиной. Майкл занимает свое элитное место, а я обыкновенное сразу за ним. Богатство от бедности отделяет синяя занавеска. При взлете она отодвинута. Задвинут ее во время раздачи еды, чтобы плебеи не пускали слюни, наблюдая за трапезой патрициев. Пока стюардессы машут руками, демонстрируя запасные выходы и способы натягивания спасательного жилета, я листаю обнаружившийся в кармашке переднего кресла журналчик. Читиво рассчитано на иностранных

гостей, почтивших Прибалтику визитом. Авторы рекламируют экскурсии по местам советской оккупации, не скупясь на отрицательные прилагательные вроде «страшный», «кровавый», «ужасающий». Интересно посмотреть на туриста-мазохиста, который за свои деньги пойдет смотреть на это «ужасающее». Станный пиар ход. Далее тем, кто прошел таки кровавые ужасы и остался в живых, предлагается поход по латвийским болотам. Этакий контрольный в голову. Последние страницы как всегда навязчиво пестрят голыми попами и грудями, ради которых собственно большинство иностранцев и тянется в маленькую, но гордую. Впрочем, об этом я уже говорила. Майкл жует что-то за задернутой занавеской, мне же как и остальным несостоятельным пассажирам стрюардессы не подали даже стакана воды. Желаящие могут этот стакан приобрести за полтора лата. AirBaltic, пользуясь монополией на рынке, совместил цены дорогих компаний с сервисом дешевых. Единственный положительный момент – короткая продолжительность полета. Спустя три с половиной часа за окном уже мелькают коричневые крыши барселонских строений. Я силюсь разглядеть воздвигнутые к небу лапы Саграда Фамилия, но мне это не удастся. Самолет приземляется. Барселона! Это площадь Каталонии, Рамбла, парк Гуэля и дом Батльо. Это тапас, паэлья и сангрия. Это Пикассо, Гауди и Каррерас. Для какого-то счастливца. Для меня же это пока что три тяжелых чемодана, зануда Майкл и поиски такси под палящим солнцем. Надо сказать, светило тут не чета нашему прибалтийскому лодырю, печет безбожно. Я ловлю, наконец, таксиста, он, крехтя и скрежеща сквозь зубы «тампа mia», забрасывает сумищи в багажник. До паромна на Мальорку у нас пять часов. Я лелею слабенькую надежду выкроить хоть часок свободного времени и забраться таки на знаменитое творение Антонио Гауди. Майкл обрубает побег надежды на основании. – Сейчас пообедаем в ресторане и поедем в порт. Лучше прибыть с запасом, там регистрация долго идет, – выдает распоряжение он. С запасом, так с запасом. Не судьба нам, Святое Семейство, пока с вами встретиться. Такси довозит нас до ресторана с труднопроизносимым названием – «Ciudad Condal». Похоже, мой дряхлый клиент тут не впервые. Он с уверенным видом занимает столик и требует меню. Список блюд в этом явно нетуристическом заведении имеется только на испанском. Или на каталанском? Второй вариант ближе к истине, потому как Барселона до сих пор считается столицей Каталонии, государства, официально просуществовавшего всего семь лет. Как бы то ни было, и испанский, и каталанский мне одинаково чужды. Я, уткнувшись носом в меню, пытаюсь угадать, что кроется за таинственными «llengueta», «chiperoni», «navajas» и «esparragos». Закомые тапас, чоризо и паэлья в списке не числятся. Майкл делает заказ, из которого мое ухо вылавливает «сора cerveza» и «pulpro». И то и другое звучит вполне аппетитно и я неумело повторяю официанту непонятные слова. Через минуту он ставит перед нами по кружке пива. Отличное начало. – Обычно женщины не любят пиво, – замечает Майкл, опуская сморщенные как гармошка губы в белую пену. – Ну, я не то чтобы люблю, – растерянно бормочу я. «Я его просто ненавижу!» – Оно полезно для кожи и для волос, – выскакивает из подсознания. Майкл взирает на меня недоверчиво. Судя по его внешности слухи о пользе пенного напитка сильно преувеличены. Косоглазый официант, больше похожий на азиата, чем на правнука каталанских трубадуров, выстаивает перед Майклом целый ряд маленьких тарелочек, мне достается только одна с нарезанными кусочками осьминога. Вот ты, оказывается, какой, загадочный пульпо! – Ты мало ешь, – заключает знаток местной кухни. В его голосе явно звучит похвала. Эх, кто же знал, что тут порции такие мизерные. Мог бы предупредить, старый жмот. Упомянутый жмот тем временем уплетает за обе щеки креветок, крошечных кальмаров, поджаренную на масле спаржу и бутербродики с копченым мясом. – Я думаю открыть на Мальорке фирму, – сообщает он мне зачем-то. Впрочем, зачем, догадаться не сложно. Наверняка это предисловие к кокой-нибудь очередной невыполнимой миссии. – Назову ее «Индеец и два волка». «Un indio y dos lobos». Как тебе название? С каких это пор его интересует мнение прислуги? – А чем эти трое будут заниматься? – Не знаю пока. Но я уже придумал логотип. На нем

будет изображен индеец и два волка. – Оригинально. А как же ваша книга? – осведомляюсь я, давясь ненавистным пивом. – У меня на все времени хватит. Я задумываюсь, утопив взгляд в янтарной жидкости. Каждый раз, когда Майкл проявляет инициативу беседы он огорошивает меня какой-то странной неуместной информацией. То виновные в войнах евреи, то смысл бытия, то теперь этот индеец с волками. При чем каждая оригинальная мысль служит не началом будущего оживленного диалога, а сама по себе мгновенно исчерпывается, так и не успев развернуться. И каждый раз у меня создается впечатление, что Майклу наплевать на мое отношение к сказанному, мою реакцию и мое мнение. Тогда зачем он кидает мне эти обрывочные сведения? Чтобы создать видимость светской беседы? Вряд ли. По характеру он холодный и замкнутый, как женщина я его не интересую как личность тем более. Что же тогда? Ваше мнение на этот счет, господин Чопра? А, дхарма у мистера Майкла барахлит? Ну, после перенесенной болезни это естественно. Не будем заострять внимание на мелочах. Британец с прохудившейся дхармой оплачивает счет, и мы выходим на улицу. Низкорослый усатый таксист, отдаленно напоминающий таракана, доставляет нас в порт. До отправки еще два часа. Усталость забирается мне на плечи и свешивает ножки. Я ссутуливаюсь под ее тяжестью и замедляю ход. Майкл ставит меня в очередь на регистрацию, а сам исчезает куда-то. Я выстаиваю сорок минут и получаю четыре талона. Девушка-испанка на очень корявом английском объясняет меня, куда сдать чемоданы. Я избавляюсь от гардеробов на колесиках. Впрочем, гардероб только у меня, а дряхлый философ наверняка везет какие-нибудь книги, обезьяньи черепа и засушенных змей. Как только все неприятные процедуры оказываются завершены, мой клиент чудным образом возникает оттуда, куда до этого исчезал. Мы поднимаемся по лестнице в зал ожидания. Пором подходит с получасовым опозданием, очевидно, переборщив с сиестой. Пассажиры бросаются к перекинутому помосту с ретивостью пиратов, отакующих богатое судно. Внесенная людским потоком на борт, я ищу глазами Майкла. Он обнаруживается неподалеку. – У меня каюта в Club Class'e, – радуется меня мой высокомерный спутник. – А у меня? – на всякий случай спрашиваю я, хотя ответ и так понятен. – У тебя в обыкновенном, – подтверждает Майкл мои домыслы. – Cool. А как я буду оказывать вам помощь в случае необходимости? – Не волнуйся, на такие случаи там навалом персонала. Встретимся завтра утром в багажном отделении. Ага, ну, конечно, я же ишак. Не стоит забываться, ослик Иа. Впрочем, печалиться я не собираюсь. Пусть не в клуб классе, зато свободна. А это тоже неплохо. Я нахожу свою каюту. Это, конечно, не пятизвездочный люкс, но кровать и душ имеются. Последний освежает мое взмокшее за день тело. Я поправляю макияж и переодеваюсь в легкое летнее платье. Настроение женщины нередко определяется тем, что на ней одето. Мое после передевания из усталого обиженного преобразуется в легкомысленно-романтическое. В нем я и выхожу осматривать корабль. Итак, в нашем распоряжении имеется примитивного вида закусочная с бедным выбором бутербродов и пищи, кафеюшка, уже доверху забитая посетителями, пара магазинов типа дьюти-фри и боковые палубы, с которых можно наблюдать индустриальные постройки барселонской периферии. Пассажиры паром делятся поровну на пожилые пары и пары помоложе с детьми. Мужчины из второй категории воровато поглядывают на меня, пряча взгляды за колясками или головами ребятишек. Очевидно, исходящие от меня романтические флюиды так и искрят в разные стороны. Мда, но ловить тут на них точно не кого. Желудок выводит длинную жалобную трель, напоминая, что крохотный пульпо уже давно переварен. Я возвращаюсь в пищеблок и приобретаю разогретую пищу в коробке, на которой красными буквами выведено: «Momentos – para chuparse los dedos!2» Интересно, что бы это значило? «Подожди лопать – поделись с бабушкой?» Или «Это ели еще наши деды?» Или все-таки «Черт тебя дернул поехать с этим дедом?» Как бы то ни было пицца вполне съедобная. Я запиваю ее отвратительно крепким чаем. Насытившись, выхожу на палубу. Солнце оранжево-красным шаром катится к линии горизонта, утопая в подушках облаков. Кроме меня закатом

любуется парочка пенсионеров на приличном расстоянии. Ветер доносит обрывки музыки из кафе. Я облакачиваюсь на перила, купая взгляд в золотистых волнах. Маленькое, но острое счастье сжимает теплыми лапками сердце. «Tonight you killed me with your smile so beautiful and wild» вьется вокруг приглушенная мелодия. Для того, чтобы маленькое счастье переросло в большое мне не хватает бокала прохладного мохито и привлекательного мужчины рядом. Ну, ничего, не все же сразу. Хотя мохито – цель вполне достижимая. Я поднимаюсь по лестнице наверх. Любителей промочить горло перед сном не так уж и много. Два старичка-немца, компания испанских студентов и... Я спотыкаюсь на ступеньке. Тайком щипаю себя за руку. Незаслуженно пострадавшая кожа саднит, доказывая реальность происходящего. За одним из деревянных столиков, повернувшись ко мне профилем, сидит герой моих снов – синеглазый брюнет. Под пеленой сноведений он казался прекраснее, черты его мужественного лица были более правильными, а перекачивающийся мышцами торс более объемным. Действительность поубавила лоска, зато наделила незнакомца харизмой, которая ощущается даже на расстоянии. Во многих современных любовных романах авторы описывают мое нынешнее состояние кратким, но ёмким «увидела и пропала». Мне никогда не нравилась эта гипербола. Куда точнее знаменитые пушкинские строки: «Чуть ты вошел, я вмиг узнала, вся обомлела, запылала и в мыслях молвила – вот он!» Мда, действительно он. Продолжая пылать, я направляюсь к барной стойке. Мохито на корабле не готовят в следствии отсутствия свежей мяты, зато в меню, как ни странно, числится коктейль Куба Либре, который уходит корнями во времена обретения этим государством независимости от Испании. Пару глотков разбавленного колой рома успокаивают дрожь в коленках и снимают излишний румянец. Я усаживаюсь за столик, с которого брюнет хорошо просматривается. Мне не к месту вспоминается все, чем мы занимались с ним во сне. И как раз в тот момент, когда мой мозг бесстыже прокручивает откровенные сцены, мужчина поворачивается и смотрит на меня в упор. Я впиваюсь похолодевшими пальцами в бокал и не отвожу глаз. Мне кажется, что этот безмолвный диалог длится вечность. В фильмах, стоит оператору задержать камеру дольше положенного на двух разнополюх лицах, как зритель моментально догадывается, что бурного романа не миновать. Минуем ли его мы? Судя по тому, что брюнет покидает свое место и направляется к моему столику с явным намерением этот самый роман начать, можно ответить однозначное «нет». – Привет, – говорит он по-английски, – Можно я присяду? И улыбается. Эта улыбка, пусть не очень дикая, но красивая как в песне, окончательно убивает меня, не оставив ни малейшего шанса на спасение. – Пожалуйста. Он говорит, что его зовут Рикардо, что он родом с Мальорки, что работает в какой-то секретной структуре, что любит свежий морковный сок и равнодушен к длинноногим блондинкам. – Не то чтобы ко всем, – поправляет он, видя, как вздернулась при этой фразе моя бровь, – Но к одной точно. И многозначительно смотрит на меня. Я не думаю ни о банальности его слов (англичане называют подобное *risk-up lines*), но о возможных последствиях этой с виду судьбоносной встречи. По правде сказать, я вообще ни о чем не думаю. Разум дремлет, усыпленный развернувшимся не на шутку либидо. Мы болтаем на какие-то отвлеченные темы, в то время как наши тела обмениваются требовательными импульсами «хочу». Эти импульсы, в конце концов, прерывают цепочку беседы. – Пойдем прогуляемся по палубе, – предлагает Рикардо. Я поднимаюсь со стула и зомбированно следую за ним. Пристарелая пара исчезла как по взмаху той же волшебной палочки, что настучала мне Рикардо. В объективе мнимого оператора только купающийся в сверкающих волнах последний лучик солнца и два силуэта – женский и мужской. Режиссеру не удастся избежать затребованного неприятным зрителем поцелуя. Рикардо прижимает меня к себе. Ни вам котиков, ни вам солнышек, ни тем более бусенок. Только его горячие губы на моих и его властные руки, из которых не вырваться. Пока мое бестолковое тело, отдавшись на милость победителя, плавится в объятиях почетателя морковного сока, позволю прозябающему без дела мозгу вставить свое замечание. Человеку, плохо разбирающемуся

в женской психологии, может показаться странным, что интеллигентного вида героиня, не страдающая от многолетнего воздержания, вдруг кидается на шею первому встречному. Первому встречному Мужчине. Заглавную «М» от маленькой отличает поведение отдельно взятого обладателя XY-хоромосом. Скажем, мужчина с большой «М» не будет переминаясь с ноги на ногу и обращаться к женщине с дебильным «можно я тебя поцелую?». Он не назовет ваши детородные органы «мокрой кошечкой», и не спросит: «куда мы пойдем сегодня вечером?» Этот редкий в наше феминистическое время тип излучает силу и уверенность и под его, не терпящим неповиновения, напором выстроенные из принципов и устоев барьеры рассыпаются на кирпичики. Имеется в виду, конечно, что напористый герой похож скорее на Жана Марэ, чем на Луи Дефюнеса. Хотя я уверена, что найдутся любительницы и на лысеньких коротышек. Потому как у каждой из нас есть своеобразный эталон, при встрече с которым вибрируют прожилки и из головы легкомысленной стайкой вылетают мамини заветы, папины наказания и собственное убеждение, что «я не такая, я на первом свидании ближе, чем на метр не подойду». Мой эталон полностью воплотился в Рикардо. Вернемся к нему. За время короткого лирического отступления томимые обоюдным желанием тела переместились с палубы в мою каюту. Я с удивлением узнаю себя в растрепанной полуголой девице, откровенно распластавшейся на кровати. Темноволосая голова Рикардо склонилась над обнажившейся плотью, его руки сжимают мои бедра. Я извиваюсь, пытаюсь освободиться из крепких тисков, потому что уже не в силах терпеть ту сладостную муку, которой он меня подвергает. Но он не отпускает до тех пор, пока мое тело не сотрясают блаженные спазмы. Я вытягиваюсь на простыне, довольно улыбаясь. Он поднимается и целует меня влажными губами. Поцелуй затягивается до самого утра. Наверно в какой-то момент мне все-таки удастся уснуть, потому как, солнечные лучи обнаруживают меня спящей. Никакого представления о такте эти утренние гонцы светилы не имеют, и потому бесцеремонно шныряют по моему лицу, пытаюсь заглянуть в глаза. В конце концов, им удастся разжась слепленные сном веки. Возвращение в реальность дается мне с трудом. Опять снился брюнет с голубыми глазами? Это уже напоминает навязчивую идею плесневеющей в одиночестве старой девы. Надо как-то с этим бороться. Я зеваю и вылезаю с кровати. Все тело болит и ломит, как будто я провела весь вчерашний день в тренажерном зале. Воспоминания возвращаются яркими вспышками. Рикардо! Я лихорадочно оглядываюсь по сторонам. Его нет. На часах без пяти семь. Во сколько мы приплываем? Кажется, в семь. *Mamma mia!* Запихнув мысли о Рикардо в потайной сундучок и задвинув последний на дальнюю полку, я поспешно одеваюсь и чищу зубы. В железную дверь стучит проводник с просьбой освободить паром. Накраситься времени нет. Из тускло освещенного зеркала в ванной на меня взирает опухшая физиономия с щелочками глазами. Но как эти щелочки сияют! Я в последний раз осматриваю ложе любви и небогатую обстановку каюты, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Вроде нет. Рикардо не оставил никакой записки, наверно он будет ждать меня на выходе. Как объяснить наше знакомство Майклу? Хорошая помощница, ничего не скажешь! Только отпустили в свободное плавание, сразу же притаранила на буксире мужика. Мне должно быть стыдно, но я почему-то ни стыда, ни угрызений совести не испытываю. Спрятав нетоварного вида глаза под стеклами солнечных очков, я спешу к выходу. Практически все пассажиры уже выгрузились. У мостика канючит черноглазый мальчуган, восплаивший любовью к кораблю и не желающий с ним расставаться. Ни старого Майкла, ни молодого Рикардо нигде не видать. Я бегу по терминалу. У ленты с багажом всего несколько человек, один из которых безусловно мой замшелый клиент. – Доброе утро! – бодрым голосом приветствую британца я, – У меня будильник не прозвенел. – Угу, – недовольно крикнет он, – забирай чемоданы, они уже десятый раз едут мимо. «А попросить кого-нибудь ты, конечно, не мог!» Надо было дожидаться меня с моими слабыми сосудами головного мозга. Хотя по сути Майкл прав, меня наняли именно для этого, а не для постельных утех с симпатичными испанцами. Кстате, об испанцах,

моего Казановы и след простыл. Ни ответа, ни привета, ни кофе в постель. А что, хотела ни к чему не обязывающий курортный роман? Получите, распишитесь. Я волоку за собой проклятушие чемоданы, которые, как мне кажется, за время плавания прибавили в весе. Майкла встречает машина с шофером. Точнее наоборот, шофер с машиной. Это высокий островетянин с избытком лака на черных волосах и черный же «Мерседес». Мужчина спешит нам на встречу и избавляет меня, наконец, от опостылевшей ноши. Майкл садится вперед, я назад. Автомобиль покидает порт и поворачивает в западном направлении. Я верчу головой, впитывая в себя красочные пейзажи. По обеим сторонам трассы мелькают бело-розовые кусты олеандра, в дали темнеют силуэты гор. Я смотрю на празднично-непривычную флору, и у меня внутри пузырится радость. Все-таки хорошо, что я поехала. К тому же в глубине души, именно там, где сейчас все бурлит от восторга, притаилась уверенность, что Рикардо я еще обязательно увижу. И на сей раз интуиция меня не обманывает. Правда, она милосердно утаивает от меня, при каких именно обстоятельствах эта встреча произойдет. Машина следует указателям Andratx, потом берет правее у щита со смешным названием Magaluf и въезжает в маленький туристический городок. Хотя не знаю даже, можно ли назвать это поселение, состоящее из вереницы отелей и цепочки баров и кафешек, городом. В утренний час все заведения дремлют, как и протусовавшиеся в них всю ночь отдыхающие. Мерседес виляет задом на крутых поворотах и спустя минут десять тормозит у входа в отель. – Вот бланк об оплате, – протягивает мне Майкл через окно, – Размещайся, отдыхай. Я позвоню тебе позже. – Спасибо, – бормочу я, принимая из рук водителя свой чемодан. На ресепшене молодой клерк, владеющий весьма странным гибридом английского, принимает квитанцию и выдает меня электронную карту-ключ. Я поднимаюсь на свой двенадцатый этаж на скрипучем лифте с зеркалами со всех сторон. Открываю дверь, захожу в просторную комнату, отодвигаю шторы. С балкона пробирается свежий солоноватый воздух. У моих ног искрится и перекачивается волнами морской залив. Еще ближе на территории отеля просторный четырехугольный бассейн, в этот ранний час еще пустующий. Я распростираю руки в разные стороны на манер собравшейся в полет птицы и набираю в легкие этого лечебного воздуха. Хорошо! Затем отправляю краткое смс родителям, чтобы сообщить, что добралась без приключений. Вру, еще с какими. Но о безнравственном поведении дочери маме с папой знать необязательно. Выполнив свой дочерний долг, включаю кондиционер и залезаю под одеяло. Надо восполнить сильно пострадавший за ночь запас сил. Я покидаю номер только после двенадцати, посвежевшая, подкарашенная, в бикини, повязанном на бедрах полотенце и больших круглых солнечных очках. Я ощущаю себя героиней светской хроники, за которой охотятся папарацци. Однако, спустившись к бассейну, понимаю, что начинающая звезда попала не по адресу. Отель не рассчитан ни на знаменитостей, ни на папарацци. Это демократичное заведение является местом полоничества вальяжных семейных толстопузиков в основном немецкого и британского происхождения. Они жарятся на солнце, перекачиваясь с одного жирного бока на другой, время от времени тяжело поднимаются и по-пигвины ковыляют к бассейну, который уже переполнен их орущими и плескающимися отпрысками-колобками. Мда, как говорит не сильно уважаемый мной Сергей Зверев – звезда в шоке. В моих мечтах все было совсем по-другому. Выпустив вздох разочарования, я, гордо выгнув спину, отправляюсь купаться в море. Оно разворачивает мне на встречу свои бодрящие лазурно-голубые объятия. Я неспеша, по-лягушачьи перебирая ногами и руками, доплываю до противоположного берега и вскарабкиваюсь по скользкому камню. Переведа дух и обсохнув на солнце, отправляюсь в обратный путь. Взытые проходящими мимо моторными лодками волны пару раз захлестывают меня с головой, подвергая испытанию водостойкость моей туши. Я взбираюсь по лестнице на бетонный пирс и вытираюсь полотенцем. В двух шагах от меня какой-то парень в бермудах ковыряет палочкой крошечную желеподобную медузу. Садист ботаник. Судя по размеру это была медуза-малыш. Наверняка на морском дне ее ждут

обеспокоенные долгим отсутствием медуза-мама и медуза-папа. Убийца поднимает на меня глаза. Это точная копия навязчивого героя фильма «Ребенок к сентябрю». Если кто не смотрел классику советского кино, поясню – лопоухий, веснучатый с широким носом и маленькими глазами. От его пристального взгляда мне становится не по себе. Станный тип. Смотрит на меня так, как будто уже представляет на месте убиенной медузы. Я отворачиваюсь и спешу прочь. Едва я успеваю принять душ в номере, как мой мобильный транслирует мне вызов Майкла. Мой наниматель не дает себе труда традиционно осведомиться «how are you?», чего в принципе требуют все каноны вежливости. Он сухо представляется и оповещает меня о своем намерении заехать за мной в семь часов вечера. Я не успеваю спросить, с какой целью, трубка уже звенит мне в ухо короткими гудками. Ртуть настроения падает ниже нуля. А еще говорили – отдыхай, купайся. Интересно, какое невыполнимое задание придумал для меня изобретательный Майкл на сей раз. Без пяти семь я выхожу в холл из лифта, слегка помятая стаей спешащих на бесплатный ужин отдыхающих. Черный «Мерседес» уже поджидает у входа. Кроме уже известного мне шофера в просторном кожанном салоне ни души. – Куда мы едем? – уныло осведомляюсь я, усаживаясь на переднее сидение. – Сеньор Майкл просил привести вас к нему на виллу, – лаконично отвечает водитель. Ну, на виллу, так на виллу. Посмотрим, как жируют британские буржуи. Машина огибает два крутых поворота и останавливается у цементированного ограждения, щедро овитого ярко-розовой бугенвиллией. Железные ворота отъезжают в сторону, пропуская нас вовнутрь. Я вылезаю и осматриваюсь. Моему взгляду представляются: сравнительно небольшой персикового цвета домик с белыми колоннами, идеально ухоженная лужайка, бассейн в форме печени и семейка разноплановых пальм. Мне на встречу спешит девушка на вид моего возраста в бежевых шортах и белой майке. – Hi! – расплывается она в широченной улыбке «cheese», – Меня зовут Венди, я дочь Майкла. – Светлана, – улыбаюсь я, сдерживаясь, чтобы не добавить «его носильщик». Кто бы мог подумать, что такие необычные экземпляры как Майкл размножаются. За все время нашего общения он ни разу даже не намекнул, что у него есть дочь. А ведь было бы логичнее донести до меня подобную информацию вместо того, чтобы доказывать вину евреев в последних войнах. Я бы сказала даже, не логичнее, а человечнее. Но второе понятие вряд ли знакомо этому сухарю с железным каркасом. Венди (или Уэнди, если чьему-то глазу так будет привычнее) провожает меня на терассу. Отсюда открывается чудесный вид на залив Cala Vinas. Я полагаю, что за право любоваться морскими глубинами за завтраком, обедом и ужином Майкл отвалил приличную сумму. А вот и он, мой подопечный, удобно устроившийся в шезлонге с газетой в одной руке и сигарой в другой. – Добрый вечер, – бубнит он, не расжимая зубов, дабы не выронить сигару. – Добрый. – Я пригласил тебя, чтобы познакомить с моей дочерью Венди и ее мужем. Поужинаешь с нами. Если бы не приказной тон и не отсутствие вопросительной интонации в последнем предложении, этот жест можно было бы расценивать как проявление гостеприимства и элементарной вежливости. – Наша кухарка Сальма приготовила паэлью, – сообщает мне Венди. Это высокая блондинка с тонкой белой кожей и крупными чертами скорее обычного, чем красивого лица. В целом, ее внешность полностью соответствует моему представлению о англичанках. – Отлично, – радуюсь я. Надеюсь, здесь еду раздают более внушительными порциями. – А вот и Мигель, – щебечет дочь тумманного Альбиона, – Познакомься, Светлана, мой муж. Мигель, это папина помощница Светлана из Латвии. Я поворачиваюсь, на ходу налаживая вежливую улыбку. Но она гаснет, не достигнув цели. Я пытаюсь водворить ее на место, но лицо отказывается подчиняться. Я чувствую, как оно самовольно видоизменяется, и боюсь представить себе, как эти метаморфозы выглядят со стороны. Последний раз я подобным образом теряла контроль над своей мимикой в седьмом классе, когда мальчик, в которого я была отчаянно влюблена, развернул передо мной любовную записку моего сочинения и спросил, ни я ли автор. На сей раз дело обстоит серьезнее. Дочь

моего клиента обнимает за талию синеглазого брюнета Рикардо, любителя морковного сока и знатока чувствительных точек на теле женщины. И самое удивительное во всем этом фарсе – реакция самого героя-любownika. «Спокоен как слон» именно так описала бы я выражение его привлекательного лица. Я еще понимаю, если бы эта случайная встреча произошла спустя годы после короткой, но жаркой ночи на пароме. Тогда было бы вполне естественно оказаться неузнанной, стертой из памяти за ненадобностью в числе других старых завоеваний. Но не прошло еще и суток с того момента, как наши губы расжались и наши тела стали снова существовать порозень. Как может он так невозмутимо стоять напротив меня и так безразлично улыбаться? Или же передо мной талантливый выпускник ГИТИСа? Я нащупываю дрожащей рукой соскользнувшее куда-то к щиколотке лицо и свехчеловеческим усилием натягиваю его обратно. – Очень приятно познакомиться, – выдаю я, обретая дар речи. – Мне тоже, – продолжает демонстрировать чудеса актерского искусства Рикардо-Мигель. Я прохожу к столу, опускаюсь на отведенный мне стул. Белая скатерть расплывается у меня перед глазами. Я машинально отправляю в рот кусочек хлеба, подношу к губам стакан воды, отвечаю на какие-то несущественные вопросы. А за маской безразличия кипят и бушуют нешуточные страсти. Я, конечно, не наивная девушка, перечитавшая Майн Рида, и возомнившая, что красавец-мужчина, в объятия которого меня бросил порыв морского ветра, сделает мне на утро предложение и станет впоследствии отцом наших очаровательных тройняшек. Но, ступая с аккуратностью матерого сапера по минному полю жизни, я все-же не ожидала наткнуться на снаряд такой разрушительной силы. Он разнес на мелкие кусочки создаваемое годами железное обмундирование, и я стою обнаженная, уязвимая, очарапанная осколком и обращаю в никуда риторическое: «И как только земля таких носит?» Земля безмолвствует, умалчивая, что тащит на своем горбе еще и не такое. А рациональное «я» тем временем презрительно кривится и пихает локтем в бок сентиментальную плаксу. Ну, сволочь, ну, наврал три короба, и что? Ну, не секретный агент, а блудливый муж. Так этот избитый образ уходит корнями в каменный век. Наплевать и забыть. «Я бы с удовольствием» канючит чувствительная половинка, «только при каждом взгляде на этого блудливого у меня вот тут и вот тут все так и сжимается». «Посжимается и перестанет!» категорично заявляет разум, собирая остатки доспехов и склеивая «Моментом». – А где вы говорите, вы работаете, Рикардо? – выпускаю я стрелу из так и не найденного лука. Псевдо агент неизвестной разведки давится рисом. Кораблик противника ранен. – Мигель, – поправляет он, откашлявшись. – Ах, да, простите. Никакой памяти на имена. Вчера на пароме разговорила с одним Рикардо, вот и перепутала вас с ним. Точнее его с вами, – продолжаю наступать я. – Мигель работает в администрации, – отвечает за мужа Венди, не уточняя, в какой именно. Скорее всего речь идет об администрации секретных служб. – У него очень хорошая должность, – зачем-то добавляет она, – Правда, sweetheart? Sweetheart это английский аналог бусеньки. По каким-то непонятным причинам он мне тоже ранит слух. Может, проявления ласки вообще мне чужды? Мне надо чтобы дубинкой по башке и за ноги в пещеру? Вросшие детские комплексы? Скрытый мазохизм? Гнилая дхарма? Или все-таки мне неприятно слышать, как к мужчине, которого я хотела бы считать своим с этими ласковыми словечками обращается другая женщина? «У него не только должность хорошая, ему еще есть чем похвастаться. Могу даже сказать, чем конкретно. Майкл, заткните уши. Венди, расправь рога». – Здесь, конечно, не такие зарплаты как в Лондоне. Но мы не жалуемся, – Венди продолжает скалиться, сверкая крупными белыми зубами, доставшимися ей явно не от отца. Я бы с таким папашкой денежным мешком тоже бы не жаловалась. Интересно, Мигель женился на англичанке по любви или позарился на наследство. А еще зрители реалити-шоу горят желанием разузнать, проявляет ли наш герой такую же виртуозность в постели с женой, какой он поразил случайную попутчицу. Я время от времени швыряю в Мигеля испепеляющие взгляды, которые он мастерски отбивает повернутым в мою сторону затылком. Домработница убирает тарелки с недоеденной паэльей.

Ах, это ведь и правда была паэлья, которую я так стремилась отведать. Вкусовые рецепторы затопил яд обиды. Собравшимся предлагается на выбор чай или кофе. Я прошу зеленый чай, Венди чай с молоком, Мигель кофе, а Майкл рюмку коньяка. За кофе-чаем, к которым, кстате, не подается никакого сладкого, разговор клеится еще хуже чем за едой. Мигель с Майклом не делают ни малейшего усилия создать видимость светской беседы. И один и другой всем своим видом демонстрируют желание побыстрее избавиться от неинтересной гостии. Что касается Венди, она это усилие делает, но по каждой ее вымученной фразе заметно, что это именно усилие. Понятно, что в такой «дружественной» атмосфере ужина в замке графа Дракулы моя чрезмерная активность выглядела бы нелепо. Потому я без энтузиазма принимаю подачи Венди, и вялым ударом своей ракетки возвращаю ей мячик. В мою черепную коробку робко стучится вопрос. «Зачем они меня пригласили?» Мигель выпивает одним глотком свой кофе и поднимается из-за стола. – Мне надо еще сегодня закончить доклад. Был рад познакомиться с вами, Светлана. Всего доброго. Обниматься и целоваться на прощание у сдержанных британцев не принято. Мигель, видимо, перенял от тестя эту холодность в общении. – Спокойной ночи, – бурчу я в ответ, запивая бродящую в горле злобу крепким до горькоты чаем. – Сейчас интересная передача начинается, – замечает Венди, – Светлана, не хочешь посмотреть вместе со мной? Чай не допит, и отказаться вроде неудобно. Мы с Венди пересаживаемся на диван, она щелкает пультом, и перед нами загорается огромный экран. Я в принципе ожидаю какого-нибудь не слишком интеллектуального шоу, но то, что предстает моему вниманию по степени своего дигиблизма превосходит все известные мне передачи. Это произведение американского искусства называется «jackass». На экране дауновского вида герои соревнуются в умении покалечиться. Вот лысый дядя разгоняется на велосипеде и врывается в колючий куст. А этот усатый умелец скатился на скейте в воду и завяз в камышах. Тех, кто просто падает со стула, бьется головой о стену и клеит на волосатый живот горчичники вообще по пальцам не перечесать. Венди сопровождает каждого нового мазохиста залихватистым смехом. Я недоуменно молчу, не зная, как реагировать на это недоступное моему восприятию зрелище. – Мне по-настоящему больно. Я реально покалечился. Смотрите, какая царапина, – счастливо всхлипывая, хвастает потомок истребителей индейцев. – Венди, ты опять эту ерунду смотришь, – возмущается со своего кресла Майкл, – Лучше бы книгу почитала. – Не мешай, пап, ты не понимаешь. Это смешно. Правда, Светлана? Очень. Животик надорвать можно. – К сожалению, мне пора, – решительно встаю с дивана я. В конце концов, просмотр вредных для мозгов передач не входит в мои обязанности. – Как жаль! – восклицает ценительница добровольного членовредительства с интонацией, более уместной для радостного возгласа «наконец-то». Я ни сколечки не сомневаюсь, что отец и дочь мысленно вздохнули с облегчением «good riddance». Венди провожает меня, нетерпеливо переступая с ноги на ногу и ежесекундно оборачиваясь к экрану, чтобы не пропустить очередного самоистязателя. – Я тебе позвоню, сходим куда-нибудь, – обещает она мне и, не дожидаясь ответа, захлопывает дверь. Ага, покататься на велике с утеса. Жду, не дождусь. Водитель предлагает подвести меня до отеля. В простых джинсах и майке-безрукавке он кажется мне привлекательнее, чем давиче в стандартном плохо-сидящем костюме. Но до обманщика Мигеля-Рикардо ему не дотянуть даже в синем трико и красном плаще супермена. Я предпочитаю пройтись, тем более, что идти недалеко, и дорога живописна. Поднимаясь в гору и любуясь попутно виднеющейся из-за стволов сосен голубой полоской моря, я прокручиваю в голове картинки этого странного ужина. Все трое его участников напоминают мне плохо подготовившихся к спектаклю актеров, не дающих себе труда постараться ради одного единственного зрителя. Непонятно только, какова цель этой малобюджетной постановки. У меня создается странное ощущение, как будто вокруг меня происходит что-то, чего я пока не в силах постигнуть, а за картонным фасадом этих трех марионеток кроется какая-то опасность. Впрочем, спустя несколько минут теплый южный ветер уносит в даль оставшееся

от ужина неприятное послевкусие, и выдает взамен вереницу мыслей, более легкомысленного содержания. Эта вереница замыкается на имени «Мигель» и кружит вокруг него хороводом. Решительно умертвить для себя этого подлеца и воздвигнуть на его могиле надгробный камень у меня почему-то не получается. Самая глупая и самая назойливая мыслишка советует мне поговорить, выяснить, разобраться. А воображение на фоне этого примитивного текста рисует мне встречу на диком пляже, слезные признания Мигеля в вечной любви ко мне и трагическое повествование о том, как Майкл вынудил его жениться на Венди. В продолжении разыгравшейся ни на шутку фантазии смотрите: внезапная смерть пожилого тирана, завещание в пользу доброй латвийской девушки, таскавшей за ним чемоданы, развод Мигеля с женой, воссоединение любящих сердец. На дорогу прямо передо мной выходит полосатый кот и смотрит на меня желтыми глазами, в которых застыл немой вопрос «Каких нафиг любящих сердец?» Я присаживаюсь напротив него и глажу серую макушку. Брат меньший прав. Я раз мечталась, как говорится, не по-детски. То мне чудится заговор, то любовный роман. А реальность проста и банальна как этот вездесущий полосатый кот. – Gracias, amigo, – говорю я ему, и, помахав на прощание, ускоряю шаг. «Не буду сегодня больше думать ни о Мигеле, ни о пластилиновых британцах», решаю я, понимая, но не желая признавать всю бессмысленность подобного заявления. На золотистой ручке моей двери, уцепившись тонкой веточкой, повисла гроздочка розовой бугенвиллии. Я аккуратно снимаю ее и подношу к носу. Господь Бог не наделил это и без того очень яркое растение характерным запахом. Я захожу в номер и опускаюсь на кровать, продолжая сжимать с пальцев цветок. Личность дарителя не вызывает у меня ни малейшего сомнения. Губы сами собой растягиваются в улыбке, сердце, забыв наставления серого кота, радостно колотится. Следующее утро приносит ставшую уже привычной жару. Я завтракаю в ресторане отеля, отбив себе в честной схватке с толпой голодных туристов пару свежих блинчиков и тарелку фруктов. Апельсиновый сок здесь отвратительный, у меня создается впечатление, что это разведенный в воде порошок «Юппи». На выходе из пищеблока я сталкиваюсь с лопоухим изничтожителем медуз. Он проходит мимо, мазнув меня странным взглядом. Я прихожу к выводу, что в нем есть нечто раскольническое, и решаю по возможности избегать встреч с потенциальным душегубом. Всю первую половину дня я нежусь на солнышке, восстанавливая смытый рижскими дождями загар. Семейка синяков на теле напоминает мне о горячих объятиях негодяя Мигеля. Впрочем, я бы не забыла об этом ярком эпизоде своей биографии и без их участия. Женатый спецгент занял партер моих мыслей и меняться местами ни с кем другим явно не собирается. Подставляя то один, то другой бок солнцу, я размышляю над толкованием его вчерашнего жеста. Какую смысловую нагрузку несла в себе эта цветочная веточка? Было ли это извинение за обман или намек на продолжение отношений. Ни о каком продолжении речи, конечно, быть не может, какие бы сальто не совершало мое нерациональное сердце. Женатый мужчина – это табу. Затерявшись в лабиринте сомнений, я не замечаю, как моя кожа приобретает окраску спелого помидора. Зеркало в номере констатирует мою точную схожесть с упомянутым овощем. Не хватает только светлый хвостик на голове перекрасить в зеленый цвет. За созерцанием этого печального превращения меня застает телефонный звонок. Если это Майкл, придумаю какую-нибудь отговорку, чтобы только не встречаться сегодня с членами семейки Адамсов. – Добрый день, Светлана. И без того красный помидор моей физиономии наливается краской, угрожая лопнуть. – Это Мигель. – Слушаю тебя, – хриплю я, неожиданно лишившись своего привычного голоса. – Я думаю, нам надо встретиться. Я тоже так думаю. И чем быстрее, тем лучше. – Не вижу смысла. – А я вижу. Мне кажется, у нас получилось некоторое недопонимание, которое я хотел бы выяснить. Ишь, как заговорил, подлец! Недопонимание это секс на корабле? Или тот факт, что он оказался женат на дочери моего патрона? – Хорошо. Я согласна тебя выслушать. – Отлично. Я заеду за тобой через час. Я кладу трубку нетвердой рукой. Мне предстоит сложновыполнимая задача – за час сделать из помидора

человека. В ход идут все возможные карандаши и тональники. Какой знаток утверждал, что зеленый маскирующий крем снимает красноту? Хотя, по правде сказать, снимать-то он снимает, но на место спелого помидора приходит зеленый. Похоже, что между этими двумя плодами мне и придется выбирать. Мигель посмотрит на меня и скажет: «Я с овощами ничего общего иметь не хочу!» Ну, и что, ну, и пусть. Мы, томаты, тоже не лыком шиты. Нам британский сэконд-хэнд не нужен. Спустя час я выхожу из отеля в длинном белом платье по фигуре, на двадцатисантиметровых шпильках и с забранными наверх волосами. Мигель вылезает из кабриолета БМВ и, приблизившись, целует мне руку. От этого легкого прикосновения губ по моему телу разбегается стадо мурашек. – Ты очень красивая, – признает он, гипнотизируя меня своими синими глазами, – Я не удивлен, что ты произвела на Рикардо такое впечатление. Так, это что за происки сумасшедшего сценариста? У нашего героя раздвоение личности? Или... нет, только не это! Неужели он зовет Рикардо того младшего товарища, которого Константин гордо величал «котиком». Я полагаю, что мои глаза на этот момент напоминают нездорово выпученные очи персонажей картин современного испанского граффитиста Серджио Хидальго, потому как Мигель спешит объясниться. – Рикардо – мой брат-близнец. Садись в машину, поедem выпьем чего-нибудь и поболтаем. В моей голове происходит революция. Свергнут старый строй, который оклеймил Мигеля подонком. Выходит, что он порядочный семьянин. А секретной службой и соблазнением девушек на пароме занимается его братишка. – Невероятно, – выдыхаю я, когда оправданный заводит мотор. – Но факт. Когда ты назвала меня его именем, я сразу понял, что ты приняла меня за Рикардо. Но при Венди и Майкле не хотел об этом говорить. И правильно сделал. Выяснения обстоятельств знакомства с его братом бросило бы темную притемную тень на мою репутацию. Я хочу что-то добавить, но свист ветра заглушает слова. Я чувствую, как моя прическа, не готовая к поездке в открытом автомобиле, начинает сползать на бок. Я пытаюсь кое как подпереть ее заколками, но из этого мало что выходит. Короче, выбираюсь я из автомобиля с таким видом, как будто меня прокатали не на легковой, а в стиральной машине. Я ковыляю вслед за Мигелем по щербатым ступенькам в своих неуместных каблуках (куда вообще такие надевают кроме как на вручение «Оскара»?). За забором пасутся две бурые кобылы, в честь которых, очевидно, бар, в который привез меня мой спутник, и называется Лошадиным. Я усаживаюсь за столик напротив Мигеля. Официант приносит мне бокал сангрии, ему крошечную чашку кофе. Мы несколько мгновений дегустируем каждый свой напиток, не зная, с чего начать разговор. – Ты вчера смотрела на меня такими глазами, – Мигель улыбается мне именно той взрывоопасной улыбкой, которой его брат уничтожил все барьеры между нами, – Чего такого натворил Рикардо? – А вы с ним не общаетесь? – отвечаю вопросом на вопрос я, пытаюсь мысленно разделить братьев на запретного женатого Мигеля и доступного Рикардо. – Созваниваема время от времени. Он сейчас работает в Барселоне. – Мы с ним познакомились на пароме. Следовательно, он должен быть на Мальорке, – рассуждаю я, смакуя бодрящую сангрию. – Странно, что он не позвонил. Хотя Рикардо часто бывает непредсказуем. Хотя бы он не смотрел на меня так! Пусть внутри это муж Венди, снаружи он все равно остается тем мужчиной, идеальный образ которого являлся мне во снах. Я пытаюсь мысленно наклеить ему на лоб табличку «reserved», но воображение почему-то в этом направлении не работает. – Ты можешь сам ему позвонить, – предлагаю я и тут же спохватываюсь. Нельзя же так откровенно навязываться мужчине. Ну, позвонит Мигель ветреному братишке, и что скажет? «Тебя тут разыскивает одна особа, с которой ты переспал на пароме. Она уже заказала кольца и пригласила на свадьбу всю свою родню из Резекне. Ждут только тебя». – Обязательно позвоню, – обещает Мигель, не сделав ни малейшей попытки вытащить из кармана мобильник, – Тебе нравится Мальорка? – Я пока кроме отеля и вашей виллы ничего больше не видела. Еще море. Оно очень красивое. – Ну, здесь с этой стороны острова не лучшие пляжи. Юго-восточное побережье и северная часть гораздо живописнее. –

А почему вы решили поселиться здесь? Мигель водит взглядом по кофейной пене. – От меня это решение не зависило. Вилла принадлежит Майклу. Судя по его интонации, глубоких и трепетных чувств он к тестю не испытывает. – Здесь до Пальмы рукой махнуть. Минут двадцать на машине. И Венди любит Магалуф. – А ты? Неугомонный клиент опять прет за чужой столик. Метр д’отель грозит позвать охрану. Я отвожу глаза. – А я нет, – честно признается Мигель, – терпеть не могу. Особенно летом. Но все-таки живет здесь и терпит капризы жены и тестя. Почему? «Какая тебе разница? Тебе полагается любитель морковки и секса с малознакомыми женщинами» тормозит меня совесть. – Вы с Венди могли бы жить отдельно, – очередной раз послушавшись здравого смысла, лезу не в свои дела я. – Она не хочет. Ее здесь все устраивает. А ведь он явно несчастлив в браке этот печальный рыцарь. Мужчина, который жалуется на жену первой встречной блондинке, потенциально созрел для измены. Только вот эта блондинка не настолько еще заблондинилась, чтобы складывать в корзинку все зрелые плоды без разбора. – Как вы уживаетесь с Майклом? Насколько я успела заметить, за время нашего недолгого общения, это не подарок, – улыбаюсь я. Он мне нравится. Как же мне нравится этот чужой муж с грустинкой в синих глазах. – К счастью, он часто бывает в отъезде, – возвращает мне улыбку Мигель. У нас появляется общий враг, а это уже не мало. Мы подшучиваем над Майклом, упражняясь в остроумии, и не замечаем, как оба переходим на сангрию. Мигель рассказывает мне о красотах Мальорки, которые я обязательно должна повидать (интересно, как я это сделаю, не имея машины?), а я делюсь с ним некоторыми зарисовками рижской жизни. Мы болтаем так легко и естественно, как будто знаем друг друга целую вечность. Когда в кувшинчике сангрии остаются только пьяные фрукты, реальность возвращается со своей прогулки по берегу моря и расставляет нас по местам. – Пора ехать, – неуверенно говорит Мигель. – Да, пора. Если я задержусь, толстяки расхватают весь ужин. Он смеется и протягивает мне руку, чтобы помочь подняться. Его ладонь бьет меня таким мощным электрическим зарядом, что я едва удерживаюсь на ногах. «Нельзя. Нельзя. Это чужое» стучит молоточек у меня в голове. БМВ останавливается у входа в отель. – Приятно было пообщаться, – произносит Мигель с наигранным безразличием. Я чувствую, что его разрывают те же противоречия, что не дают покоя мне. – Передавай привет Рикардо. – Обязательно. – Пока. – Пока. Я спускаюсь по лестнице, не оборачиваясь. Моя душа напоминает комнату, в которой пошалила толпа ребятишек и два щенка ретривера. Я пытаюсь разложить разбросанные вещи по полкам, но они выскальзывают из рук и падают на пол. Мигель. Рикардо. Одинаковая обертка, но разная начинка. Рикардо кажется более ограниченным и непредсказуемым. Мигель имеет широкий круг интересов, он отличный собеседник, но все эти плюсы перебивает тот факт, что он женат. В результате имеем одного запретного и одного пропавшего. Лифт, жалуясь пронзительным скрипом на свою тяжелую однообразную работу, доставляет меня на мой двенадцатый этаж. Остановившись у двери, я вдруг вспоминаю вчерашний цветок. Я была уверена, что это дело рук Мигеля-Рикардо. Но теперь выходит, что у благочестивого мужа не было никакого мотива нестись в отель наперегонки со мной и украшать ручку моей двери. Прощения просить ему было не за что, он видел меня впервые в жизни. А захоти Мигель подарить мне цветы, он сделал бы это во время сегодняшней встречи. Выходит, моя вчерашняя гипотеза оказалась неверна. Я прохожу в номер и в задумчивости усаживаюсь на кровать. Розовая бугенвиллия взирает на меня из стеклянного стакана. Умей она говорить, мы бы эту загадку мигом разрешили. За неимением такого варианта попробуем мыслить логически. Происхождение этой ветки не вызывает вопросов; ее родоначальницы обнимают забор на вилле Майкла. Следовательно, принести ее мог один из обитателей дома. Мигель отпадает. Из мужского состава остается шофер и Майкл. Шофер что ли? На ужин отель предлагает неприхотливым гостям разогретые кольца кальмара, размороженные мидии, свежесваренные макароны и черствые булки. Я грызу листья салата, поглядывая искоса на громадную немку в бермудах, уплетающую за обе щеки

щедро справленные кетчупом спагетти. На соседней тарелке навалены мясо, курица и рыба. Шведский стол это бесспорно самый страшный враг талии. Когда ты видишь перед собой такое изобилие продуктов, дрожащая ручка так и тянется наковырять себе побольше того и вот этого. Надо же все попробовать. В традиционном ресторане этой толстухе никто бы не подал мясо и рыбу с гарниром в виде полкило спагетти. А тут пожалуйста. Ешь, не хочу. Я вот не хочу, а она ест. Зато она не заглядывается на чужих мужей и не вступает в недозволительно близкие отношения с незнакомцами. Каждому свой грех. Мне вспоминается моя давняя подруга, любительница экзотических мужчин. После негра она откопала себе во всемирной сети араба. Этот религиозный до мозга костей мусульманин выплевывал шоколадные конфетки, если в них ненароком попадался алкоголь, а вот секс с неверной русской девушкой при наличии жены и троих детишек харамом не считал. Вот и я сейчас так же лицемерю, мысленно клеймя немецкоговорящую обжору. Выплываю конфетки. Дожевав свой хилый ужин, я спускаюсь к бассейну, где и коротаю остаток вечера за бокалом белого вина под «Ламбаду», «Strangers in the night» и «La Isla Bonita», исковерканные до неузнаваемости аккомпонементом накачавшихся пивом европейцев. Утром меня будит навязчивая трель телефона. Кому это я понадобилась в момент самого сладкого сна? – Привет. Приятный голос точно не принадлежит железному дровосеку Майклу. Уже радуется. – Привет, – возвращаю я, пока мои глаза свыкаются с необходимостью выйти на работу раньше положенного. – Как поживаешь? Более длинная фраза позволяет мне идентифицировать голос. Это Мигель! Сердце набирает недозволительно быстрый темп. – Отлично. Смотрела сны, пока ты не позвонил. Неуместная интимная деталь в разговоре с чужим мужем. Минус один балл. Будь повнимательнее, грешница! – Я тебя разбудил? Смекалистый малый. – Извини. Уже вообще-то десять. Или ты вчера поздно легла? Я брежу или в его голосе прорезаются ревнивые нотки? Все-таки наверно брежу. – Не очень. Именно так, как положено необремененной семьей девушке на отдыхе. Получай фашист гранату. – Ты наверно удивлена моему звонку, – замечает ни с того ни с сего уцелевший фашист. – Ну, есть немного. Сейчас он скажет, что всю ночь не спал, мучимый думами обо мне и предложит встретиться в неформальной обстановке. – Мне вчера позвонил Мигель, рассказал, что встретил тебя. – Рикардо? От неожиданности я вылезаю из кровати и отправляюсь в неизвестном направлении. Телефонный провод быстро возвращает меня на место. – Извини, я не представился. Мне показалось, ты меня узнала. Эх, повезло мне нереально. Двое из ларца одинаковы с лица. Попробуй разбери, где кто. – Конечно, узнала. – Я так рад, что нашел тебя. После той ночи на пароме ты не выходишь у меня из головы. Я хриплю в ответ что-то невразумительное. А тело после упоминания «той ночи» ноет как собака, потерявшая хозяина. «Цыц!» мысленно посылаю я ему запрет, «если ты не успокоишься, я сегодня тебя опять на солнце выложу». – Ты сегодня не занята? Может, встретимся? – Не занята, – бормочу я слабеньким голоском. В конце концов, Рикардо не женат, и я имею полное право... На что именно это право распространяется, я додумать не успеваю. Рикардо обещает заехать через два часа и, попрощавшись, вешает трубку. Я принимаю холодный душ, натягиваю пестрое платье на голое тело и спешу на завтрак. Прожорливые отдыхающие растащили большую часть продуктов. Мне удастся урвать никому не приглянувшийся йогурт-натурал, продырявленный в нескольких местах вилкой ломтик дыни и парочку слипшихся сладостей чуррос. Еда плохо укладывается во взбудораженном предстоящей встречей желудке. За пять минут до истечения установленного срока, я завершаю свой безупречный на мой взгляд образ последним мазком помады. Штрих выходит кривой, потому как мою руку дергает настойчивый стук в дверь. Кто ходит в гости по утрам? На пороге стоит Рикардо. Первый момент меня поражает его точное сходство с братом, но немного приглядевшись, я все-таки нахожу крошечные отличия. Прическа, манера одеваться и что-то неуловимое, что я ощущаю, но чему не могу найти определения. Он шагает мне на встречу, кажется, даже не поздоровавшись, и я оказываюсь в его объятиях. «Иди покури» заявляет в очередной раз

распоясавшееся тело разуму. Плоды часовой подготовки к свиданию разлетаются в разные стороны, как лепестки перезревшего цветка. Кровать сгибается под натиском, привыкшая к большому весу, но не знавшая до сели такой интенсивной атаки. Зеркальная дверца шкафа, куда я бросаю время от времени вороватые взгляды, отражает буйство плоти во всей красе. Не могу сказать точно, сколько длится это захватывающее действо, пол часа, час или два. Мы останавливаемся только тогда, когда пороховницы исчерпывают свои последние запасы пороха. Я выхожу на балкон, неуверенно передвигая ослабевшие конечности. Море одобрительно серебрится, разбиваясь волнами о скалистый берег. Жизнь представляется мне эпизодом зарубежного кино. Рикардо неслышно подходит сзади и целует меня в плечо. Прущее во все стороны счастье разрывает меня на мелкое шлопушечное конфетти. Спасибо тебе, Господи, что мужской род не ограничивается Константинами. – Я страшно скучал, – шепчет мне в волосы не Константин. Если бы разум уже вернулся из принудительной ссылки, но он непременно встрял бы с замечанием – Если скучал, не спал, не ел и далее по списку, то почему было заранее не предотвратить эти страдания, предварительно запасаясь моим номером или оставив записку со своим. А то ведь нет, сбежал как крыса с корабля. Если бы не моя случайная встреча с Мигелем, то так бы его и видели. Но способность трезво мыслить ко мне еще не возвратилась, потому мыслю нетрезво и подобными вопросами не задаюсь. Мы принимаем душ, по очереди намыливая друг другу спины, одеваемся и покидаем номер. Надо заметить, что в этот раз на сборы у меня уходит десять минут вместо привычных сорока, но ощущаю я себя гораздо красивее обычного. Рикардо распахивает передо мной дверцу маленькой Рено Клио. – Я не очень часто в последнее время бываю на Мальорке, поэтому предпочитаю брать машину на прокат, – оправдывается он, устраиваясь в тесном для его роста салоне. – Ты работаешь в Барселоне? Пора, наконец, обзавестись хоть какой-то реальной информацией относительно этого мужчины с большой буквы «М». – На данный момент да, – односложно отвечает он, выруливая на трассу. – А кем конкретно? – Сейчас строителем. – На секретном объекте? – вспомнив его откровения на борту, уточняю я. – Да, нет, на обыкновенном. – А зачем врал про секретные службы? – А, ну, чтобы впечатление произвести, – честно признается Рикардо, не отрывая глаз от дороги, – Строителем никого не удивишь. Я несколько секунд молчу, пригвожденная к сидению этим бесхитростным признанием. – А.. а до этого кем работал? – Водителем такси, официантом и даже немного мусорщиком. Мусорщик! Мда, поведай он мне этот послужной список тогда на пароме, ореол его привлекательности сильно потускнел бы. Не уверена даже, чтобы мы добрались бы до кровати в моей каюте. – Это Мигель у нас шибко образованный. А я так. В жизни есть вещи поинтереснее, чем корпеть над книгами. – Собирать мусор, например? – откровенно язвлю я. – Нет, – не обижается Рикардо, – Если уж на то пошло, то я его месяца два собирал, после того как ушел с быков. Сложно было сразу что-то толковое найти. – Ушел с быков? А что ты на них делал? Я отмечаю, что Рикардо говорит по-английски намного хуже брата. Часто путает спряжения и игнорирует вспомогательные глаголы. – Я имел в виду корриду. По-испански мы говорим просто «toros» – «быки». Я восемь лет жизни этому посвятил. Прошел весь путь от новильеро до матадора. Матадор, возникший по взмаху волшебной палочки на месте мусорщика, возродил мой начавший было угасать интерес к Рикардо. – Надо же. Это наверно опасно, – ахаю я, разглядывая его лицо. Без сомнения, профиль матадора гораздо мужественнее чем профиль таксиста или официанта. – Есть немного, – кивает он, не распространяясь. – Поэтому ушел? – Моего друга бык затоптал на смерть во время выступления в нимском амфитеатре, – говорит Рикардо с неожиданной жесткостью в голосе, – Во мне сломалось что-то. Я после этого не мог больше к быку спиной повернуться. Пришлось уйти. Мое, покрывшееся изморозью в начале разговора сердце, тает и растекается по внутренностям теплой лужицей. Я кладу ладошку на джинсовое бедро печального героя, молча выражая соболезнования. Он накрывает ее своей. – Предлагаю пообедать в Пальме.

Ты уже проголодалась? – резко сменив тон на беззаботно-легкомысленный, спрашивает Рикардо. – Еще как! – улыбаюсь я. Он паркует машину у подножья Catedral de Palma на площади Reina. Мы вылезаем на растерзание хищного южного солнца. Рикардо ведет меня по пестрящим красками улицам города. То там, то тут мелькают традиционные мясные лавки с подвешанными к потолку колбасами чоризо и огромными копчеными окороками в витринах. Магазины одежды все еще предлагают местным жителям и туристам «rebajas» – скидки на летние товары. Мы выныриваем из лабиринта улочек у очаровательной церквушки в тени которой расположилось симпатичное «7 set cafe». Рикардо уверяет, что здесь готовят отличные тапас, и мы усаживаемся за столик. Официантка приносит два меню на испанском. Уже знакомого мне пульпо в списке не числится, потому я предоставляю выбор моему спутнику. – Я думаю тебе должно понравиться то, что я заказал, – заключает он, передав девушке свои пожелания. Со всех сторон до нас доносится грубоватая на слух немецкая речь. – Здесь очень много немцев, – делаю вывод я. – Угу. Скоро они нас отсюда вытеснят, – недовольно морщится Рикардо, – У них уже есть свои газеты и радио. Не удивлюсь, если немецкий скоро объявят вторым официальным языком. – Тебя это явно не радует, – замечаю я, отпивая принесенный официанткой апельсиновый сок. – Да, мне они не нравятся. Послушай, один язык чего стоит. Я называю их штрумпф. Я копаюсь в памяти, пытаюсь выловить из закров, в которых покоются приобретенные за четыре года школьного немецкого знания, значение этого слова. Мне это не удастся. Закрома покрылись толстым слоем пыли. – Это синие гномы такие, – поясняет Рикардо, видя мое недоумение, – Не смотрела мультики в детстве? – Мультики не смотрела, но на портфеле у меня один такой был наклеен. В белой шапке. – Именно! Ну, вот, оказывается, и с Рикардо у нас есть что-то общее. Синие гномы. – А англичане? – я продолжаю тему наводнения Мальорки иностранными захватчиками. – Ну, их тоже хоть отбавляй. Второе место после штрумпф. Взять вон хоть Майкла с Венди. – Ты их хорошо знаешь? – интересуюсь я, запихивая в рот крошечного жареного кальмарчика. – Не то чтобы очень. Первый раз видел на свадьбе. Потом пару раз был у них на вилле. – И как впечатление? Рикардо пожимает плечами, откусывая мини-бутербродик с чоризо. – Никак. Майкл – старый сухарь. Венди – алкоголичка. Не понимаю вообще, зачем Мигель на ней женился. – Он ее не любит? И чего это голосочек такой тоненький сделался? Какое тебе дело до отношений Мигеля и Венди? Отхватила себе матадора-мусорщика и радуйся! – Не думаю. Во всяком случае не представляю себе, как такую женщину можно любить. Ее и женщиной-то можно назвать только с сильной натяжкой. Впрочем, это не мое дело. И не мое! – Может, ради денег? – все-таки не унимаюсь я. Рикардо неопределенно мотает головой, что, должно быть, означает его нежелание продолжать данную тему. – Тебе нравится чоризо? Возьми попробуй оливки, – советует он мне. – Очень вкусно. Почему Рикардо назвал Венди алкоголичкой и недо-женщиной? Любопытство разъедает внутренности, но настаивать я не решаюсь. Он оплачивает счет и мы покидаем заведение. – Чем бы тебе хотелось заняться? – спрашивает Рикардо, приобняв меня за талию, – Я сегодня в полном твоём распоряжении. – Я еще ни разу не была в Пальме. Хотелось бы посмотреть достопримечательности. – Слушаюсь, сеньорита. Мы возвращаемся к главному собору города, поднимаемся по каменным ступеням наверх. Извозчики зазывают нас прокатиться по старому центру в двухместной коляске, запряженной сморенными солнцем лошадьми. «Romantico! Romantische Reise!» орут они, не давая нам прохода. Рикардо отмечает их поползновения короткой, но, видимо, ёмкой фразой на родном языке. Мы созерцаем изобилующий пальмами парк и полоску побережья. – Красота! – искренне радуюсь я, – А когда этот собор был построен? – В средневековье, – начинает предложение Рикардо, но тут же обрывает себя, – Хотя не буду врать. Меня его история никогда не интересовала. Сколько себя помню, он всегда здесь стоял. Давай я лучше тебя сфотографирую. Лучше, то оно лучше, но с таким гидом, я кроме синих гномов больше ничем свою копилку знаний не пополню. – Даже не знаю, что еще тебе показать, – мнется неумелый

экскурсовод, – Разве что арабские бани. Туда всех туристов водят. Мы бредем по узким и от того прохладным улицам. Они практически безлюдны, и Рикардо время от времени останавливается, чтобы прижать меня к себе и накрыть мои губы своими. Пламя страсти, вспыхнувшее во мне при первой нашей встрече, за последние часы как-то притихло, и его яркие свонравные языки улеглись в компактный дачный костерок. Поцелуи Рикардо мне приятны, но прежнего восторга я от них почему-то не испытываю. Вход в обещанный арабские бани скрывается за ничем непривлекательной дверью. Пройдя вовнутрь, мы оказываемся в небольшом садике, наполненном экзотическими растениями. Слева располагаются те самые бани – две маленькие комнатки с обшарпанными стенами и потолком, подпираемым некогда наверно очень элегантными колоннами. На полу на специальной деревянной подставке выседают пережившие своих создателей на многие столетия глиняные сосуды. – А почему они арабские? – любопытствую я, мало надеясь на толковый ответ, – Их арабы построили? Или тут арабы мылись? – Думаю, что и то и другое. Строить, а потом не мыться нелогично, – заявляет мой эрудированный друг. Далее в экскурсионной программе какой-то старый дом, неизвестно кем и с какой целью воздвигнутая церковь и музей имени кого-то с кое-какими экспонатами. Впрочем, Рикардо же предупредил меня, что за информацией нужно обращаться к Мигелю, а его стихия это секс и быки. Кстате о последних. – Сегодня в пять коррида в plaza de toros, – сообщает он мне, когда мы выходим из баней, – Можем сходить, если хочешь. – Даже не знаю, – сомневаюсь я, – Если у тебя это вызывает неприятные воспоминания... – Да, нет, ничего страшного. Смотреть я могу. Мне даже интересно, – спешит заверить меня бывший матадор. В глубине его синих глаз бултыхается надежда получить согласие. Он хочет распахнуть передо мной дверцу в свой мир, и пусть войти вовнутрь я пока не готова, понаблюдать с порога просто обязана. – Хорошо, – киваю я, – Правда, я никогда не была на корриде, и очень смутно представляю, что это такое. – Я тебе объясню! – его лицо озаряется, приняв выражение, аналогичное тому, с каким мой папа повествует о грибах. Мы возвращаемся к машине. Дорога от собора до балеарского коллизея занимает минут двадцать. Величественная кругообразная постройка выглядит гораздо современнее своего римского аналога. Я подозреваю, что она на самом деле гораздо моложе знаменитого старичка. Уточнять у Рикардо, как показывает опыт, смысла нету, потому я решаю, разъяснить все интересующие меня моменты позже в Интернете. Мой спутник, пока я глазею по сторонам, занимает очередь в билетную кассу. – Сегодня Хосе Костелла выступает en solitario, – тянет меня за локоть Рикардо, – Это интересно. Я возьму билеты в тень поближе к арене. – Ты его знаешь, этого Костеллу? – Видел один раз. Это, конечно, не Хуан Бельмонте, но в целом ничего. Мне кажется, это его первая *upica espada*. – Первая что? – Он впервые выступает один против шести быков, – поясняет Рикардо. – Шести одновременно? – ахаю я, искренне обеспокоенная за судьбу неизвестного Костеллы. – По очереди, конечно! – фыркает мой кавалер с видом доктора математики, у которого спрашивают таблицу умножения. Я пристыженно замолкаю. Рикардо приобретает билеты и со счастливой улыбкой целует меня в висок. – Начало через пол часа. Пойдем займем места, чтобы потом людей не беспокоить. Мы показываем билеты у входа, и проходим внутрь внушительной конструкции. Кучерявый паренек протягивает нам по флайеру. Когда мы находим свои места и усаживаемся, я разворачиваю листок бумаги. На нем табличка с какими-то названиями и цифрами. – Это имена быков, – вносит ясность специалист в этом деле, – А вот тут год рождения, вес и название *ganaderia* – фермы, на которой выращивался каждый экземпляр. Возраст быка должен быть не менее четырех лет. С бычками помоложе практикуются новильеро. Что касается веса, то он должен превышать 450 кг. Вот видишь, например, первый Бонифацио 2004-го года и весит 520 кг. – А внизу что за имена? – проявляю любознательность я. – Это быки-дублиеры. В случае, скажем, если Бонифацио окажется непригоден, его заменят вот этим Фуэрте. – В каком смысле непригоден? – Ну, бывает, что бык попадает вялый и отказывается нападать. Тогда его меняют. Этаким бык-пацифист. Наверно

бывают и такие. Мне предстоящее зрелище представляется неким более прогрессивным подобием испытаний на «Больших гонках», где упакованные в защитные доспехи участники, пытаются заставить быка пробежаться под аркой из резиновых кубов. Впрочем, уже совсем скоро мне суждено лишиться этих детских иллюзий. Чего, чего, а резиновых кубов здесь точно не будет. Трибуны постепенно заполняются. Между рядами шныряют продавцы, предлагая скрягам, выбравшим места на солнце, воду или соломенную шляпу. Действо начинается. На арену выходит пестрая колонна, по яркости нарядов напоминающая цирковую труппу. Впереди вышагивают две лошади со всадниками. – Это альгвасили, – учит меня Рикардо, – Официальные лица. Далее идет матадор, видишь, в золотом костюме. Короткий расшитый золотом жилет, едва прикрывающие колени штанишки, гольфики розового цвета, бахатная шапочка и косичка, перевязанная ленточкой. Мужественным этот петушиный наряд никак не назвать. Но я тактично оставляю свое мнение при себе. – За ним следуют бандерильеро – помощники матадора с копьями – *banderillas*. – А зачем копы? – начинаю подозревать неладное я. – Увидишь. Рикардо переливается от удовольствия как хорошо натертый медный таз. Мало того, что ему предстоит поглазеть на милое душе представление, так еще на пару с чайником, которому можно, смакуя, разъяснить все столь очевидные для опытного юзера детали. Просто диву даешься, на сколько мужчины любят поучать нас, глупеньких и несмышленных женщин. – За бандерильеро едут пикадоры. Шесть человек на лошадях, – показывает пальцем профессор. – А почему лошади в коробках? – в очередной раз проявляет свою непролазную дремучесть нерадивая студентка. – Это специальные доспехи, чтобы бык не поранил лошадь рогами. Не смотря на него травмы все-таки случаются. На этот случай здесь имеется специальный ветеринарный пункт для лошадей. Гуманизм. Радует. – А если ненароком поранят быка? Рикардо разворачивается на сто восемьдесят градусов. Выражение его синих глаз демонстрирует сомнения в моей психической вменяемости. – Такого не случается? – по-своему интерпретирую этот своеобразный взгляд я, – Ну, и слава Богу. Пока мы дискутируем, шествие заканчивается. На арену выпускают быка. Это внушительного вида животное с большой рогатой головой и перекачивающимися под черной шкурой мускулами. На мой взгляд, если кто и олицетворяет мощь и силу, то это именно он, а не позолоченный фронт. – Черный бык символизирует смерть, – перечеркивает мои предположения красными чернилами строгий учитель. Не знаю, подозревает ли рогатый о своем мрачном символистическом значении, но ведет он себя, прямо скажем, вызывающе. Не поприветствовав зрителей, он с разбегу набрасывается на размахивающих плащами тореро. Эти смельчаки в свою очередь моментально исчезают за деревянными щитами. – Это начало первой терции. Она называется *tercio de varas*. Ни «терция», ни «варас» не выуживают из моих мозговых запасов никаких ассоциаций. За разъяснениями я не обращаюсь теперь уже из страха получить переизбыток сведений. – А что это за флажок на быке? – замечаю я. – Это *la divisa* – бант с цветами ганадерии. Последнее название напоминает по звучанию наименование болезни. Судя по тому, что Рикардо не объясняет мне его значение, мне оно однажды уже было истолковано. Память почему-то отказывается принимать в свои недра чуждые слуху испанские слова. – Ла дивиза втыкается в холку быка перед его выходом на арену, – продолжает гуру. – Прямо в кожу? – охаю я. Рикардо награждает меня еще одним взглядом «врач – больной», и я, понутив голову, замолкаю. На арену тем временем выезжает тройка пикадоров на своих упакованных лошадях. Я обращаю внимание, что у бедных скотинок глаза прикрыты квадратиками плотной ткани. Бонифацио, раззадоренный трусостью тореро, делает попытку поддеть на рога одну из лошадей, за что получает удар пикой в спину. Зрители обрадованно аплодируют. – Это называется *castigo* – наказание, – вещает узко-профильный специалист. Из образовавшейся на черной спине раны, стекают ручейки крови. Теперь уже моя очередь повернуться к Рикардо с застывшим в увлажнившихся глазах вопросом-упреком. Но ему явно не до моих переживаний. Все его внимание сосредоточено на раненом

животном, которого назойливые тореро дразнящими взмахами своих капоте заставляют снова напасть на лошадь. Второй удар пики встречается восторженными воплями публики. За моей спиной пожилая англичанка громогласно поддерживает всадника-садюгу. «Давай, проткни ему спину!» орет эта бабулька-божий одуванчик. – Рикардо, что происходит? – я пихаю своего спутника локтем в бок, – Они причиняют ему боль! – Конечно. Все правильно, – зомбированно бормочет бывший матадор, не отрываясь от зрелища, – Они проверяют его реакцию на боль. Хороший бык, резвый. Давай, напади еще раз. Бедняга Бонифацио зачем-то следует этому жестокому наказу и зарабатывает третью рану. Его спина блестит кровью на солнце. Я чувствую, как слезы против воли наполняют до верху глаза и, смочив ресницы, скатываются по щекам вниз. Я не могу поверить, что в наше цивилизованное время еще сохранились такие варварские развлечения. А как же резиновые кубы? – Сейчас будет вторая терция – *tercio de banderillas*, – повествует Рикардо, не замечая избыточного количества влаги на моем лице. Сквозь пелену слез я вижу, как на арене появляются помощники матадора с длинными как бейсбольные биты бандерильями – разноцветными заостренными копьями. Они кружат вокруг быка, карикатурно выгибая спину, привлекая его к себе. «Не ходи, Бонифацио!» мысленно молю я. Но глупое животное внимает не моим беззвучным мольбам, а подначиванию кровожадной толпы. Бандельеро резким движением всаживает в его и так уже изрядно покалеченную спину два копыя. Зрители одобрительно гогочут. Я, уже не сдерживаясь, рыдаю. – Эй, ты что? – просыпается Рикардо, когда мои всхлипывания достигают, наконец, его ушей, – Что случилось? Ответить я не могу, слезы запрудили горло. Смотреть на истязания несчастного Бонифацио тем более не в состоянии. Я только невразумительно булькаю и отворачиваюсь. – Они так убьют его, – через силу выдаю я, размазывая по лицу тушь. – Конечно, убьют! – весело «успокаивает» меня живодер, – Точнее его прикончит матадор. Уже совсем скоро. В третьей терции. Смотри, как он его провернул, этот прием называется *trinchera*. Эх, хорош бык, такие редко попадаются. – Оле! – возбужденно вопит за моей спиной старуха Шапокляк. У меня появляется горячее желание схватить ее за шыворот и швырнуть на арену. И Рикардо следом. – Давай, Хосе! Come on! Покажи ему! – беснуется старая карга. – Оле! – поддерживает ее Рикардо. Они – враги. И все это варварское сборище тоже. И вертлявые щеголи в золотых подштаниках. Друг у меня остался только один – истекающий кровью Бонифацио. Он умирает на моих глазах, и я ничем не в силах ему помочь. – Перестань лить слезы! – командует Рикардо, не оборачиваясь, – Это честный поединок. Видишь, Костелла повернулся к нему спиной. Бык в любой момент может напасть на него. «Напади!» мысленно советую я несчастному животному. Но запал покинул его, вылившись вместе с кровью. Бонифацио устало перебирает ослабевшими ногами, вяло реагируя на взмахи плаща. У него нет ни сил, ни желания атаковать мучителя. – Честный поединок! – набрасываюсь я на злодея, – Двадцать вооруженных человек на одно беззащитное животное! – Тихо, не мешай, сейчас будет самое интересное, – отмахивается экс-мужчина мечты, – Костелла взял шпагу. У него есть пятнадцать минут, чтобы прикончить быка. – Оллеее! – буянит бешенная старушенция. Откуда, интересно, у этого пожилого хлипкого создания такая лютая ненависть ко всей бычьей расе. Может, ее в детстве какой-нибудь ее рогатый представитель боданул по ошибке приняв за мешок с картошкой. Я уже даже не поворачиваю головы в сторону арены, сижу, съезжившись, пряча от соседей разукрашенное черными разводами лицо, и беззвучно плачу. По толпе пробегает разочарованное «у-у». Матадор промахнулся. «Держись, Бонифацио! Выживи, ну, пожалуйста!» причитаю я, вонзая ногти в ладонки. Мне хочется заткнуть уши, чтобы не слышать восторженного «о-о», которое сотресет людские массы одновременно со смертоносным ударом шпаги. И все-таки я его слышу. Не смотря на твердое решение не оборачиваться больше на арену, один глаз ослушивается и проектирует в мозг душераздирающую картину. Бык, покачиваясь, делает несколько неуверенных шагов. Тореро окружают его своими розовыми капоте, переграждая

путь. Животное грустно по-человечески вздыхает, медленно как будто неохотно опускается на колени и склоняет голову. – Умер! – удовлетворенно констатирует синеглазый чужак справа от меня. По рядам проносится рой победоносных возгласов. – Зрители требуют уши, – поясняет Рикардо самому себе, потому как меня детали этого кроважадного ритуала больше не интересуют, – Президент корриды решает, отрезать два уха или одно. Вон он там на отдельном балконе. У особо отличившихся быков отрезают еще и хвост. – Два уха! – голосит баба Яга за моей спиной. «Тебе бы этим ухом рот заткнуть!» зверею я. Президент, явно разделяющий садистские наклонности своих сограждан, голосует за два. Помощник матадора склоняется над мертвым быком с ножом. Отделенные от тела уши передаются честно заработавшему этот сомнительный трофей Хосе. Тот, оставив назад попку и выгнув спину, дефелирует вдоль рядов помахивая над головой кровоточащими слуховыми органами. Возбужденные барышни кидают храбрецу свою шарфики. Откуда-то из темных глубин моего подсознания выползает фраза: «кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали». Я не помню по какому поводу веселились грибоедовские дамы; корриды на Руси отродясь не было. К счастью для всех нас. – Мне нечего ему бросить! Разве что трусики! – хихикает гримза. «Давай, бросай. Если хорошо прицелишься, может, удастся нанизать твои стринги ему на голову. Пусть убийца задохнется от мощного аромата», шмыгая носом, злюсь я. Матадор тем временем с веселым криком запускает кровавую награду в толпу. Зря я думала, что мой негатив останется для него незамеченным. Сеньор Костелла явно почуял посылаемые ему в спину горсть проклятий, и теперь решил рассчитаться с неблагодарной зрительницей. Одно мокрое черное ухо со снайперской точностью ударяет меня в грудь и, отрекашетьив, падает на колени. Нечеловеческим усилием отодвинув на задний план напирющую истерику, я аккуратно двумя пальцами приподнимаю окровавленный кусок плоти и, развернувшись, опускаю его на белоснежную штанину быко-ненавистицы. Она подскакивает как ужаленная и с воплем «Аге уоу сгааазу?!» стряхивает мрачный сувенир на землю. На светлой брючине остается ярко-красный след. Старушенция пялится на него с ужасом. Мне кажется, что только теперь до нее дошло, что все происходящее было не компьютерной баталией, а реальным убийством. Истерика прорывает плотину и окатывает меня с головой. Я поднимаюсь с места и, трясясь от рыданий, пробираюсь к выходу. «Слабая. Не выдержала» догоняет меня шопот собравшихся. Они правы. Да, слабая, да, не выдержала. А как может выдержать корриду человек, который в детстве при прочтении «Красной Шапочки» плакал трижды? Почему трижды? Первый раз при съедении бабушки, второй при пожирании самой Шапочки, а третий на убийстве волка охотниками. Всех детишек факт испарывания отрицательному герою-волку брюха радовал, а меня повергал в слезы. Потому что волк тоже был живой, и ему тоже было больно. И не виноват он, что природа сделала его хищником. И бык Бонифацио был тоже ни в чем не виноват. Рикардо догоняет меня уже на выходе и бесцеремонно хватает за руку. – Куда это ты?! На моем опухшем от слез и вчерашнего солнечного ожога лице отражается вся многообразная гамма чувств. Должно быть, выгляжу я сейчас отвратительно. Красная, с грязными следами туши на щеках и маленькими воспаленными глазами. Ну, и пусть. Мне все-равно. Я не хочу больше видеть Рикардо. Никогда. – Out, – односложно мычу я, пытаюсь выдернуть руку из его тисков. – Еще только один бык был. Пять осталось. – Иди смотри своих быков, – взрываюсь я, – Убийца! Ненавижу! Я иступленно долблю его грудь кулаками. Он прижимает меня к себе, мои руки безвольно падают. Я плачу, уткнувшись в тонкую ткань его рубашки. – Прости меня, – шепчет Рикардо, глядя мои волосы, – Я не должен был тебя сюда вести. На новичка коррида порой производит слишком сильное впечатление. Я не думал, что ты можешь оказаться такой чувствительной. Думал, перед тобой Буратино с деревяшкой вместо сердца? Я отстраняюсь, оставив на его светлой рубашке замысловатые черные узоры. – Отвези меня в отель. – Ты точно не хочешь... Досмотреть кровавую бойню? – Нет!! Судя по его виду, бывший быкобой явно сожалеет о пропущенном спектакле. Надувшись

как сыч, он выходит следом за мной на стоянку и заводит машину. – Ты ничего не поняла, – бубнит он, выруливая на дорогу, – Этих быков выращивают специально для боя. У них судьба такая. – Ага, судьба, – ядовито хмыкаю я, собираясь уже рьяно ринуться в бой, но во время притормаживаю. Что я могу доказать этому кровожадному испанцу? Он родился с мулетой в одной руке и шпагой в другой. Для него продырявить быка все равно что для меня раздавить комара. Решено, комаров я больше не даю. Маленький автомобиль развивает непривычную для себя скорость на автостраде. Видимо. Спешит избавиться от вжавшейся в сидение ненавистницы быкоубийства. Он ведь тоже испанец. Ему чужды лишние сентименты. Когда машина взбирается на гору и замедляет ход у входа в отель, Рикардо касается ладонью моей колени. – Извини. – Угу, – хриплю я в ответ, не разжимая зубов. Он берет мою безжизненную руку и подносит к губам. – Я провожу тебя? Чего чего, а близости с убийцей животных мне хочется сейчас меньше всего на свете. Бонифацио, умирая, унес с собой в мир иной мою страсть к Рикардо. – Не стоит. Я устала. Пока. Я спешу выбраться из машины. – До завтра? Я уже спускаюсь по ступенькам, притворившись, что неслышала этой фразы. Все мое существо отторгает Рикардо, как чужеродный организм непонятно с какой стати вторгшийся в мое био-поле. Едва я успеваю набрать пенную ванну, которая по моим подсчетам должна была бы смыть с меня полученный негатив, как телефон на тумбочке начинает голосить своим противным дребезжащим звоном. – Да? – устало ухажу в трубку я. – Светлана! Это Майкл! Судя по тону это недовольный Майкл. Достойное продолжение этого наиприятнейшего дня. – Слушаю вас. – Я тебе целый день звоню. Где ты была?! – На корриде. Моя откровенность, похоже, ставит Майкла в тупик. Заготовленные аргументы про «бездельничаешь и жаришься на солнце» выпадают из его костлявых пальцев. – Послушай, Светлана, ты должна отдавать себе отчет, что это все-таки не отпуск! – быстро находится мой клиент, пустив в ход непотопляемую заготовку. – Потому я и пошла смотреть корриду, а не загорала у бассейна. Вы думаете, это приятное зрелище? – Я думаю, что тебе стоило бы быть посерьезнее. – У вас есть ко мне какое-то конкретное дело? – Венди хотела с тобой пообщаться. Передаю ей трубку. Ах, вот оно как! Я получила взбучку за то, что папенькина дочка не смогла дозвониться до папенькиного слуги. Может, меня преподнесли дитяте в виде подарка как Пьера Ришара в «Игрушке»? – Алло, Светлана! Венди как и все остальные мои нерускоговорящие знакомые спотыкается на первом слого моего имени. – Свѣетлана у телефона, – гнусавлю я в ответ. – Ты занята сегодня вечером? Разве у раба могут быть личные дела? – Да, нет. – Чудесно. Давай сходим в бар, поболтаем. Рикардо, кажется, упомянул чрезмерное увлечение Венди спиртными напитками. Похоже, мне предстоит наглядная демонстрация сего губительного пристрастия. – Давай. – Окей, зайдешь за мной в девять. «Так точно, моя строгая госпожа!» Я погружаюсь в успевшую остыть за время разговора ванну. И зачем я только подписалась на эту сомнительную авантюру? Сидела бы сейчас дома в Риге. Или лежала бы в объятиях пылкого Константина. Брр. Поужинав вполне приличной паэльей, я надеваю короткое светлое платье и шлепанцы и отправляюсь по вызову. Грозди бугенвиллии на заборе напоминают мне о скромном презенте, происхождение которого я так и не выяснила. Венди встречает меня своей непомерной улыбкой, в которую умещаются почти все ее зубы. За то время, что мы не виделись, ее кожа сменила нездоровую белизну на нездоровую же красноту. Впрочем, нечего придирааться. Я не лучше. На Венди крошечные шорты, открывающие вид на подрумяненные ягодицы, и белая майка, надетая без лифчика. На носу красуются громадные солнечные очки, при виде которых мне на ум приходит отрывок стиха «муха-муха Цикотуха позолоченное брюхо». – Возьмем мою машину, – распоряжается Цикотуха, – А то до Магалуфа долго переть. Двухместный Порш доставляет нас в самое сердце ночной жизни. Венди выбирает первый попавшийся бар с надписью на доске у входа, сулящей каждому посетителю два бесплатных коктейля. Она берет себе большую кружку пива, я бокал сангрии. Мы усаживаемся друг напротив друга на неудобных деревянных скамейках. – Расскажи мне

о себе, – требует она, – У тебя есть парень? Ты с кем-то живешь? Учитывая наше шапочное знакомство, это такой же нескромный вопрос как «сколько ты зарабатываешь?» Хотя, сколько я зарабатываю папаша ей наверно сообщил, чем неизбежно вызвал взрыв смеха. – Живу с родителями. Венди задает мне еще парочку нетактичных вопросов, ответы на которые ее судя по всему интересуют мало. Потом переходит на свою более значимую и интересную персону и делится со мной подробностями приобретения новых шорт с подтяжками. Пиво в ее бездонном, на мой непрофессиональный взгляд бокале убывает с невероятной скоростью. Через сорок минут опустевшее дно третьей бадьи гулко ударяется о деревянный стол. – Я обожаю Магалуф, – признается Венди, растягивая гласные сильнее обычного, – Здесь так весело. Летом ко мне приезжают подруги. Мы тусуемся целые ночи напролет. – А муж непротив? – следуя ее примеру переступаю грань дозволенного я. – Мигель? – пьяный голос наводняют презрительные нотки, – А кто его спрашивает. Это вы, русские женщины, лебезите перед своими мужчинами, а у нас демократия, феминизм. Мда, камень, метко запущенный в мой огород, с размаху сносит тыквенную голову охраняющему его пугалу. Я онемев собираю с земли истекающие желтым соком остатки. – Знаешь, сколько у моего папы денег? – делает неожиданный тематический переход Венди, хватаясь за принесенную официантом стопку текилы. Я молча мотаю головой. Венди закатывает глаза и выдохнув «О!» опрокидывает рюмку в недры организма. – Я покупаю все, что хочу. – И мужа? Получите часть запасов моего кармана, куда мне так пришлось залезть. Но Венди слишком пьяна, чтобы оценить подколку. – Мужа? Мигель меня любит. Он ухаживал за мной два года. Только через два года мы первый раз поцеловались. Он хороший, Мигель, только зануда страшный. Два года по первого поцелуя? За фасадом легкомысленной пьяницы скрывается трепетная монашка? Если это так, то надо признать, что забралась она очень глубоко. – У моего папы квартира в центре Москвы с видом на памятник свободы, – продолжает хвастаться последовательница Пэрис Хилтон. – Нью-Йоркский? – уточняю я на всякий случай. Венди устало пожимает плечами, требуя жестом дополнительную порцию мексиканской водки. – Не знаю, тебе виднее, ты там живешь, – бормочет она. Все ясно. Меня с легкой руки британской незнакомки переселили в Москву. Полагаю, что к этому выводу ее привел длинный ассоциативный ряд, в истоках которого стоит тот неоспоримый факт, что я русская. Надо заметить, однако, что квартира в центре Москвы, да еще и с видом на американский памятник вряд ли пришлась по карману ее хлипкому папаше. – А еще у нас есть настоящее яйцо! – прозрачная жидкость исчезает в жадной пасти богачки. – Куриное? – вяло интересуюсь я, размышляя, каким образом транспортировать перепившую наследницу домой. Она за руль не сядет, а последний раз занимала место водителя на экзамене, который успешно сдала, учитывая, что педали за меня жал коррумпированный инструктор. – Куриное? – тупо переспрашивает Венди, вылупив глаза. Сейчас она как никогда напоминает мне своего отца, – Почему куриное? Другие варианты мне рассматривать не хочется. Я пожимаю плечами и молчу, допивая свою сангрию. – Да, нет, не куриное, – восклицает Венди, когда элементы паззлс в ее мозгу становятся на свои места, – Фаберже. Оно страшно ценное! Это целое состояние! О! Это «О», сопровождаемое закатившимися зрачками, пугает меня. Мне кажется, что из очередного «О» Венди может просто не вернуться. – Рада за вас, – бубню я. – И ты представляешь, папа хранит его прямо дома! Я говорю ему, надо отнести в банк. Лучше в Лондоне. Но он ни в какую! Ведь хранить такие ценности дома это опасно. Кто угодно может его украсть! Представляешь? В английском варианте последняя фраза звучит как непомерно длинное «can you imaааааааagine?», которое напоминает прищемившего дверью хвост кота. – It's increeeeeeeeeedible, – тяну я в ответ беднягу кота. – Кто угодно может украсть его, – повторяет Венди, сфокусировав на мне неожиданно протипательный взгляд. Я надеюсь, что за этим подчеркнутым «кем угодно» не подразумевается скромная переводчица из Риги. Мне чужие яйца не нужны! – Ей, девчонки! – раздается из-за спины, и в поле нашего зрения вторгаются два бледных неказистых

юнца. По обыкновению мне в голову приходит ассоциация, на сей раз неслишком аппетитная, с проживающими без прописки в глубинах желудка паразитами. – Hey, guys! – лыбится, неразделяющая моего мнения Венди, – Присоединяйтесь. – Cool! – в один голос тянут паразиты, приземляя свои бесплатные коктейли на деревянную поверхность нашего стола. – Знаешь, Венди, мне наверно пора, – заявляю я, отодвигаясь подальше от подсевшего ко мне красавца. Беглого взгляда на него достаточно, чтобы убедиться в его потрясающем сходстве с принцем Чарльзом. – Куда пора? – возмущаются все троя в унисон. – В отель. Мне надо лекарство принять. – А если не примешь? – проявляет любознательность Венди. Ее сосед по скамейке уже протянул провод своей бледной руки вокруг талии монашки. Эти несанкционированные действия незнакомства почему-то возмущения у нее не вызывают. Я бы даже сказала наоборот. – Если не приму, умру, и смерть моя будет на вашей совести. Такой вариант, похоже, компашку не устраивает, и они соглашаются отпустить меня с миром. Только принц Чарльз бурчит что-то мне в след, явно разочарованный потерей добычи. – Сегодня в ВСМ пенная вечеринка, – доносится до меня голос бледного товарища, ошастливившего своими объятиями замужнюю англичанку. На что последняя выдает наполненное до краев энтузиазмом «cool». Может быть, я поступаю подло, оставив ее, пьяную, в сомнительной компании этих двух глистов? Но ведь она мне даже не подруга. В горы мы с ней не ходили. Да, и вообще никуда кроме этого кабака не ходили. Моя обязанность – присматривать за ее хилым отцом, а в няньки этой избалованной девице я не нанималась. Не маленькая, пусть сама разбирается. А я подставляю руки под струю воды и, хорошенько отдраив их мылом, вытираю полотенцем. Уйти-то я ушла, но, подобно несмышленому комку теста по имени Колобок, некоторые моменты этого спонтанного дезертирства проморгал. Во-первых, «переть» как выразилась почетательница текилы, действительно далеко. Во-вторых дорога неосвещенная. В третьих поднимается она в гору. Я ковыляю на изобретенных каким-то изощренным садистом каблуках, проклиная все на свете. Время от времени у обочины тормозят машины, наштипованные нетрезвыми британцами, которые торчат из окон, приглашая меня на какую-нибудь дружественную оргию. Мне страшно хочется, чтобы всевышние силы подкинули на мой путь Мигеля. Он представляется мне на данный момент самым близким живым существом, имеющимся на этом острове. Но волшебная палочка после прокола с Рикардо заметно барахлит. Я добираюсь до отеля глубоко за полночь, сбив в кровь пятки и чудом сохранив ошметки своей девичьей чести. Кровать раскрывает мне на встречу свои мягкие одеяльные объятия. Уф! На следующее утро я бессовестно дрыхну до одиннадцати, проспав бесплатную кормешку. Приходится отправляться за продовольствием в ближайший супермаркет. Когда я пью на балконе охлажденный льдинками апельсиновый сок, телефон на столике заводится уже хорошо знакомым мне дребезжанием. – Светлана, это я, – сообщает мужской голос. – Нет, Светлана это я, – ворчу я, подозревая, что за таким высокоинтеллектуальным заявлением скрывается недалекий матадор. – Это Рикардо, – подтверждает мои подозрения собеседник. – Привет, – выжимаю из себя я. – Я извиняюсь за вчерашнее. Плохая была идея. – Ты уже извинился. – Встретимся сегодня? Извинениями рассыпавшийся на мелкие черепицы образ не склеить. – Я сегодня занята, – вру я, отталкивая от себя картины наших вчерашних постельных трюков. – А завтра? – Может быть. Рикардо в отличие от отфутболенного Константина хотя бы одним ценным качеством да обладает. Потому я не выбрасываю его сразу, а прячу в кармашек на черный день. Закончив этот малосодержательный разговор, я запасаюсь полотенцем, собираюсь провести пару часов у бассейна. Когда я открываю дверь, на коврике обнаруживается голова маленькой белой розы, очевидно, соскользнувшая с ручки. Кто-то неизвестный продолжает баловать меня цветочными обкусками. Кто же этот неумелый флорист? У бассейна как всегда толкотня. Я замечаю странного рыжего парня, который на сей раз играет в карты в компании с белокожей толстухой в кепке. Это мирное занятие и общество дородной сеньоры разубеждают меня в опасности данного индивидуума

для общества. Поплескавшись в бассейне и попотев в сауне, возвращаюсь в номер. Стоит мне переступить порог, как телефон разражается радостным звоном, встречая меня на манер верной собаки. – Привет. Это Мигель. Преданный муж, два года ждавший поцелуя пьянчужки, которую я оставила вчера в баре в объятиях британской молодежи. – Ола, Мигель. – Как у тебя дела? – Неплохо. А у твоей жены? Лучше сразу расставить шахматные фигуры по своим клеточкам, чтобы потом не перепутать короля с конем. – Я как раз об этом хотел с тобой поговорить. Эх, я как чувствовала, что не стоило оставлять эту рассамаху наедине с бледными юнцами. Сейчас получу на орехи от рогатого мужа. – Я могу за тобой заехать через пол часа? – Хорошо. Договорились. Я крашу ресницы лохматой кисточкой, перекачивая в мозг аргументы. Они тяжелыми шариками ударяются друг о друга и бестолково гудят. Когда я выхожу из отеля, сверкающий БМВ уже ждет меня. Мигель предусмотрительно выходит и распахивает передо мной дверцу. – Куда мы едем? – интересуюсь я, пока автомобиль не набрал скорость. – Покажу тебе одно красивое местечко. Странно. Если Мигель собирается распинать меня за вчерашний недостойный побег, то к чему живописные декорации. Экзекуцию вполне можно было бы провести в уже известном мне Лошадином баре в двух минутах езды. БМВ выкатывает на автостраду и развивает скорость. Мои волосы разлетаются в разные стороны и вместо того, чтобы наслаждаться красотами пейзажей, я всю дорогу сражаюсь с этими ожившими космами. Они немного утихомириваются, только когда кабриолет замедляется, сменив автостраду на узкую асфальтированную полосу. Слева от меня возвышаются горные вершины, справа, укрывшись за хвойными зарослями, синее море. Машина, повинаясь указаниям владельца, сворачивает на красную глинистую дорогу, ведущую куда-то вниз. От резких поворотов и близости обрывов у меня дыхание захватывает. Мигель же не проявляет ни малейших признаков беспокойства. Этот спуск, напоминающий замедленные американские горки, длится больше полу часа. Я устаю нервничать и пытаюсь получить удовольствие от созерцания красочного ландшафта. Наконец, мы оказываемся у подножья гор в крошечной портовой деревеньке. Указатель гласит, что называется эта живопись port Valdemossa. Мигель паркует автомобиль на маленькой автостоянке. – Тебе нравится? – спрашивает он, захлопывая дверцу. – Очень, – честно признаюсь я, – Жалко фотоаппарат не захватила. – Здесь тихо. Не то что в твоём Кала Виньяс. – Он скорее ваш, чем мой. Я через пару дней уеду домой. – Уже? – его голос трогает разочарование. Мы спускаемся на каменистый пляж. Мигель стелит плотное полотенце, и мы усаживаемся на него. Я стараюсь отодвинуться подальше. – Да, Майкл приехал на неделю. Сегодня уже четвертый день. Я разглядываю огромные черные валуны, гордо выступающие из воды. – Ты хотел поговорить со мной о Венди? – напоминаю я Мигелю. Он выкладывает на ладони плоский камушек и концентрирует на нем свое внимание. – Да, та ситуация, свидетельницей которой ты вчера стала... это... В общем, это обычное для Венди дело. Не удивляйся. Она любит выпить и не умеет остановиться. О бледнолицых ни слова. Или муж не в курсе? – Я надеюсь, она благополучно добралась до дома, – замечаю я, выбрав себе свой камушек. – Да, шофер ее привез. Мне кажется, попался гранитик. Тщательно отточенный волнами серебристо серый с темными вкраплениями. – Тем лучше. Мы сидим, каждый уставившись в свой кусочек горной породы, и молчим. От Мигеля исходит какое-то притягательное тепло. Если в Рикардо я постоянно спотыкаюсь о контрасты, стремительно перемещаясь из огня в полымя, то его брат привлекает стабильностью, человечностью и загадочной грустинкой. Ключевое слово в этом лигвистическом завихрении – привлекает. Привлекает. Хотя должен в следствии своего социального статуса отталкивать. А отталкивает меня как раз свободный строитель-матадор Рикардо. Сдается мне, что Адам в свое время подкинул Еве какое-то бракованное ребро. Нелогично мы, женщины, устроены. Я украдкой посматриваю на пальцы Мигеля, которые нервно перебирают серые камушки. – Ты не носишь обручального кольца, – делаю наблюдение я. – Ношу, вот оно. На пальце его левой руки тускло поблескивает клеймо владелицы. – Мы,

католики, носим обручальное кольцо на левой руке, – поясняет Мигель. – Вы с Венди давно женаты? – зачем-то спрашиваю я. – Пять лет. – А до этого ты два года за ней ухаживал? – вспоминаю я вчерашние похмельные откровения любительницы крепких напитков. – Да нет, у нас все как-то быстро закрутилось. У нее мать умерла от рака. Она переживала очень. От отца поддержки никакой, он только деньги дает, а слова доброго от него не дождешься. В общем, мне стало ее жалко. Надо же, а я думала, что только русские женщины любят, жалея. Или жалеют, любя. – А пьет она..., – неуверенно начинаю я, чувствую, что опять пересекаю Рубикон чужой личной жизни. – С самого начала. Я думал, это пройдет, но, как видишь... Он шевелит бровью, вглядываясь в замысловатый рисунок на камушке. – Может, в клинику? – Я пытался. Венди против. А Майклу плевать с высокой колокольни. Отец еще называется, – Мигель цедит последнюю фразу сквозь зубы и, помолчав мгновение, добавляет, – Ты знаешь, он с меня берет ежемесячную плату за проживание на его вилле. – Да ладно! – дивлюсь я. – Угу. Скажу тебе, мне дешевле было бы снимать квартиру в Пальме. Или в Сант Эльме. Должно быть, он вопреки заявлениям брата очень любит пьянчужку Венди, раз сносит ради нее такие неудобства. Мне на плечо опускает тяжелую ладонь ревность. Я энегрично дергаюсь, пытаюсь избавиться от незваной гостьи. – А у вас с Рикардо это серьезно? – неожиданно переводит стрелки Мигель. Солнце, рамазанное по горизонту кистью невидимого художника, касается водной глади. Зачем мужчина, влюбленный в свою, пусть и не очень благополучную жену, везет малознакомую девушку полюбоваться отблесками заката? Такой маршрут скорее подошел бы для свидания с Рикардо. А вот Мигель мог бы сводить меня на корриду, чтобы убить, наконец, во мне это неуместное влечение к нему. Яжимаю плечами. – Не очень. Делиться с Мигелем деталями поверхностных отношений с его братом мне не хочется. – Он тебе не нравится? – стоит на своем жалостливый муж. Может быть, эти распросы и являются истинной целью этой беседы в лучах заходящего солнца? – Уже не знаю, – честно отвечаю я, провожая глазами утопающее в позолоченных волнах светило, – Мы вчера были на корриде. – Да, он мне рассказывал. Чем, интересно, еще этот мусорщик поделился с братишкой? Не поведал ли случайно, что девица из Латвии готова улечься в койку с первым попавшимся синеглазым испанцем? А если можно с первым, то почему бы не повторить ту же схему со вторым попавшимся, коим является задолбанный женой-алкоголичкой брателло. – А что еще он рассказывал? – скрежещу зубами я. – Что ты очаровательная, неповторимая, что таких как ты он никогда не встречал. Неужели про якровыраженное бешенство матки ни слова? – Мигель, скажи мне честно, зачем ты меня сюда привез? – я бросаю камушек в воду и резко поворачиваюсь к нему. Он возвращает мне пристальный взгляд. – Поговорить. Во-первых хотел объяснить про Венди. Во-вторых сказать тебе, что Рикардо переживает из-за вчерашнего. А мне он не безразличен. А почему сюда. Ну, я думал показать тебе это место, ты ведь мало что видела на острове. И здесь нет возможности столкнуться с Венди или Майклом. Избыток весомых аргументов настораживает. Сильно смахивает на домашнюю заготовку. Впрочем, я наверно придираюсь. Наследница бэушного ребра, которую минуту назад возмутило предположение о неблагодарных намерениях сидящего рядом мужчины, теперь еще больше уязвлена их у него отсутствием. Волуны, одетые лучами в желтые шапочки, демонстрируют полное безразличие к переплетению чувств в моей душе. – Светлана, – мягко произносит Мигель, почти не зацепившись за первый слог. Я состыковываю свою серо-зеленую радужную оболочку с его небесно синей. – Я понимаю, – бормочу я, заблудившись в этой синеве. «Что ты понимаешь, тупица?» возмущается взбудораженный этим бестолковым заявлением разум. Эмоциональная половинка не успевает отреагировать на критику, мобильный у меня в сумке принимается нервно елозить, попутно жужжа и напевая веселую мелодию. Чья, интересно, длинная лапа дотянулась на меня в этом защищенном горами от посторонних взглядов райском уголке? – Всъетлана, это Венди! – отвечает на мой вопрос аппарат, – Мне папа дал твой мобильный. И зачем это я опять понадобилась Съенди? Могла бы она уже понять,

что собутыльник и сотусовочник из меня никакой. Мигель, похоже, узнает в трубке громкий голос жены. Его физиономия принимает кислое выражение, человека, откусившего свежий лимон. А как же морковь, которая любовь? – Слушаю тебя. – Я тебя приглашаю сегодня ко мне домой на ужин. Папа ужинает с друзьями. Мигель на деловой встрече. Повеселимся от души! Я бросаю взгляд-упрек на честного мужа, находящегося в самом эпицентре важных деловых переговоров. Он в ответ выразительно задирает бровь. – Ну, я не знаю, – колеблюсь я. – Давай, давай. Ты же работаешь на папу! Это будет часть работы. Я тебе покажу что-то интересное! Двухлитровую бутылку текилы? – Хорошо. – Ты что согласилась? – хмурится Мигель, когда я нажимаю отбой. – Угу. А что мне оставалось делать. Ты, кстате, на деловую встречу не опаздываешь? – Я собирался провести ее с тобой в ресторане, – расстроено признается не имеющий ни малейших романтических поползновений в мой адрес мужчина. «Ура!» трепыхается правый желудочек моего сердца, левый помалкивает, предпочитая не радоваться раньше времени. – Я заказал столик в «Фабрике». Это мой любимый ресторан в Пальме, – Змий-Искуситель обвивает ствол дерева и выразительным взмахом брови указывает зазевавшейся Еве на яблоко, – А потом мы пошли бы выпить чего-нибудь в «Абако», погуляли бы по Пасео Маритимо и заглянули бы в один из клубов. «Хочу в «Собако» оживает левый желудочек. «За этим далеко идти не надо», встречают в унисон оба полушария мозга, «Вот оно, это собако, сидит перед тобой и глазки строит». – Интересно было бы узнать мнение твоей жены и брата на этот счет, – трезво замечаю я. – Что касается Венди, после пары-тройки бокалов ее мало что трогает. А Рикардо... Ну, я собственно говоря, ради него с тобой и встречаюсь, чтобы убедить тебя не судить его строго. – Спина не чешется? Крылья не режутся? – язвлю я, поднимаясь с полотенца. Из трагичного героя Мигель преображается в пошлого бабника. Какие-то эти испанцы нестабильные. Прямо как два куска пластилина, из которых Всевышний лепит что попало. – Светлана, ты меня не так поняла, – встает следом Мигель, – Я не пытаюсь за тобой ухаживать. Я воспринимаю тебя исключительно как друга. – Угу. Отвези меня в отель, пожалуйста. Я шагаю впереди, он молча следует за мной. Мне страшно хочется, чтобы он повторил свое предложение. Я бы приняла его с чистой совестью, отдраенной до белезны первым отказом. Но Мигель ничего больше не предлагает. Заводя мотор, он даже не смотрит в мою сторону. «Ну, и отлично, подавись, Змий, своим яблоком, я найду фрукты повкуснее и не проеденные червяками». Спустя минут тридцать разрываемого порывами ветра молчания я уже готова сама пригласить Мигеля куда-нибудь. Но на мое счастье (или несчастье) БМВ останавливается у входа в отель как раз в тот момент, когда я, собравшись с духом, решаюсь начать фразу каким-нибудь вводным «ты знаешь». – Ты знаешь... – машинально выдаю я. – Извини, если что не так, – говорит он холодно, упорно отказываясь повернуться в мою сторону. У меня остается два выхода. Первый – с гордым видом выйти из машины. Второй – броситься на шею Мигелю со слезными причитаниями. Я, спасая самолюбие, выбираю первый. Кабриолет с раскатистым рычанием срывается с места и исчезает за поворотом. «Ну, и хорошо», – бубню я себе под нос, загружаясь в лифт. В районе десяти вечера я жму на кнопку звонка на воротах резиденции Майкла. Они послушно отъезжают в сторону. Венди возлежит на подушках с бокалом чего-то явно алкогольного в руке. – Привет. Проходи, чувствуй себя как дома, – приглашает меня хозяйка, – Что будешь пить? Венди действует на меня как анти-реклама алкоголя. Если раньше я считала своим долгом в компании подружек опрокинуть по бокальчику мохито, то теперь одного взгляда на англичанку хватает, чтобы вспылать страстной любовью к зеленому чаю. – Какой-нибудь сок. – Да, ладно! Возьми вон Джек Дэниэлс в баре. Не строй из себя скромницу. Все знают, что русские пьют. – Ага, а все англичане играют в крикет. Где твоя бита? Я наливаю таки себе скудную порцию виски, потому как выдержать общество этой стереотипно-мыслящей девицы без должного допинга не представляется мне возможным. – Молодец, – одобряет Венди, пропустив замечание про крикет мимо ушей. Она привычным

жестом запрокидывает в глотку свою порцию алкогольного месива и, пополнив бокал, заводит какое-то путанное повествование о походе в местный ночной клуб. Я делаю вид, что слушаю, мысленно упрекая свою мудрую половину за отказ от ужина при свечах с мужем этой тусовщицы. – И вот мы все в пене, я ползаю по сцене, а Марк.. Ты же знаешь Марка? Я безразлично киваю, силясь разглядеть в коричневых глубинах дно бокала. Когда же все это кончится? Венди, однако, не собирается выпускать из рук микрофон. Завершив сагу о пенной вечеринке, она седлает своего любимого конька по кличке «папенькины деньги». – Я сейчас покажу тебе, – угрожает она, неуверенно выкарабкиваясь из груды подушек, – Папино яйцо. В английском варианте это смелое заявление лишено двусмысленности. Яйцо, так яйцо. Венди, ступая по полу с грацией неопытного канатоходца приближается к висящей на стене картине, намалеванной каким-то бездарным абстракционистом. Она, как полагается героине старого английского детектива, снимает холст со стены, оголяя металлическую дверцу сейфа. Не выпуская из левой руки бокал, она набирает пальцами правой какую-то длинную комбинацию. Видимо, пяти пальцев ей на это важное дело не хватает, она пытается задействовать еще парочку. Оставшиеся в меньшинстве большой и указательный отказываются выполнять задачу по удержанию стеклянного сосуда, и бокал с остатками коктейля разбивается о пол. – Shit! – чертыхается Венди, – Светлана, помоги мне. Я нехотя приближаюсь. – Подержи дверцу. Вот так. Теперь нажми сюда. Я машинально следую указаниям. Венди извлекает из металлической коробки пораженный какой-то экзотической курочкой Рябой эмбрион цепленка в белой матовой эмали с золотистым орнаментом. Красивая, но бесполезная игрушка. – Платина, золото и бриллианты. Раньше у него внутри был сюрприз, какая-то фиговина, – поясняет хранительница этого сокровища, – Но его потеряли до нас. – Красиво, – спокойно одобряю я, разглядывая яйцо. Венди разочаровывает недостаток эмоций с моей стороны и она, обиженно сложив губки, возвращает овальный раритет на постамент. – Ты не разбираешься в искусстве, – делает вывод она, – Ты даже представить себе не можешь, сколько оно стоит. – Куда уж нам, – развожу руками я. Я готова оправдать эту вечную демонстрацию своего превосходства и некоторую задиристость Венди тем фактом, что она лишилась матери в достаточно раннем возрасте, а отец сухарь никаких других ценностей кроме материальных ей привить не смог. Оправдать – пожалуйста, но сносить презрительное и снисходительное обращение этой выскочки я не обязана. – Венди, мне пора. – Куда тебе все время пора! Мы еще даже не ели! Потом я думала, посмотрим вместе шоу Джерри Спрингера. Венди хватается за руку, вынуждая обернуться. В глубине ее больших коровьих глаз наливаются две крупные слезы. На короткое мгновение я ощущаю пронизывающее ее одиночество, как будто отколовшаяся от ее сердца льдинка падает мне на руку, обжигая холодом. Из подсознания вылезает упрек и, отряхнувшись и откашлявшись, заводит речь: «Тебе ее жаль, эту несчастную дочку миллионера? И мужа ее жаль, беднягу-кобеля? И Рикардо, неудачливого мусорщика? А, может, уже и узурпатора Майкла, которому Бог забыл вставить душу? Ну, жалей, жалей. Посмотрим, кто тебя потом пожалеет». От выбора между принесением себя в жертву капризу обиженной судьбой багачке и ретировкой в отель меня избавляет появление на сцене третьего действующего лица – Мигеля. – Добрый вечер, – обращается сей лицемер ко мне, – Как дела, Светлана? – Отлично, – мрачно замечая я, не достаивая его взгляда. – Чего это ты так рано? – набрасывается на мужа Венди. – Так получилось. Ты опять пьешь? – хмурится он при виде ополовиненной бутылки виски. – Не твое дело! У нас девичник. Венди демонстративно откупоривает бутылку и льет в бокал щедрую порцию. Коричневая жидкость выплескивается через край и оставляет след на светлом дереве. – У тебя каждый день девичник. Печень не жалко? – холодно бросает Мигель. – Не твое дело! – неожиданно переходит на визг неуравновешанная англичанка, – Я делаю, что хочу! Я же не на твои деньги пью! Твоих денег в этом доме никто отродясь еще не видел! Кем бы ты вообще был, если бы не мой папа? Сажал бы кактусы как раньше? Я

чувствую себя так, как, должно быть, ощущает себя человек, по ошибке приоткрывший дверь, за которой соседи страстно придаётся любви. Мне страшно неудобно находиться в эпицентре чужой личной жизни. Но в то же время, должна признаться, покинуть его я не спешу. – Успокойся, мы не одни, – цедит Мигель. – Да мне плевать! – Венди разогналась как поезд и несется дальше на всех парах. Остановить ее не способен даже вытянувшийся на рельсах человек, – Кто ты вообще такой, чтобы мне указывать?! Ты думаешь, я не знаю, почему ты на мне женился? Думаешь, я – дура, и ничего не понимаю?! – Прекрати. Ты пьяна и несешь всякую чушь, – делает вялую попытку притормозить стремительно приближающийся состав почуявший на рельсах. – Отстань от меня, жалкий импотент! Крак, голова в одну сторону, тело в другую. Не шутите с паровозом. – С удовольствием, – выплевывает раздавленный импотент, покидая поле битвы на щите. Победительница падает на диван с бокалом в одной руке и квадратной бутылкой в другой, шипя сквозь зубы слова ненормативной лексики. – Пожалуй, я пойду, – робко напоминаю о своем существовании я. Венди фокусирует на мне мутный взгляд и вдруг ни с того, ни с сего разражается рыданиями. Она плачет некрасиво, размазывая слезы по покрывшимся красными пятнами щекам. – Меня никто не любит, никто, – всхлипывает она, свернувшись в клубок среди подушек. Эта картина напоминает мне популярный некогда анекдот. Приходит пациент к психологу и говорит: «Знаете, доктор, у меня почему-то совсем нету друзей. Может, ты сможешь мне помочь, старый лысый урод?» Вот и Венди исходит рыданиями, потому что ее не любит ни жалкий импотент, ни прислуга-невежда. Жалость поправляет прическу перед зеркалом, салютует на прощание и плотно закрывает за собой дверь. Я выхожу следом за ней. У гаража, усевшись на большой валун, курит шофер. Он бросает в мою сторону пустой полу-взгляд и не предлагает подвести до отеля. Тем лучше. Пройдусь, проветрюсь. Нежный морской ветер гладит мои волосы. На часах почти полночь, а мне в легком платице совсем не холодно. Я медленно бреду по дороге, с каждым шагом погружаясь все глубже в черную южную ночь. Забавные отношения связывают эту разномастную пару. В этом испано-британском королевстве не просто гниль, я бы сказала, что вся его сердцевина истлела, и только хрупкие стенки каким-то чудом держат еще эту отжившую свое конструкцию. Из чего сотканы эти стенки? Из обрезков жалости Мигеля к полу-сироте или из его корыстного стремления завладеть однажды папочкиными золотыми закромами? Не зря ведь Венди подчеркнула в запале зависимость мужа от денег тестя. Она сказала, что без помощи Майкла Мигель и по сей день сажал бы кактусы. Странное замечание, учитывая ту информацию, что известна мне об этом образованном брате. Подобная подколка была бы скорее уместна в адрес непутевого матадора Рикардо, окажись он мужем Венди. А Мигель и кактусы, на мой взгляд, как-то мало совместимы между собой. Что же касается последнего едкого оскорбления, то оно тоже вызывает удивление. Неужели мужская сила распределяется между близнецами как вода в сообщающихся сосудах? Аналогично мозгам. За размышлениями я не замечаю, как дорога приводит меня к отелю. У бассейна развернулся очередной караоке-марафон. Я, не задерживаясь, поднимаюсь к себе в номер. Ветер доставляет через раздвинутую дверь балкона отрывки пристарелого хита «It's raining men». Заворачиваясь в кокон простыни, я думаю, что ведь еще неделю назад в моей жизни не было ни Майкла, ни Венди, ни Мигеля с Рикардо. Она была размерянной и устоявшейся как поверхность старого пруда. И откуда только взялись все эти подводные течения и водовоплады? На следующий день после ритуального завтрака и душа меня навещает ставший таким же ритуальным телефонный звонок. – Это Рикардо, – сходу представляется звонящий. После вчерашний перепетий Рикардо, никоим образом в них не участвовавший, как ни странно набрал несколько призовых баллов. – Привет, – доброжелательно улыбается мой голос. – Можно я к тебе приеду? Этот вопрос не имеет никакого отношения к тому смелому напористому мужчине, который выбил у меня почву из под ног на корабле. Это трепетное «можно» подойдет скорее влюбленному юнцу с влажными от волнения ладошками. Упомянутые юнцы никогда меня

не привлекали. Почему же сейчас от этой неуверенной интонации мои внутренности начинают вибрировать? Ах, да, опять адамово ребро дает о себе знать. – Приезжай, – произношу я почему-то шопотом. Спустя час моя голова лежит на загорелой груди Рикардо, а мои глаза бродят без дела по белоснежному потолку. – Светлана, скажи мне, что это за страна, Латвия? – слышится сверху не самый уместный в подобных обстоятельствах вопрос. – Страна, как страна, – бормочу я, не испытывая ни малейшего желания разговаривать, – Почему ты спрашиваешь? – Я просто подумал... Хотя нет, это наверно глупость. – Ну, не говори, раз глупость. Я поднимаюсь с матраса и направляюсь в ванну. – Светлана! Я останавливаюсь на пол пути. Он сидит на кровати голый, растрепанный и немного жалкий. – Я думал, может.. может, я с тобой поеду. Я замираю посередине комнаты. Это неожиданное заявление на мгновение лишает меня дара речи. – Зачем? – выдаю я первое, что приходит в опустевшую черепную коробку. – Мне кажется, я тебя люблю, – произносит он, глядя куда-то в сторону. Речь, еще не успевшая обосноваться, хватает все свои пожитки и исчезает в неизвестном направлении. Мой тонкий филологический слух отторгает эту фразу как неуместную в данном контексте. Помнится, мои уже так же сворачивались в школе, когда пара лишенных творческой жилки учеников выходила к доске отвечать диалог на тему «окружающая среда». «Как насчет проблем окружающей среды?» начинал первый с бухты барахты. Меня корежило от столь неграмотного отсутствия вступления, и я в свою очередь, оказавшись у доски, вплетала эти самые проблемы экологии только на второй минуте диалога в тщательно составленный тематический букет. Вот и сейчас это неуверенное «кажется, я тебя люблю» напоминает топорный вопрос об окружающей среде. Если откинуть физическую сторону дела, то можно сказать, что мы с Рикардо едва знакомы. Нас связывают только романтическое приключение на пароме, которое он, судя по всему, не думал продолжать, и день в Пальме, отравленный корридой. Ну, и, если перестать кривить душой, то можно добавить в этот скудный список сегодняшний секс, который как и его предшественники удался на славу. Но этих трех хилых ингредиентов не достаточно, чтобы замесить тесто под названием «любовь». Я смотрю на него и не знаю, что сказать. Сейчас в нем не осталось ничего от рокового мужчины. Это скорее забытый родителями в детском саду мальчуган. – Кажется? – цепляюсь я за единственное уместное слово в этом мало аутентичном признании. – Угу, – повинно кивает головой Рикардо. Процессор в моем мозгу грузит информацию, скрипя микросхемами. При нашем последнем расставании розовые ангелочки с луками с стрелами в воздухе не парили, это я точно помню. Что же спровоцировало за один день эту неожиданную вспышку «кажется-любви»? – Как-то это неожиданно, – мнусь я, – Мы друг-друга почти не знаем. Кроме секса и синих гномов у нас нет ничего общего. – У нас еще есть время, чтобы узнать друг-друга лучше. Ты ведь не завтра уезжаешь? – Не завтра. Хотя я, честно говоря, не знаю. Майкл вполне способен позвонить мне в одиннадцать вечера и объявить об отъезде на следующее утро в семь. Что мне ответить Рикардо? Как объяснить, что его брат по каким-то непонятным причинам привлекает меня гораздо больше. Несмотря на вчерашние откровения его жены. С Рикардо хорошо только в горизонтальном положении, а как только поднимаешься и традиционно хочешь поговорить, все очарование рассеивается в воздухе после первого же «откуда мне знать». А может, я слишком требовательная? Может, присмотреться к Рикардо повнимательнее? Я присматриваюсь, в следствии чего обнаруживаю две незамеченные до сего момента морщинки на лбу и маленькую родинку на переносице. – Ты так на меня смотришь..., – замечает подопытный объект. А то! Мужчина, сказавший вам однажды заветное «люблю», заслуживает повторного изучения. Его надо мысленно примерить на себя как новое пальтишко. Идет, не идет? Хорошо сидит или топорщится? Брать или не брать? На мой взгляд, пальтишко немного топорщится. С другой стороны модель мне нравится и цена устраивает. Я бы, конечно, предпочла подкладку поинтереснее. Но аналогичную модель с шелковой подкладкой уже отхватила до меня расторопная англичанка. Я целую Рикардо в нос. – Ты красивый. – Ты

тоже, – не остается в долгу он, – Давай поедem куда-нибудь покатаемcя. Не сидеть же целый день в номере, – прибавляет он, убирая с моего лба выбившуюся прядку. – Давай. Я прошу продавщицу отложить пальто до вечера. Малютка Рено, урча маломощным мотором, везет нас на другой конец острова. Я люблюcь придорожными зарослями олеандра и наслаждаюсь веселым мотивом «La flaca», которую транслирует местное радио Cuarenta. Спустя пол часа автостраду сменяет однолинейная глинистая дорога, а олеандр исчезает, призвав себе на смену древние оливковые деревья причудливых форм. Вскоре пропадают и они, по обеим сторонам дороги мелькают оранжевые поля с хилой полу-засохшей растительностью. Переодически на этих скудных пастбищах встречаются стайки тощих черных коз, выскребаяющих носами из глины какие-то питательные корешки. Пейзаж отлично описывает английское выражение «in the middle of nowhere». Я ожидаю, что машина вывезет нас на живописный безлюдный берег, но вместо этого мы оказываемся на забитой доверху стоянке. За деревьями пестрят разноцветные зонтики загорающих. – Это Кап Мандрагос, – сообщает Рикардо, умудрившись втиснуть маленький автомобиль между двумя другими, оставив с каждой стороны по пятьдесят сантиметров, – Здесь есть неплохой ресторанчик. Ты уже успела проголодаться? – Еще как! Мы усаживаемся за белый пластиковый стол, подобный которому стоит у нас летом на даче. Рикардо заказывает кувшин сангрии, мидии и кальмары. Официант приносит нам свежий хлеб с крупными оливками и айоли (соусом, приготовленным из яиц, чеснока и оливкового масла). – Вкусно, – хвалю я, повторно намазывая соус на хлеб по примеру Рикардо. – Ага, – мычит он, запивая этот своеобразный бутербродик сангрией. – Я вчера встречалась с твоим братом, – начинаю я. – С Мигелем? Зачем? – Ну, он просил меня не судить тебя строго за эту неудачную идею с корридой, – неуверенно продолжаю я. Мне кажется странным, что Мигель не посвятил брата в детали своей благородной миссии. – Это не его дело, – петушится Рикардо, – пусть со своей запойной британкой разбирается. Выходит, что Мигель возил меня вчера в порт Вальдемосса, защищая вовсе не интересы брата, а свои собственные. Из чего в свою очередь напрашивается еще один логический вывод – эти интересы включают в себя меня. Впрочем, подобная догадка посетила меня еще вчера, когда лживый муж выложил передо мной предполагаемую программу на вечер. Ну, и что мне делать с тем неоспоримым фактом, что Мигель имеет на меня определенные виды? Кроме как потешить самолюбие ни на что другое эта аксиома не годна. Рикардо прав, пусть Мигель разберется сначала со своей женой. Официант ставит перед нами огромные тарелки с издающими невообразимый запах морепродуктами. Сфокусировав свое внимание на дымящихся деликатесах, мы на время замолкаем. Когда последний моллюск покидает свой плоский панцирь, Рикардо ни с того ни с сего заводит разговор о своих родителях. По его словам это небогатые люди, вечные трудяги, которые работают ради самого процесса, а не ради результата. Папа – рыбак, мама продавщица в мясной лавке. В моей семье потомственных интеллигентов ручной труд всегда воспринимался как нечно недостойное, позволительное только в том случае, если уж совсем нечего кушать. Как отнесутся моя мама, преподаватель вуза, и папа, финансовый аналитик, к будущему зятю строителю-мусорщику, выросшему с семье рыбака и продавщицы? Впрочем, я знаю, как. Скажут мне «лишь бы человек был хороший» и, попереживав втихоря, смирятся с выбором дочери. Другое дело, захочет ли проеденная червячком снобизма дочь сделать подобный выбор. Завершив обед, мы с Рикардо спускаемся на пляж. Он разворачивает на песке полотенце, похожее как две капли воды на то, что вчера стелил на гальку Мигель. Мы ложимся рядом, соприкосаясь боками. Рикардо поднимается на локте и обращает на меня свои синие как средиземные воды глаза. Я чувствую на своем лице его взгляд и улыбаюсь, не разлепляя век. Откинув в сторону размышления и противоречия, я просто наслаждаюсь мгновением. Постепенно внутренняя умиротворенность перетекает в сон. Когда я открываю глаза, над моей головой простирается желтое полотно зонта. Рикардо нигде поблизости не видно. Я потягиваюсь, стряхивая с себя

сонливость. Мой нешибко образованный красавец обнаруживается в воде. – Откуда зонтик? – улыбаюсь ему я. Он подплывает ближе с грацией Ихтиандра. – У штрумпфов одолжил. Ты бы иначе солнечный удар заработала. Подобное проявлению заботы не может не трогать. – Спасибо. – Иди сюда. Рикардо тянет меня за собой. Я погружаюсь в прохладную изумрудную воду. Необыкновенное ощущение легкости и невесомости наполняет меня такой бурной радостью, что хочется закричать во все горло. Как же хорошо! «Слишком хорошо» поправляет наверху кто-то невидимый, решив отщипнуть от пирога моего восторга щедрый ломоть. Слева от меня на волнах покачивается круглый зеленый островок сантиметров двадцать в диаметре. «Интересная водросль», замечает мой пытливый мозг, а любознательная ладонь уже тянется, чтобы испробовать незнакомое растение на ощуп. Водросль оказывается мягкой, желеподобной и подлой. За легкое прикосновение она мстит болезненным ожогом. Я невольно вскрикиваю, сжимая пострадавшую ладонь. – Что случилось? – Рикардо подплывает ближе. Жжение усугубляется, боль тонкими иголками пронизывает всю кисть. Я испускаю протяжный стон, сжимая зубы, чтобы не расплакаться. – Медуза ужалила? Плыть можешь? Держись за меня. Я хватаюсь за него здоровой рукой и он помогает мне добраться до берега. – Зеленая водросль, – объясняю я Рикардо, осматривая стремительно опухающую ладонь. – Светлана, сагіно, это не водросль, это медуза. Они тут переодически попадают. Ну, если медуза, то это в корне меняет дело. Не каждому латвийцу выпадает на своем веку быть ужаленным медузой. Расценим как ценный экзотический опыт. Если бы носительница этой ценности, левая рука так не саднила, было бы вообще замечательно. – Очень больно? – участливо осведомляется Рикардо. – Угу, – киваю я, жмурясь, чтобы не пропустить прущие наружу слезы. – Знаешь, если одно средство, но несколько.. специфическое, – не очень уверенно произносит он. – Отрубить руку и не мучиться? – Нет, надо на нее пописать. «The cat misses and pisses» выдают закрома памяти. Я недоверчиво оглядываюсь на Рикардо. Он молча пожимает плечами. – Ты серьезно? – продолжаю сомневаться я. – Угу. Народное средство. Боль сразу проходит. Проверено на личном опыте. Я перевожу взгляд на красную раздувшуюся ладонь. – Я могу тебе помочь, если хочешь, – вызывается герой. Романтика диких прерий. Смелчак спас девушку от верной гибели. Вырвал из лап голодных людоедов? Уберег от полчища разъяренных индейцев? Почти угадали. Он пописал ей на ладошку. С этого трогательного момента их чувства к друг другу вспыхнули с невиданной силой. – Спасибо, я какнибудь сама. Если, конечно, пол писающего не принципиален. – Да нет, конечно. Я направляюсь в туалет, проклиная свою чрезмерную любознательность. Дернул меня черт шупать всякую пływучую гадость! А ведь в первый день своего прибывания на Мальорке я, помнится, прониклась жалостью к убитой Раскольниковым медузе. Теперь выходит, что он не убийца, а санитар леса, то есть моря. Своеобразная медицинская процедура как ни странно и в самом деле притупляет боль. Я заматываю вонючую руку в бумажное полотенце и выхожу на пляж. Возвращаться в воду нет ни малейшего желания. Рикардо садится рядом на полотенце и гладит мои волосы. Я кладу голову ему на плечо. С ним очень хорошо молчать. Это молчание можно наполнить иллюзорным смыслом и придать ему различные интонации. В этой уютной тишине я могу даже на мгновение поверить, что я тоже «кажется, люблю». Мы возвращаемся в отель в начале десятого. Рикардо намекает, что хотел бы остаться, но я делаю вид, что этих намеков не понимаю. Если с Мигелем мне каждый раз хочется задержаться подольше, то длительное прибывание в компании Рикардо почему-то тяготит. Меня мучает подсознательный страх, что он выдаст какую-нибудь глупость или сделает что-то такое, что в очередной раз круто изменит курс судна наших отношений. Что касается Мигеля, то в его случае подобные мысли меня не посещают. Возможно потому, что в глубине души я как раз жду, что он совершит ошибку, которая уничтожит раз и навсегда корень моего к нему влечения. Вот такой клубок мыслей наматался из нитей встреч с двумя близнецами. Я перекаत्याю его с руки на руку, не предполагая, что не далее как завтра этот спутанный моток развяжется у меня

на глазах. На следующее утро, когда я покусываю за завтраком круассан, который с небольшой натяжкой можно назвать свежим, мой мобильный телефон выводит приветственную трель, требуя внимания к своей мобильной персоне. В трубке скрежещет скрипучий голос Майкла. За несколько дней я уже успела благополучно запямятовать тот малоприятный факт, что я нахожусь все-таки на работе, а не на отдыхе. Приходится вспомнить. – Светлана, в твоём СиВи указано, что ты владеешь PhotoShop'ом, – заявляет мой заново обретенный клиент. – Есть такое дело, – нехотя признаюсь я. – Венди нужна помощь. Мы будем ждать тебя через пол часа. Прежде чем заниматься с Венди, зайди ко мне в кабинет, мне надо с тобой поговорить. Чудное начало дня. О чем со мной собирается беседовать хлипкий писатель-философ? Безрадостный ответ напрашивается сам собой. Майкл объявит мне «finita la comedia» и велит собирать чемоданы. Завтра седьмой день моего прибытия на острове. Поездка планировалась на неделю, вот эта неделя и истекла. На душе скребется какой-то когтистый хищник. Я не хочу уезжать. У меня тут столько интересного творится, жизнь, можно сказать бьет ключом. А в Риге кроме родителей, грибов и осеннего дождика меня никто не ждет. Хотя еще есть Вера, которая выслушав мое сбивчивое, переполненное эмоциями повествование, схватится за голову и вздохнет с крошечной частичкой зависти «ну, ты, мать, даешь!» Натягивая шорты и майку, я вспоминаю, что вчера Рикардо изъявил желание поехать в Латвию следом за мной. Интересно, чем бы он занялся в этой новорожденной ячейке Евросоюза? Приподавал бы изначально ненаделенным внутренним чутьем Константинам тонкую науку секса? Или мусор убирал бы. Мусор он ведь везде одинаковый. Венди встречает меня у дверей, заговорчески улыбаясь. – Слушай, не говори папе, что я тебе яйцо показывала. Ему это не понравится, – просит меня она. – А что пила виски можно? – Это можешь. Ему наплевать. Давай я провожу тебя в кабинет. Потом зайдешь ко мне. Я вот тут за соседней дверью. – Окей. Майклу средиземный воздух не пошел на пользу. Он выглядит еще хуже прежнего. – Садись, – указывает он мне на кресло, не посчитав нужным поздороваться. Я молча выполняю указание. Он выседает за большим, судя по виду раритетным, столом, слегка покачиваясь в кожаном кресле. – По нашему договору ты должна была пробыть на Мальорке неделю, – выпускает он фразу, которую я ждала от него услышать. – Так точно. – А потом ты должна была сопровождать меня обратно в Ригу. – Именно так. – Светлана, мои планы изменились. Я в Ригу не еду, – Майкл выдерживает паузу, затянувшись сигарой, – Ты вернешься одна. Одна, так одна. Не придется тягать его толстобокие чемоданы. – Ты уезжаешь через два дня. Вот твои билеты. Этот на паром, вот это на самолет. Я беру со стола два прямоугольных конверта. – Спасибо. Правила вежливости требуют, чтобы Майкл хотя бы одним примитивным «thank you» отблагодарил меня за какую-никакую, но все-таки работу. Холодный как льдышка британец эти требования игнорирует. – Счастливого пути, – безразлично бросает мне вслед он. Я выхожу из кабинета, сжимая во внезапно увлажнившихся пальцах корочки билетов. У меня осталось два дня. Два дня, чтобы определить, что взять с собой – приятное воспоминание о легком курортном романе или жизнеспособный зародыш новых отношений. Венди усаживает меня в кресло перед компьютером. – Я тебе покажу фотки. Мне надо цвет лица поменять. Вот видишь, я тут красная как лобстер, и лицо сверкает. На снимке, который Венди увеличивает нажатием курсора, она выглядит так, как будто только что вышла из бани. Я забираю у нее мышку, аккуратно закрашиваю сверкающие участки кожи и убираю из цветовой гаммы переизбыток красного. – Здорово у тебя выходит! – оценивает она, – Я отправлю эту фотку Кейлу. Это мой друг из Лондона. Где-то тут была еще одна. Венди открывает другую папку. Мне бросается в глаза фотография, на которой Венди стоит в обнимку с Мигелем. Вот только Мигель вовсе не Мигель, а Рикардо. У него взъерошенные волосы, немного неряшливый вид и главное рубашка, в который я видела его вчера. Венди, заметив мой интерес, увеличивает снимок. – Это мы с Мигелем в Эль Дивино на Ибице года три назад. Он тут удачно получился. – Я бы сказала, что он тут больше похож на брата, –

замечаю я. – На чьего брата? – вылупляется Венди. – На своего естественно. На Рикардо. – Какого еще Рикардо? – продолжает разыгрывать комедию англичанка. – У Мигеля есть брат-близнец, – настаиваю я. – Кто тебе сказал эту чушь? Нету у него никакого брата и отродясь не было. Он единственный сын своих бездарных пропахших рыбой родителей. Да, и сам он не далеко ушел. Как говорится, яблоко от яблони... Если бы не мой папа.. Едкие слова сливаются в один поток, который течет мимо моих ушей. Мой мозг наотрез отказывается воспринимать поступившую информацию. Он лупит по ней ногой как по футбольному мячу, но этот мяч, отскакивая от стенки возвращается. «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» как говорит мой папа в подобных ситуациях. Хотя что-то я очень сомневаюсь, что в его жизни «подобные» ситуации случались. – Эй, ты чего зависла? – дергает меня за плечо Венди, – убери мне вот тут второй подбородок. – Какой подбородок? Венди мелькает передо мной большим светлым пятном. Ошеломляющая новость постепенно втискивается в черепную коробку и пробивает себе путь, распахивая в стороны залежи серых клеток. У Мигеля нету брата. Рикардо не существует в природе. Этот персонаж родился на пароме в виде камуфляжа для гулящего мужа. А потом был им же использован, чтобы получить повторный доступ к моему телу. Мигель понимал, что увидев его в кафтанчике семьянина, я не захочу больше придаваться с ним постельным утехам. Зато с неженатым Рикардо – пожалуйста. Он старался сделать придуманный образ как можно более отличным от собственного. Отсюда этот яркий контраст между образованным Мигелем и недалеким Рикардо. Но будучи хоть и явно талантливым, но все же непрофессиональным актером, Мигель не доработал до конца личность брата-близнеца. Потому тот часто молчал и не находил нужных слов в некоторых ситуациях. В роли себя самого наш герой был гораздо красноречивее. Теперь я понимаю, что все время отталкивало меня в Рикардо – его неестественность. – Светлана, что ты делаешь? Я фокусирую взгляд на мониторе. Оказывается, я уже вторую минуту размазываю физиономию Венди по экрану. – Это не смешно! – обижается обладательница размазанного лица. – Извини. Я задумалась. Я возвращаю на место оригинал и машинально подтираю Венди лишний подбородок. – Ты какая-то не такая сегодня, – делает вывод англичанка, принимая работу. – Послушай, Венди, а Мигель случайно не ездил в прошлые выходные в Барселону? – закидываю я удочку, чтобы поймать на нее последнее неопровержимое доказательство. Впрочем, оно мне без надобности, мое ведро наполнено доверху, даже, если Венди ответит отрицательно, это совершенно ничего не изменит. – А тебе какое дело? Я уже и не помню, куда он ездил. Помню, что прошлые выходные я на пенной вечеринке познакомилась с Марком, тем, про которого я тебе рассказывала. А Мигель.. Кажется, он тоже дома не ночевал, но я точно не помню. Прочное семейное гнездо, ничего не скажешь. Неудивительно, что муж периодически вываливается из него, чтобы поискать развлечения на стороне. А мне во всей этой истории автор отвел второстепенную роль «развлечения». Только представить себе, что вчера я смотрела на Рикардо с долей снисхождения, взвешивая в уме, достоин ли этот индивидум такого сокровища как я. Я самоуверенно перебирала в пальцах карэ, не догадываясь, что мой хмурый партнер на самом деле является счастливым обладателем рояля флэш. Я автоматически исправляю еще пару недостатков на снимках Венди. Она остается довольна полученным результатом. В знак благодарности она угощает меня фруктовым коктейлем. В котором, как ни странно, не чувствуется ни грамма алкоголя. Я отмечаю, что при Майкле Венди старается держать себя в руках. Толи отец представляет таки для нее авторитет, толи она боится, что некорректное поведение может перекрыть ей неиссякаемый источник папенькиных денег. Мы сидим на террасе, потягивая сладкую жидкость. – Венди, ты сказала, что Мигель ухаживал за тобой два года., – пытаюсь я прояснить последние мелкие несостыковки. – Я так сказала? Да, нет, честно говоря, все было гораздо банальнее. Он работал у нас садовником. Мы с ним как-то после какой-то вечеринки.. ну, ты понимаешь. Я забеременела. Папа велел Мигелю жениться. Хотя,

честно говоря, он сам был непротив. Папа ему хорошую работу нашел в Пальме. А ребенка не получилось. Почему не получилось, догадаться не трудно. Какой эмбрион выдержит такие мощные алкогольные вливания. Он, должно быть весь пропитался спиртом как кусок яблока в сангрии. – Знаешь, почему я тебе это честно рассказала? – ухмыляется Венди. Я мотаю головой. – Потому что ты через два дня уедешь, и я тебя никогда больше не увижу. И мне плевать, что ты обо мне думаешь. Я просто поражаюсь умению Венди унижить собеседника, при том, что сама она находится отнюдь не в выигрышном положении. Она показывает, что вроде бы не против дружить со мной, но только в этой дружбе она будет выполнять роль хозяйки, а я – собачки. Впрочем, подобным распределением ролей грешит не она одна. Ну, ничего, через два дня я уеду отсюда, и весь этот фарс постепенно смоемся из дневника моей памяти осенними дождями. – Ну, плевать, так плевать. Я пошла, – я поднимаюсь с плетеного кресла, не допив свой напиток. – Вуе! – машет мне вслед рукой Венди. На территории виллы я стараюсь держать лицо. Как только ворота задвигаются за моей спиной, оно кривится в обиженную гримасу. Эти чужаки переживали меня и выплюнули, как конфетку, в которой обнаружился алкоголь. Я медленно бреду по извилистой дороге, давясь слезами. Погрызанная медузой ладонь дает о себе знать тупой ноющей болью. Но эта боль ничто в сравнении с той, что безжалостно вонзает свои острые зубы в мое сердце. Мне вспоминается вчерашняя робость Рикардо (а точнее Мигеля в роли бестолкового близнеца) и его неуверенное признание. Кажется, люблю! Креститься надо, когда кажется, двуликий Янус! Актер погорелого театра! Подлый альфонс! Ненавижу! Почему я не догадалась раньше? Почему позволила себе сделаться марионеткой в руках этого изобретательного обманщика? А ведь еще выбирала, который мне больше нравится – Мигель с аккуратным пробором или Рикардо с растрепанными кудрями. Как, должно быть, этого клоуна позабавили бы мои внутренние сомнения и противоречия, умеет он читать мысли. Что ж, теперь зато проблема выбора автоматически отпадает. Оказавшись в номере, я стягиваю с себя одежду и залезаю под душ. Пока я намыливаю бока, стационарный телефон звонит раз пять. Интересно, кто это, Мигель или Рикардо? «С глаз долой из сердца вон. Обоих» выносит категоричный вердикт судья. Я насухо вытираюсь полотенцем, выхожу из ванной и первым делом вытягиваю шнур из розетки. «Hasta la vista, mi amor» или, как говорят, запрудившие Мальорку немцы: «аллес, финаллес». За оставшееся время надо успеть в волю накупаться и назагораться. Хотя ни того, ни другого мне делать не хочется. Укус медузы красноречиво свидетельствует об опасности водных процедур, а так и не избавившаяся от красноватого оттенка кожа не жаждет солнечных ванн. Мне в голову приходит, что стоит, пожалуй, предупредить мистера Стоуна о моем возвращении и узнать, когда я должна вернуться на работу. Я набираю на мобильном его номер. «Абонент не существует» неожиданно выдает мне служба. Я повторяю попытку три раза, от чего результат не меняется. Как это Камень не существует? Куда он делся за эти шесть дней? Ладно, пойдем другим путем. Я нахожу в записной книжке телефона номер одной из сотрудниц мини-фирмы. Вежливая латышка из tele2 воспроизводит мне ту же разящую безысходностью фразу. Я удивленно таращусь на экран мобильного. Они все не существуют! Мистика прямо какая-то. Что советовал в таких случаях мистер Чопра? Я мысленно проговариваю «руки-реки, ноги-миноги» и повторяю вызов. Психология бессильна. Весь состав фирмы в одночасье перестал существовать. Может, просто нету связи с Латвией? Я пробую дозвониться до мамы. Она отвечает с первого гудка. Я заверяю ее, что у меня все отлично, и сообщаюсь, когда вернусь. Закончив разговор, возвращаюсь к первоначальной задаче. Внутреннее чутье сжимается от нехорошего предчувствия. Я делаю попытку залить его апельсиновым соком. Но сок не успокаивает, а только пробуждает аппетит, и мне приходится покинуть номер и отправиться на поиски съестного. В холле отеля я нос к носу сталкиваюсь с Мигелем. – Светлана, что у тебя с телефоном! Я все утро не могу дозвониться! – восклицает он с наигранным беспокойством. – Дай-ка догадаюсь, кто, – отступаю я на шаг, стараясь

заглушить волнение от этой непредвиденной встречи показным цинизмом, – Взъерошенный волосы, расстегнутый ворот рубашки, закатанные рукава, потертые на коленках джинсы. Ты – Рикардо! Он взирает на меня удивленно. – Конечно, Рикардо, кто же еще! – Ну, еще может быть Мигель. Но для этой роли надо переодеться и зачесать волосы назад. Я бы для большей убедительности добавила усы. Странно, что ты до этого не додумался. – Светлана, что происходит? – хмурится разоблаченный гад. – Ха, вот ты и прокололся, немец переодетый! Рикардо, которого ты сейчас изображаешь игнорирует вспомогательные глаголы. А ты задал вопрос как полагается «what is happening?» Даже носовое «п» учел. – Тебе Венди рассказала? – спрашивает он, заметно помрачнев. Эффектнее было бы, конечно, если бы я сама догадалась. Но отсутствие у меня логического мышления обнаружилось еще при попытке поступить в свое время в Шведский колледж. Потому я пошла на филологический и впоследствии стала жертвой этого сочинителя. Мигель расценивает мое молчание как знак согласия. Он выпускает глубокой горестный вздох. – Я так и знал, что эта бездарь проговорится! – Эта бездарь – твоя жена! – напоминаю я. – Угу, жена! Врагу бы такую не пожелал. Сейчас начнутся традиционные стенания гулящего мужа, в заулах которого виновата неполноценная супруга. – Зато ты образцовый муж. Просто музейный экспонат, – перевожу стрелки я. – Нет, ну, я тоже виноват, но она.. Ты же ее видела! – гнет свою линию бесстыжий. – Ну, да, у сильного всегда бессильный виноват. Что она? Пьет? Гуляет? А кто тебе мешает развестись, а? Или жалко лишиться работы и денежек тестя? – делаю выпад я. – Светлана, послушай меня. Давай поднимемся к тебе, поговорим спокойно, – хитрит противник. – Ага, знаю я, как ты будешь разговаривать в номере. Я вспоминаю обвинения, брошенные Венди в адрес Мигеля позопрошлым вечером. – Что-то жену ты обделяешь вниманием. Жалуется, что халтуришь с супружеским долгом. Или на всех силенок не хватает? – я палю как из пулемета, боясь, что враг все-таки выживет и возьмет надо мною верх. – Я с ней не могу, – повинно опускает голову герой-любовник. Я взираю на него озадаченно, отведя ствол пулемета в сторону. – Пойдем хотя бы в кафе сядем. Стоим тут посреди холла как два идиота. Я нехотя соглашаюсь. Замечание, отпущенное Мигелем по поводу Венди, требует разъяснений. «Не верь ни одному слову» советует разум, «Этот человек врет тебе на протяжении всего вашего знакомства. Сейчас он выдумает еще какую-нибудь душеспирательную историю, а ты уже готова уши развесить». Я торжественно клянусь себе не развешивать уши. Мы устраиваемся за столиком в пустующем в этот ранний час баре. Мигель заказывает кофе, я – гранатовый сок. – Венди – мазохистка, – выдает он с места в карьер, не дав мне времени выстроить линию атаки. – В смысле? – В том самом. Эти ее наклонности обнаружились через месяц после свадьбы. Она попросила привязать ее к кровати и выпороть ремнем. Я чувствую, как левое ухо начинает заметно провисать. Усилием воли возвращаю его на место. – Я честно пытался пару раз сделать так, как она хочет, но избиение женщины не то чтобы не доставляет мне удовольствия, наоборот, вызывает отвращение. Тем более, что тогда она была беременна. Не дождавшись от меня желаемых действий, Венди начала гулять. На все мои попытки ее урезонить ответ был один: «Ты – не мужчина, указывать мне не смеешь». Как-то утром она вернулась вся грязная, в синяках с довольной улыбкой на губах. А в обед у нее открылось кровотечение и скорая констатировала выкидыш. Ты спросила, почему я с ней не развелся. Резонный вопрос. Наверно это стоило сделать, когда она вернулась из больницы, лишившись ребенка. Но я опять ее пожалел. Она была такая несчастная. А почему я не сделал этого позже? Наверно в твоём язвительном замечании есть доля истины. Благодаря ее отцу, мне удалось устроиться на хорошую работу. У меня была машина, о которой я мечтал долгие годы. Я стал помогать пожилым родителям, путешествовать по Европе. Чтобы отказаться от всего этого нужно было иметь вескую причину. До недавнего времени у меня ее не было. Когда я увидел тебя тогда на пароме, у меня внутри что-то перевернулось. Я подошел к тебе, последовав внезапному внутреннему порыву. Представился Рикардо. У меня в самом деле был брат близнец, и звали его именно так.

Но он умер через два дня после рождения. Когда я подрос, мама рассказала мне о нем, и я часто пытался представить себе, как сложилась бы моя жизнь, если бы Рикардо выжил. Мне всегда казалось, что он был бы лучше меня. И счастливее. Так оно и случилось, ведь ему досталась ты. Когда ты заснула в ту ночь, я долго смотрел на твое умиротворенное лицо, пытаюсь сохранить в памяти его черточки. Я понимал, что никакого будущего у нас нет. Ты приехала из далекой почти неизвестной для меня страны, куда через короткую неделю возвратишься. А я.. А я женат и.. В общем, мне совершенно нечего тебе предложить. Я ушел от тебя на рассвете, уверенный, что мы никогда больше не встретимся. Но Бог решил иначе. На следующий же вечер, спускаясь к ужину, на который Майкл невесть зачем пригласил свою ассистентку, я увидел в окно тебя. К счастью у меня было пара минут, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями. Когда я вышел в гостиную, мое лицо было спокойно. Чего нельзя было сказать о тебе. Могу себе представить, какие мысли одолевали тебя за этим ужином. Я боялся смотреть в твою сторону. Однако, я не мог не заметить, как ты была красива, и желание снова обладать тобой жгло меня изнутри. Я понял, что единственная возможность приблизится к тебе, это снова возразить Рикардо. Что я и сделал. На мое счастье ты поверила в брата близнеца, и на следующий же день я снова был с тобой в его образе. Рикардо должен был отличаться от меня, я сделал его малограмотным и несколько ограниченным. После прокола с корридой, ты отказалась с ним встретиться, и я позвонил тебе от своего имени. Учитывая, что твое приживание на Мальорке ограничивалось неделей, мне не хотелось терять ни одного дня. Я попытался заставить тебя пересмотреть свое мнение к Рикардо и мне это удалось. Мигель замолкает, уставившись в пустое дно кофейной чашки. Я пытаюсь как-то контролировать активно провисающие уши, но у меня это плохо выходит. – Вот такая вот история получается, – делает он печальный вывод, не глядя в мою сторону. – Хотелось бы задать вопрос сценаристу, – я стараюсь сохранить холодность и безразличие, хотя засевшая в глубине моего естества «баба-дура» простила подлеца уже при первых словах, – Каков предвиделся финал всей этой трагикомедии? Мигель открывает, наконец, глаза от чашки и переводит их на меня. Эх, лучше бы он этого не делал. Снежная Королева прячет за подолом пальто начавшие изрядно подтаивать части тела. – Я думал.. впрочем, сейчас это уже наверно неважно. Ты все-равно мне неверишь. – Не поверю, – соглашаюсь я, хотя сердце-предатель вещает совсем другое. Бросься он сейчас на колени и поклянись в вечной любви, я бы наверно простила ему этот жестокий розыгрыш. Но мужское чутье подводит на сей раз Мигеля, или же ему не дает развернуться гордость. А может, он просто не хочет добавить очередную горстку в выросшую за эту неделю высоченную гору лжи. Мне хочется спросить, зачем его персонаж вчера признался мне в любви. Чего хотел таким образом добиться автор сценария? Но подобный вопрос будет шагом навстречу. Навстречу пониманию и прощению. Шаг в противоположную сторону от, той в которую направляет меня разум. – Я уезжаю послезавтра, – зачем-то сообщаю я. Мигель молча кивает головой. Между нами стремительно воздвигается невидимая, но осязаемая стена. Я жду, что Мигель-Рикардо начнет каяться, просить прощения и умолять провести с ним оставшееся время. Но он ничего подобного не делает. Видно, заморская игрушка Светлана и так отняла у него слишком много физических и моральных сил. «И что ты еще там сидишь! Чего ждешь, дуреха!?» – набрасывается на меня мудрое «я», – «Что этот змей Горыныч о двух головах обзаведется третьей?» – Почему ты мне сразу не сказал? – берет власть над моим речевым аппаратом неразумное эмоционально «я». – Что представился на корабле чужим именем и на самом деле женат? – с горечью уточняет он. – Ну, примерно так. – А ты бы захотела продолжить со мной отношения при таком раскладе? – Нет. – Ну, вот поэтому и не сказал. Все ясно, понятно, все свободны, и Штирлица никто не просит остаться. А ведь он остался бы... Я поднимаюсь. Медленно, чтобы дать возможность подлецу задержать меня. Но Мигель сосредоточенно мусолит крошечную кофейную чашку, не поворачивая головы в мою сторону. Эта его меланхоличность острым

лезвием перерезает, наконец, ту невидимую нить, которая продолжала связывать нас даже после разоблачения его обмана. – *Hasta la vista, baby*, – прощаюсь я по-терминаторски. – Светлана! – запоздало оживает мастер перевоплощений. Поздно светланить, дорогой товарищ. Момент упущен. И все-таки я замираю на мгновение, ожидая продолжения. – Если хочешь, я отвезу тебя послезавтра в порт. Сомневаюсь, что Майкл пришлет тебе машину. Он относится к людям как к бумажным салфеткам – использовал и выбросил. – А ты по-другому относишься? – с горечью бросаю я и, развернувшись на 180 градусов, спешу прочь. Слезы железными тисками сдавливают горло, не пропуская кислород. Самое обидное во всей этой гнилой истории это проявленная мною слабость. Я не залипла этому актеришке звонкую пощечину, не плеснула в лицо гранатовым соком, я расплылась как квашня и лепетала какие-то невразумительные вопросы в надежде, что он расскается и пообещает больше никогда так не делать. А он, собака, не выдавил из себя даже элементарного «прости». Выложил мне свою версию с некоторой, я бы даже сказала, гордостью за проявленные актерские способности, и остановился на этом. Единственное, о чем этот гад возможно сожалеет, так это о парочке упущенных секс-сеансов, которые полагались бы Рикардо. Ручку моей двери обхватил тонким стеблем какой-то вялый цветок. На сей раз этот жалкий знак внимания вызывает не вопросы, а глухое безразличное раздражение. Мне плевать, кто балует меня этими ничтожными подношениями, будь то шофер, тройняшка Мигеля-Рикардо или уборщица нетрадиционной ориентации. Желудок напоминает мне, что я вышла из номера вовсе не для того, чтобы встретиться с двуличным проходимцем. Я выжидаю четверть часа, за которые, по моим подсчетам, Мигель должен был убраться от отеля на приличное расстояние, и снова спускаюсь в холл. Набить брюхо я отправляюсь в соседний китайский ресторан. Название заказанного мною блюда – *gah lay hah kow*⁴, с точностью передает мое настроение, а щедро добавленные в него специи прожигают насквозь внутренности, вытесняя оттуда сдобренные слезами депрессивные мысли. Я заливаю пламя в желудке несколькими бокалами холодного розового вина, оплачиваю счет, и покидаю заведение. Приводившие меня ранее в восторг яркие пейзажи теперь кажутся заметно потускневшими. Ни разлапистые пальмы, ни манящий блеск бутылочно-зеленых вод не доставляют прежней радости. Я жалею, что Майкл не заказал мне билет на сегодня. Куда девать эти оставшиеся полтора дня? Если раньше я цедила это драгоценное время по капельке из золоченого сосуда, то теперь я плещу им из чана на пыльную дорогу и досаую, что оно убывает не так быстро, как хотелось бы. Вечер, которого я нетерпеливо дожидаясь в тени сосен в далеке от кишашего людьми бассейна, приходит в компании с желтым закатом и приятной прохладой. Подрумянившиеся за день до густого ветчинного загара отдыхающие собирают свои полотенца и тянутся вереницей на кормешку. Я заказываю в опустевшем баре бокал сангрии и устраиваюсь на шезлонге перед гигантским экраном, на котором транслируется закат. Сангрия волшебным образом бодрит, сея в душе зерна оптимизма. «Это был самый что ни на есть ни к чему необязывающий курортный роман» говорю я себе, озорно подмигивая. «Если не постесняюсь, обязательно поведаю об этом занимательном эпизоде своей биографии внукам». Вот они, должно быть, посмеются над полоумной бабкой, которая влюбилась на Мальорке в псевдоблизнецов. Нет, лучше не буду рассказывать внукам. И детям не буду. Вообще никому не расскажу. Пусть эта позорная тайна умрет вместе со мной. – Светлана! Я оборачиваюсь, поперхнувшись сангрией. Тут, надо заметить, сценарист прокололся. Повторное появление героя нашего времени, лживого Мигеля, это уже некоторый перебор. Этот Мавр свое дело сделал и вполне мог бы пойти покурить, пока остальные действующие лица доигрывают пьесу. Я всем своим видом демонстрирую нежелание вступать в переговоры. – Мне надо с тобой поговорить, – выдает клишейную фразу заигравшийся актер, которого не удастся стащить со сцены даже объединенными усилиями всей режиссерской команды. Я играю роль слепо-глухо-немой оскорбленной женщины, которая не предполагает никакой реакции на это

дурацкое восклицание. – Это важно, – продолжает сыпать в зрителя банальный речевой мусор изживший себя персонаж. Эта фраза по своей истертости может сравниться разве что только с некачественными подделками сумок Виттон. Мигель, не спрашивая разрешения, усаживается на соседний лежак. – Я слышал разговор Венди и Майкла. Он вовсе не так богат, как может показаться. – Сочувствую тебе, – безразлично замечаю я, не отводя глаз от линии горизонта. Мигелю не удастся растопить меня на этот раз. Я успела хорошенько проморозиться. – При чем тут я? Я вообще не о том. Ты слушаешь меня или нет? – в его голосе прорезается гневная интонация. – Нет. – И зря. Себе хуже делаешь, не мне. Тебе грозит реальная опасность. – Угу. Майкл – людоед и задумал поджарить меня на вертеле? – продолжаю юродствовать я. – Есть он тебя не собирается. А вот засадить в тюрьму – да. Вагончик маразма под управлением Мигеля заехал куда-то слишком далеко. Пора его притормозить. – Что ты несешь? Очередную сказку сочинил? Теперь будешь вызволять меня из лап злодея? А за спасение дама расплачивается со смелым рыцарем натурой? – Да не нужна мне твоя натура! – свирепеет в свою очередь Мигель, – Не хочешь слушать, не слушай. Он вскакивает на ноги с явным намерением покинуть сцену под жидкие аплодисменты зрительского зала. – Подожди. Ты серьезно сейчас говорил? – хватаю я его за штанину. – Послушай, Светлана, – кипит оскорбленный вполне заслуженным недоверием герой, – Мне нет никакого смысла разыгрывать перед тобой спектакль. Я поступил с тобой нечестно, ты имеешь полное право меня презерать. Я не пытаюсь как-то оправдаться и вернуть твое доверие. Что потеряно, то потеряно. Просто я стал случайным свидетелем любопытного диалога между моей женой и тестем, и посчитал своим долгом тебя предупредить. А объясню тебе, в чем суть, а дальше ты уже сама решай, как поступить. Из этих безобидных с виду фраз лезет наружу уродливая морда безразличия. Я прикусываю губу, чтобы никак не показать Мигелю, как это его наплевательское «потеряно, так потеряно» меня задело. – Объясняй. – Ты знаешь, что Майкл хранит на вилле яйцо Фаберже? – начинает он с вопроса. – Да, Венди неоднократно хвасталась этим сокровищем, – озадаченно киваю я. – Она неспроста хвасталась. Светлана, понимаешь, у Майкла судя по тому, что я слышал, проблемы с деньгами. Ему срочно нужно выплатить какой-то долг, а нужной суммы нет. И вот он придумал получить страховку за яйцо Фаберже. А для того, чтобы страховая фирма ее выплатила, необходимо, чтобы яйцо пропало. Чтобы его, например, кто-нибудь украл. – Ну, и при чем тут я? – При всем. Как раз ты его и украдешь! – триумфально завершает повествование Мигель. – Угу, делать мне больше нечего, – разочарованно вздыхаю я. Я-то думала, он дело говорит, а тут опять поперли сказки венского леса. – Ты что ничего не поняла? Майкл привез тебя сюда только ради этого. Ты думаешь, Венди тебе случайно все уши проела этим яйцом? У них все продумано. Ты уедешь одна, Майкл заявит, что ты сбежала и увезла с собой хранившееся на вилле сокровище. А потом уже ты будешь объяснять полиции и страховой фирме, куда ты его дела. – Этого не может быть, – без прежней уверенности бормочу я. Я никогда не замечала над головами у Майкла и Венди приглушенное сверканье нимбов, и все-таки представить себе, что папа с дочкой способны на такую изощренную подлость, мне достаточно трудно. – К сожалению может. Вспомни, Майкл часто прибегал к твоей помощи во время поездки? А потом тебе не показалось странным, что он пригласил тебя на виллу? А тот факт, что Венди захотела завязать с тобой дружбу не насторожил? У нее пол Магалуфа друзей, к тому же для нее ты – низший класс, обслуга вроде кухарки Сальмы или шофера. Извини за сравнение, но ты, я думаю, и сама заметила эту рвущуюся наружу презрительность и снисхождение. Я концентрирую взгляд на тонком ломтике апельсина, пропитавшегося насквозь бордовой сангрией. Мигель прав. Мой мозг уже цеплялся за эти несостыковки и странности в поведении Майкла и Венди, но я предпочитала списывать все непонятные моменты на разницу культур. Эх, не зря же перед встречей с Майклом мне вспомнилась дурацкая строчка про Фантомаса. Этому монстру действительно понадобился «труп», и он выбрал на эту многообещающую

роль меня. Знала бы, предпочла бы не пройти пробы. – И мистер Стоун пропал, – озвучиваю я сверкнувшую лампочкой в мозгу мысль. – Кто? – Вильям Стоун – мой аниматор. Я пыталась с ним сегодня связаться, чтобы предупредить, что возвращаюсь, но служба мне выдала, что абонент не существует. – Что ж, это вполне логично. Значит, он изначально знал, какого именно рода помощь ты должна будешь оказать Майклу. Я мысленно адресую коварным британцам все известные мне слова английской нецензурной лексики. Их закрома обогатило в свое время прочтение книжки Джеки Коллинз, которую мама купила для меня в образовательных целях. Произведение американской писательницы с поставленной задачей справилось на «ура», пополнив не только мой словарный запас, но и некоторые пробелы в половом воспитании. – Ну, допустим, что он сообщит в полицию, – рассуждаю я вслух, – Допустим, меня задержат. Но у меня же естественно ничего не найдут. Они вынуждены будут меня отпустить. Мигель устало мотает головой. – Никуда они тебя не отпускают. Прислуга даст показание, что тебя видели ночью около дома. Венди признается, что по глупости показала тебе яйцо и сообщила о его ценности. – Я трогала сейф! – воспоминание обрушивается на меня, больно саданув по темечку, – Венди попросила помочь открыть. Я нажимала на какие-то кнопки. – Тем хуже, – печально заключает новоявленный Пуаро, – Еще одна улика не в твою пользу. Они замучают тебя допросами, будут пытаться найти сообщника. При наличии таких веских улик, никто тебя никуда не отпустит. – Лучше бы уж Майкл оказался людоедом, – выпускаю стон отчаяния я. Я ступила обеими ногами в болото и теперь чувствую, как безжалостная трясина затягивает меня все глубже. – Что делать? – просыпается во мне Чернышевский. Мигель пожимает плечами, не имея в наличии ответа на этот вечный вопрос. Ситуация складывается мало обнадеживающая. Куда не кинь, всюду клин. Костюм козы отпущения уже сшит для меня на заказ. Примерки закончены, пора надевать обновку. – Но ведь билеты мне заказывал Майкл, а следовательно уезжаю я не самовольно! – хватаюсь я за соломинку. Мигеля этот аргумент не убеждает. – Откуда ты знаешь, что Майкл? Может быть, это сделала Венди, назвавшись твоим именем. Я нехотя примеряю перед зеркалом козлиные рога. Не идут они мне однозначно! При виде этого отражения сильная женщина во мне издает глубокий вздох и удаляется, громко хлопнув дверью. А слабая обиженно надувает губки, подготавливая слезную атаку. Рациональные мысли толпятся у входа, не пройдя фейс-контроль. Голова заполнена дрыгающимися и изгибающимися тупицами в костюмчиках стиля «Чем я это заслужила?», «И почему я такая несчастливая?» – Эй, выше нос, – делает попытку подбодрить меня Мигель, заметив перемену в моем настроении, – Мы что-нибудь придумаем. Это «мы» несколько обнадеживает. Предатель и обманщик Мигель переходит в стан друзей. По большому счету кроме него в этом хилом стане больше никого и нет. Если, конечно, не считать его брата-близнеца Рикардо и парочку зеленых человечков. – Что тут придумаешь, – хнычет слабая женщина в козлиной маске, – Если я попытаюсь уехать, меня задержат. Если останусь, то тоже. Преступление еще не совершилось, а приговор по нему уже вынесен и обжалованию не подлежит. Мигель пододвигает ближе свой шезлонг и обнимает меня за плечи. От него исходит сила и уверенность, которых мне так не хватает. – Поехали поужинаем, – предлагает он, – На голодный желудок плохо думается. Теперь я не могу себе позволить поерепениться и припомнить Мигелю его подлый маскарад. Лишившись его поддержки, я завязну по уши в тине хитросплетений, и эти лохнесские чудовища сожрут меня с потрохами. Мой единственный соратник заводит мотор кабриолета. – Рено было частью спектакля? – любопытствую я. – Угу. Я его взял на прокат. Надо сказать, готовился герой к своей афере весьма основательно. Почти как к ограблению банка. Подобное сравнение ставит мое тело в один ранг с миллионами евро в крупных купюрах, от чего самолюбие расплывается в кошачей улыбке. БМВ несется по освещенной фонарями трассе. Мне хочется закрыть глаза и, открыв их через мгновение, оказаться в рижской квартире под теплым и надежным родительским крылом. Я сжимаю и расжимаю веки, но это ничего не меняет.

Я по-прежнему нахожусь в машине с обманувшим меня мужчиной и зловещими интригами, которые тянут ко мне свои клешни с заднего сидения. А что если Мигель опять врет? Что если все это очередная его выдумка, целью которой является... Является что? Дополнительная интим-сессия? Подобное предположение может допустить только женщина, чье самомнение приблизилось к тонкой грани безумия и уже заносит ногу, чтобы ее перешагнуть. Мигель паркует машину на узкой темной улочке и заглушает мотор. – Раньше этот ресторан находился на параллельной улице *calle de la Fabrica*, отсюда и одноименное название, – просвещает меня мой спутник, пока мы шагаем к месту назначения, – Не так давно он переехал, а название сохранилось. При входе нас встречает шеф-повар, невысокий лысый господин в полосатом фартуке. Судя по оказанному нам жаркому приему Мигель является завсегдатаем этого заведения. Мы занимаем столик у окна. На картонку для меню ресторан пожмотился, поэтому список предлагаемых посетителям блюд имеется только на украшающей стену прямоугольной доске. К нам приближается высокая белокурая официантка, в жилах которой, как я подозреваю, не затесалось ни капельки каталанской крови. Она обменивается с Мигелем фамильярным привертствием – по поцелую в каждую щеку, чем вызывает в моем организме маленький всплеск ревности. Я выбираю из списка наиболее приглянувшихся глазу лангустов на первое и как-то замысловато приготовленную камбалу на второе. Мигель берет фуа гра и что-то мясное. В соответствии с выбором блюд, нам полагаются разные напитки. Мне официантка приносит охлажденное белое вино, Мигелю – красное в широком сосуде. – Молодое красное вино всегда подается таким образом, – объясняет Мигель, поймав мой вопросительный взгляд, – Старое, наоборот, наливается из бутылки с тонким горлышком. – Это говорит Мигель? – улыбаюсь я, дотрагиваясь губами до своего бокала. – Это говорит любой испанец, маломальски разбирающийся в вине, – возвращает мне улыбку он. – Послушай, а коррида это тоже выдумка? – интересуюсь я. – На половину. Я пробыл года полтора новильеро и ушел. Но быки меня всегда заворачивали. Я пересмотрел много коррид и перечитал гору специальной литературы. Видя мое болезненно скривившееся лицо, Мигель выдает мне специфический аргумент в оправдание этого жестокого хобби. – Лорка говорил, что тот, кто не понял корриду, не поймет душу испанца. Понимаешь, это больше чем просто варварский спектакль, это часть нашей культуры и истории. – Давай сменим тему, – предлагаю я. Коррида навсегда останется камнем приткновения между нами, а пинать его сейчас, провоцируя конфликт, мне совсем не на руку. Мигель нужен мне прежде всего в качестве единственного спасательного круга, который бросили мне небеса, предвидя, что я вот-вот захлебнусь. Лангусты издают такой умопомрачительный аромат, что, кажется, одним им уже можно насытиться. Я поддеваю вилок кусочек нежного розового мяса. – А как кормят в сдешних тюрьмах? Высокий лоб Мигеля прорезают две параллельные морщинки. – Я надеюсь, тебе не представится возможности это узнать. – Лично я пока никакого выхода из сложившейся ситуации не вижу. Если только сбежать в какую-нибудь страну, у которой с Испанией не заключен договор о выдаче преступников. Ты такой не знаешь? Мигель состедоточенно отрезает ломтик гусиной печени. – Нам нужно сделать так, чтобы кражи не было. – Каким образом? – Мне видется только один выход. Предотвратить вымышленную кражу можно только совершив настоящую. Очередной лангуст застревает у меня в горле, я кашляю, пытаюсь протолкнуть упрямца вовнутрь. – Представь себе такой вариант. Мы забираем яйцо из сейфа, а как только Майкл затрубит о пропаже, я возвращаю ему его исчезнувшую ценность. Придумаю какое-нибудь маломальски убедительное объяснение, зачем я его взял. А ты тем временем будешь уже на пути домой, и с тебя будут взятки гладки. – Ну, тут есть одна проблема, – замечаю я, отпивая вина, – добыть это проклятушее яйцо из сейфа. Тебе известен код? Мигель отрицательно мотает головой. – Мне тоже нет. Мигель водит взглядом по краешку своего широкого бокала. – Однажды Венди открывала сейф при мне. Помню, что мне тогда показалось, что первое словосочетание, которое она набрала, напоминает имя

и фамилию. Если не ошибаюсь, код состоит из трех фраз. – Имя и фамилия, – я задумчиво вожу вилкой по тарелке, напрягая мозги. Они скрежещут с устрашающим скрипом, грозя лопнуть. – Английские имя и фамилия? – Нет, точно не английские. Может, это и не имя вовсе. Первая буква точно была «Д». – Дипак Чопра! – взрывается догадкой мой мозг. Мигель отрывает взгляд от бокала и сосредотачивает его на моей сверкающей от радости физиономии. – Вроде похоже, но наверняка не вспомню. А что это такое? – Американский психолог. Майкл заставил меня расшифровывать его диск. Сказал, что собирается писать книгу о смысле жизни. – Странно. Я никогда не замечал за ним писательских наклонностей, – отмечает Мигель, – Ты думаешь, он специально дал тебе этот диск? Мои серые клетки раздуваются от напряженной деятельности. – По логике, чтобы украсть яйцо, я должна знать код. Венди мне его не говорила. Значит, сказал Майкл. – Ты хочешь сказать, что..., – начинает Мигель. – Он дал мне в руки ключ, будучи уверенным, что я никогда не догадаюсь, что он открывает, – перебивает его моложавая мисс Марпл, – Меня еще тогда удивила его странная манера общаться. Он бросал мне обрывки информации как хозяин кидает собаке куски мяса. Только я думала, что это мясо несъедобное. А оказалось... – Что еще он тебе говорил? – загорается моим энтузиазмом Мигель. Я запихиваю в рот крупный кусок камбалы, попутно преворачивая в уме страницы памяти. – Что во всех войнах виноваты евреи, что ему нужны зеленые табуретки, лук со стрелами и африканский барабан, что он собирается открыть фирму с каким-то дурацким названием. – С каким именно? – «Волк и индеец» или «индейцы и волки». – Ну, вот кое-что у нас уже есть, – потирает руки мой будущий напарник. Нас обоих охватывает азарт охотников за сокровищами. Мы воображаем себя Индианой Джонс и Марион, Леграндом и Юпитером, и даже немного капитаном Флинтом и его попугаем. Стремительно убывающее вино поддерживает в нас уверенность в успехе этой сомнительной миссии. – Будем действовать завтра вечером, – решает Мигель, опустошая свой бокал, – Майкл и Венди наверняка под каким-нибудь предлогом покинут виллу, чтобы предоставить предполагаемой воровке свободу действий. Предполагаемая воровка – это я. Бакалавр английской филологии. Дочь преподавателя ВУЗа и финансового аналитика. Майкл все правильно рассчитал. Он нарочно выбрал наивную интеллигентную девушку, которой никогда в жизни не придет в голову на самом деле вскрыть сейф. А если бы даже такая невообразимая идея забралась ненароком в ее черепную коробку, то дальше дело все равно не пошло бы. Потому как, чтобы вычленишь из всего того бреда, что нес Майкл, код от сейфа, нужно было бы быть по крайней мере Джоном Нэшем. Доктор Зло в следствии своей душевной черствости не учел лишь одной детали. Он не смог предвидеть вспышку страсти между мной и его зятем. А эта вспышка грозит поджечь весь его тщательно заготовленный стог. – А мое присутствие необходимо? – попугай неуверенно переступает с лапки на лапку на плече капитана Флинта. Мигель награждает меня таким выразительным взглядом, что от него моя щека начинает ныть как от пощечины. Я пристыженно опускаю голову. Мигель ввязывается в эту небезопасную авантюру ради меня, а я пытаюсь зарыть голову в песок и вытянуть ее оттуда только когда опасность пройдет стороной. Это уже страус получается, а не попугай. – Твое присутствие необходимо, потому что только ты можешь вычислить код, используя ту информацию, которой поделился с тобой Майкл. – Ты не думай, я не против, – оправдываюсь я, – Просто в случае чего мое присутствие на вилле будет сложнее объяснить, чем твое. Мигель пожимает плечами. – У нас нет выбора. Официантка приносит счет. Мигель протягивает ей кредитную карточку. Мы выходим из ресторана в теплую южную ночь. Он обнимает меня за талию, прижимает к себе. Мы идем к машине, сжавшись в одно целое и переставляя ноги в унисон. – Ты не устала? – осведомляется Мигель, когда мы забираемся в салон автомобиля. Я устала. День выдался нелегкий. Бывают в жизни такие насыщенные событиями дни, за которые, кажется, проживаешь сразу несколько лет. А другие пустые и монотонные можно без сожалений вырвать из жизненной рукописи и, смяв, бросить в мусорную корзину. Я устала,

но мне не хочется расставаться с Мигелем. Подсознательно я боюсь, что если отпущу его сейчас, он исчезнет, оставив меня наедине с вражеским войском. Потому я отрицательно мотаю головой. – Отлично. Тогда я отвезу тебя в одно экзотическое место. Через несколько минут мой спутник останавливает машину на площади Reina, где несколько дней назад парковал свое транспортное средство его брат-близнец. Мы спускаемся на calla Apuntadors, которая в этот поздний час заполнена почитателями ночной жизни. Некоторые испанцы в начале одиннадцатого только приступают к ужину, другие уже активно дегустируют сангрию и напитки покрепче. Отовсюду гремит музыка. Поймав на себе несколько плотоядных взглядов, я цепляюсь крепче за Мигеля и ускоряю шаг. Помнится, какая-то подружка хвасталась, что на нее в Италии глазели итальянцы, когда она дефелировала по улицам южного городка в юбке едва прикрывающей ягодицы. Ее, непользующуюся особым успехом у мужчин, подобное внимание порадовало, прибавив уверенности в себе. Лично у меня всякие присвистывания, причмокивания и замечания вроде «глянь, какая задница» умиления никогда не вызывали. Мигель распахивает передо мной тяжелую дубовую дверь без каких либо опознавательных знаков. Мы проходим во внутрь и мгновенно перемещаемся с обычной улицы в сказку. Передо мной простриается освещенное гигантскими свечами помещение старинного замка. У каменной колонны возвышается пестрая груда овощей и фруктов. Стены и покрытые белыми скатертями столики украшают огромные круглые букеты цветов. В воздухе переливается утонченная классическая музыка. Я выхожу вслед за Мигелем во двор, в центре которого журчит многоярусный фонтан. Вдоль овитых зеленью стен тянется череда столиков и плетеных кресел. Справа от входа парочка волнистых попугайчиков самозабвенно целуется в просторной клетке. Мигель выбирает столик у фонтана и, прежде чем сесть самому, предупредительно отодвигает для меня кресло. – Тебе нравится? – Сказочно, – признаюсь я, не переставая глазеть по сторонам. – Это одна из достопримечательностей Пальмы. В последнее время «Абако» стал чисто туристическим баром. Для местной публики здесь слишком пафосно и слишком дорого. Дорого это факт. Официант вручает мне меню, в котором напротив всех коктейлей указана одна неизменная цена – 15 евро. – Тут не написано что из чего изготовлено, – делаю наблюдение я. – Это тоже часть концепции. Закажешь – узнаешь. – А если мне не понравится? – Не понравится – не будешь пить. Выбросить пусть даже не свои 15 евро в мусорный ящик как-то жалко. Это ведь три страницы перевода. Или полтора рабочего дня секретаря. Я тщательно вглядываюсь в многообещающие названия, стараясь разгадать, что на самом деле за ними кроется. Наиболее безобидным кажется мне коктейль «First Kiss», который я после длительных размышлений и заказываю. Мигель многозначительно приподнимает свою темную бровь. Одна подружка поведала мне, как когда-то на первом свидании с молодым человеком она заказала напиток под названием «оргазм». Неправильно истолковав выбор девушки, кавалер сразу же потянул лапищу ей под юбку. Пришлось потом объяснять, что она ничего такого не думала. Я возвращаю Мигелю его игривый взгляд. Затуманенную винными парами голову посещает не шибко мудрая мысль – А ведь мы с Мигелем ни разу не целовались. В смысле с Мигелем в роли себя самого. Ослабленные алкоголем серый клетки собираются таки с силами и выбрасывают это глубокомысленное замечание пинком под зад. Я принимаю к золотистой жидкости, содержащейся в принесенном официантом трехугольном бокале. На что, интересно, похож по мнению бармена этого заведения первый поцелуй? На капли датского короля, в которые щедро плеснули водки. Бедняге, у которого первый в жизни поцелуй вызывает подобные ассоциации можно только посочувствовать. Я стараюсь скрыть от Мигеля впечатление от напитка, но оно помимо моей воли красноречиво читается в кислой гримасе, сковавшей мое лицо во время дегустации. – Невкусно? – догадывается мой прозорливый спутник. – Ну как тебе сказать..., – увиливаю от прямого ответа я. – Честно, – усмехается он. – Если честно, то это non-drinkable. Мигель улыбается, протягивая мне свой бокал. Его коктейль представляет собой капли датского короля в чистом

виде, и благодаря отсутствию примеси спирта, пьется немного легче. – А если мы не сможем открыть сейф? – возвращаюсь в реальность я. – Давай будем решать проблемы по мере их поступления, – предлагает разумный Мигель. – Ты рискуешь своим браком, – предупреждаю я, цедя отвратительное поило. – Этот брак давно исжил себя. Меня с Венди ничего не связывает. – Кроме денег. – Деньги это не главное в жизни. Мой язык так и чешется вплести в логическую цепочку этого диалога последовательное «А что для тебя главное?» Но внутреннее чутье мне подсказывает, что желанного ответа на этот вопрос я не получу. Я смотрю на Мигеля и все происходящее кажется мне выдумкой какого-то невидимого фантазера. Эти торжественные декорации, перспектива воплощения в жизнь нашего опасного замысла и запутанная история наших отношений – это все не может быть реальностью. Потому что реальность совсем не такая. Реальность это утренняя давка в маршрутке, это переводы скучных никому не нужных документов, это вечерние сереалы и однообразные свидания у лаймовских часов. – О чем ты задумалась? – Мигель касается моей руки. Его прикосновение как и раньше бьет электрическим зарядом. – Так, – пожимаю плечами я, аккуратно освобождаясь от его ладони. Мы сидим некоторое время молча, растворившись в переливах музыки. Постепенно мои веки под тяжестью пережитых за день эмоций и высокоградусного коктейля начинают слипаться. – Ты устала, – теперь уже не спрашивает, а констатирует Мигель, – Я отвезу тебя. В машине веки окончательно закрываются и я, свернувшись в клубочек на сидении, проваливаюсь в мир снов. Возвращает меня оттуда странное ощущение дискомфорта. Открыв глаза, я сталкиваюсь с пристальным взглядом Мигеля, который он тут же отводит. – Давно стоим? – интересуюсь я, сладко потягиваясь. – Только что приехали, – врет он. – Ну до завтра. – До завтра. Я тебе позвоню. – Угу. Я выжидаю секунд двадцать, прежде чем открыть дверцу и выйти. Но Мигель не делает попытки меня поцеловать. Подобное поплзновение было бы естественно присечено на корню. Но само по себе оно бы наверно меня порадовало. Ан-нет. Наш герой демонстрирует мне свой гордый безразличный профиль. С момента раскрытия его обмана Мигель ни разу не напомнил мне о существовавшей некогда физической стороне наших отношений. Он ведет себя как друг. Подлец! Я выбираюсь из машины, нарочито громко саданув дверью. БМВ растворяется в ночной мгле. Я поднимаюсь к себе в номер. Когда дверь, попробовав на зуб пластиковую карту, послушно распахивается, из ее сжатых до этого челюстей выпадает белый квадратик. Я подбираю его и, пройдя в номер разворачиваю. Сообщение содержит всего одну строчку «gun away and save your life5». Эта зловещая фраза метким ударом молоточка по черепушке завершает страдания мученицы. Я сползаю на пол и, облаотившись спиной о кровать, сжимаю веки. С балкона доносятся знакомые слова романтической композиции «Hello» Лионеля Ричи. Я комкаю в пальцах листок бумаги. Кто решил предупредить меня об опасности таким доморощенным образом? Подчерк корявый, какой-то детский. Может, чья-то глупая шутка? Если представить, что автор записки знает о намерениях Майкла и пытается мне помочь, то ему стоило бы подобрать другой текст. В случае, если я послушаюсь его совета и сбегу, моя ситуация только осложнится. Ведь мой так называемый побег это один из тех слонов, на которых держится коварный план гнилого британца. Тогда, может, написавший эти строки – враг, а не друг? Кто-то из окружения Майкла? Тем более не логично. Сам заговорщик даже не догадывается, что мне известны его замыслы, и ему совершенно невыгодно, чтобы я каким-либо образом о них догадалась. А если это кто-то другой, не имеющий отношения к этой истории? Я втискиваю голову в плечи настолько глубоко, насколько это возможно и закрываю ее руками. Я в домике. Вам меня не достать, черные силы зла. Коленки намокают от слез. Мне одиноко и страшно. Спустя какое-то время я нахожу в себе силы забраться на кровать, заворачиваюсь в одеяло и засыпаю, так и не смыв распознейся по щекам косметики. Утро трясет меня за плечо, лезет яркими лучами под одеяло, в общем как всегда беспредельничает. Я отгоняю его как могу, цепляясь руками и ногами за обрывки несущих спокойствие и безопасность снов.

Однако выиграть мне в этой неравной борьбе не суждено. Я морщусь, вспоминая события вчерашнего дня. Больше всего меня беспокоит эта пугающая записка. Надо будет показать ее Мигелю. Зеркало в ванной беспощадно тыкает в меня отвратительно опухшей физиономией в серых разводах. Вот и съездила отдохнуть на Мальорку. Струя ледяной воды немного бодрит, возвращая мозгам дееспособность. «А с чего ты вообще взяла, что Мигель тебе друг, товарищ и брат?» заявляют они, отряхнувшись. «Какую выгоду он имеет с того, что тебе поможет? Никакой. Наоборот он теряет источник благодатной жизни, из которого пьет уже не один год». «А как же чувства?» блеет блондинистая часть меня. «Где ты видела чувства? Он врал тебе всю эту неделю, играл тобой как хотел. А теперь вдруг в одночасье рассказывается, повинился, исправился, и решил пожертвовать комфортным бытом ради любви? Испил водицы из копытца и превратился из козла обратно в человека?» Блондинка чешет светлую макушку. Даже ей такой вариант не кажется логичным. «А зачем он тогда рассказал мне про замысел Майкла?» выуживает таки несостыковку она. «Чтобы удобнее было тобой манипулировать. Ты вечером пойдешь сама по своей воле на виллу Майкла, чтобы украсть у него этого бесценного Фаберже. Если раньше у этой шайки не было достаточно доказательств, то теперь ты сама вложишь им в руки недостающие козыри». Я тру лицо полотенцем до красноты. Неужели Мигель способен на такую подлость? В глубине души царапается маленькое но явное «да». Моя наивная женская натура отталкивает его, не желая видеть очевидное. Завтрак как всегда не блещет разнообразием. Я глушу кофеом свербящую головную боль, вызванную смесью белого вина, термоядерного котейля «First Kiss» и стресса. Лопухий Раскольников за соседним столиком смотрит на меня как-то особенно выразительно. Ну, вот чего он вылупился? Красавицей меня в это печальное утро не назвать ни с какой натяжкой. Значит, не из эстетических соображений глазеет. Я с усилием запихиваю в рот кусок несвежей булки. Если бы я была Агатой Кристи, Артуром Конан Дойлем или Мэри Хиггинс Кларк, то за этой веснушчатой маской обязательно я бы обязательно пририсовала убийцу. Этакий посторонний персонаж, безобидное с виду существо, которое на протяжении всего повествования топчется под ногами у главных героев. У мастеров детектива он бы топтался с определенной целью. А вот с какой стати этот тип мусолит глаза мне? Впрочем, какая разница. Мне и без него проблем хватает выше крыши. Если списать таки Мигеля во враги, то что мне остается? Просидеть в отеле весь день и всю ночь, а на утро столкнуться на выходе с полицейским отрядом? Придумать себе железное алиби на эту ночь? А кто докажет, что кража не произошла в прошлую? А день я в таком случае потратила на то, чтобы хорошенько припрятать похищенную ценность. Я скрежещу зубами от бессилия. Моя единственная палочка-выручалочка – это Мигель. Но она гниловата, и неизвестно, выдержит ли. Запив малосъедобное кондитерское изделие очередной порцией кофе, я считаю завтрак завершенным. Спускаюсь к бассейну, вокруг которого дальневидные ценители солнечных ванн уже разложили на шезлонгах разномастные полотенца, пометив таким образом свою территорию. Над островом простирает свои коварные жаркие шупальца солнце. Я бреду на ближайший песчаный пляж, чувствуя себя быком Бонифацио, в чьей холке уже пестреет флажок и чье имя уже указано в списке участников. Мне предстоит честная схватка с одним опытным матадором и двумя вооруженными торреро. А кровожадные старушки на заднем ряду уже поделили мои уши. – Наташа! – раздается за моей спиной. Меня родители этим именем не наградили, потому я не считаю своим долгом оборачиваться на оклик. Однако, как выясняется, обращен он именно ко мне. Меня нагоняет лопухий убийца. Тьфу, убийца-то он в позаимствованных у классиков сценариях, а в реальности обычный среднестатистический парень. Во всяком случае, я так надеюсь. – Наташа, ты меня узнала? – вопрошает сей экземпляр сбивающимся от волнения голосом. На сей раз мне приходится обернуться. – Вы меня с кем-то перепутали, – бубню я без энтузиазма, – Я не Наташа, и вас не узнаю. – Не Наташа Капустина? – разочарованно ахает веснушчатый. – Даже не Картошкина. Его и без того несимпатичная физиономия превращается в шедевр

позднего Пикассо. – Как же это.., – обиженно тянет он. – Вот так, – ставлю точку в этом бессмысленном диалоге я, собираясь продолжить свой путь. – Подождите, а.., – цепляется за меня бедняга, – Вы не в Перми учились? Не в Кучино? – Я что похожа на человека, который учился в Кучино? – начинаю злиться я. – Если честно, то очень, – заикается пермяк, – На мою одноклассницу Наташу Капустину. Вы точно не она? Бред какой-то. Я ускоряю шаг. – Подождите. Я.. я думал, вы – это она. Я как увидел.. и цветы.. я думал... Из всего этого невнятного бормотания я выуживаю слово «цветы». – Это ты мне огрызки цветов на ручку двери вешал?! – осеняет меня догадка. – Я. Я думал.. – Подожди-ка, – прошу теперь уже я, резко останавливаясь и упираясь взглядом в выпускника кученской школы, – А записка? Он повинно склоняет голову. – Это песня, – выдает оригинал после паузы, – Строчка из песни. Это Real McCoу «Run Away». Мы с тобой под нее первый раз поцеловались. В смысле с Наташей. Капустиной. Из Кучино. Я думал ты, то есть она, меня не вспомнила. Я хотел объяснить.. – А что нельзя было подойти и спросить прямым текстом? – гневствую я, вспоминая свои ночные страхи. – Ну.. мы с Наташей давно не виделись. Я думал, ты специально меня не узнаешь. – А ты не думал, как на такое послание отреагирует человек, который не целовался с тобой в твоём Кучино под МакКоя? – Я.. А ведь правда. Вы испугались наверно. Но строчка-то на английском, сразу ясно, что песня. Угу, ясно. Тому, кто на этом языке только песни слушает, возможно. А бедной жертвенной корове, которая уже даже думает на нем, совсем даже не ясно. Господи, подумать только, что эта затянувшаяся загадка разгадалась таким вот банальным образом. А я рисовала себе таинственного поклонника. Вот он, этот рыцарь – лопухий юнец из Кучино. Рассказать кому, не поверят. – Извините меня. Пойду я. Меня девушка ждет. – Скатертью дорога. Я спускаюсь на пляж, где кроме немецкой семьи, состоящей из трех жирненьких как баварские сосиски карапузов и таких же родителей, никого не наблюдается, и расстилаю на песке полотенце. Детишки орут на своем грубом харкающем языке и посылают друг другу пригоршни воды. Похоже, репетируют войнушку. Я переворачиваюсь на живот и рисую на песке замысловатые узоры. Чем они выходят замысловатее, тем более явно в них просматривается заглавная М. Я злюсь на себя и стираю рисунок ладонью. Романтичная дура. Надо искать выход из ситуации, а не воображать себе всякие глупости. Я начинаю искать выход. Этот процесс затягивается до обеда, но плодов, надо сказать, не приносит. Во всяком случае съедобных. А желудок требует именно их, потому я сворачиваю свое полотенце и отправляюсь обедать в отель. Когда я допиваю на террасе пятую за этот день чашку кофе, мой мобильный заводится вибрацией. Голос Мигеля в трубке одновременно волнует и успокаивает. Он спрашивает, как я спала, задает еще какие-то маловажные вопросы и в конце приглашает меня на ужин сегодня вечером. О планируемом ограблении ни слова. Возможно, он не один. Или передумал. Или вчерашний разговор мне вообще приснился. Или, может быть, Майкл строит козни против Наташи Капустиной, а не против меня. Я выпускаю из легких лишний воздух и требую еще одну порцию бодрящего напитка. Мигель как всегда пунктуален. И как всегда красив. К сожалению. Я бы предпочла, чтобы все проявившие себя с негативной стороны мужчины, моментально старели, лысели, покрывались морщинами и бородавками. Тогда бы их внешность в точности соответствовала внутреннему миру. А то развелось тут Дорианов Греев. – Отлично выглядишь, – безразлично бросает Дориан, когда я опускаюсь на соседнее сиденье. – Угу. Ты тоже, – возвращаю я ему его сомнительный комплимент, сдобренный щедрой щипоткой презрения. – Ты не в настроении? – улавливает последний ингредиент дегустатор. – А откуда взяться настроению в подобной ситуации? – ворчу я, скрещивая руки на груди. – Ну, на меня-то негатив выплескивать не стоит. Я на твоей стороне. Ну, это еще бабушка надвое сказала. Поди разбери, на чьей ты стороне, материалист-перевертыш. – Ты уверен? – Послушай, Светлана, ты что не с той ноги сегодня встала? Что с тобой опять такое происходит? Иногда у меня создается впечатление, что в тебе уживаются два разных человека, – ни с того ни с сего пускается в атаку благородный воин. – Два

человека живут в тебе, а не во мне. Второго Рикардо зовут, – пика противника ударяется о мой щит и отлетает в сторону. – Ты все не можешь простить мне этот розыгрыш? – Ах, теперь это так называется?! Все успел на скрытую камеру зафиксировать? Секс в номере не упустил? – накопившиеся за утро вопросы и сомнения видоизменяются в поток обвинений, который хлещет в Мигеля. – Послушай, я не вижу смысла ссориться, – говорит противник спокойно и холодно, – Если ты в моей помощи не нуждаешься, я навязываться не стану. «Вот и отлично!» рвется из моего горла победный крик, с которым я по сценарию должна выскочить из машины на полном ходу. Однако, разум проявляет должную инициативу, затолкав этот нецелесообразный возглас обратно в глотку. – Я с тобой не ссорюсь, – иду на попятную я. Остаток пути до Пальмы мы проводим молча. «Он меня не любит» стенает эмоциональное «Я». «Он предаст меня» грустит разумное. Холодность Мигеля подтверждает мои мрачные предположения. Он просто не дает себе труда разыгрывать любовь с будущей воровкой. Господи, что же мне делать? Иуда оставляет машину на привычном месте не далеко от знаменитого собора. Мы поднимаемся куда-то вверх по каменистой улице. Неожиданно для меня Мигель протягивает руку и обнимает меня за талию. Я вздрагиваю и кидаю на него вопросительный взгляд. – Прости. Я понимаю, тебе нелегко, – шепчет мне в волосы он. «Он меня любит!» оживает сентименталистка. «Решил смягчить таки пилюлю, гуманист» решает рационалистка. – Я справлюсь, – освобождаюсь из столь желанного плена я. Ресторан «S'Olivera» располагается на узенькой улочке, берущей начало на площади Santa Eulalia. Это небольшое уютное заведение с деревянной мебелью и аляповатым декором, объединившим в себе настенные портреты каких-то деятелей, глиняную посуду, флаги и аккуратно сложенные ряды винных бутылок. Мы устраиваемся за столик, примыкающий вплотную к распахнутому настеж окну. Половину меня занимают разнообразные паэлья. Я решаю не скромничать, и выбираю верхнюю в ценовом списке паэлью с лобстером. Так как блюдо рассчитано на двоих, Мигелю выбора не остается. Он передает заказ лысому официанту в красном переднике, облик которого в точности соответствует моему представлению о палаче. Первым на нашем столике, как и полагается, появляется кувшин сангрии. Мигель разливает напиток по бокалам. – Венди собирается сегодня вечером на тусовку. Она уже во всеуслышание заявила, что дома ночевать не будет. Майкл уехал по делам, – переходит к делу мой сообщник, отпивая вина. Я молчу, ожидая продолжения. – Если ты не передумала, приходи на виллу часам к одиннадцати. Я скину тебе звонок на мобильный, когда Венди уедет. – Если не передумала.., – тяну я, перебирая в пальцах бокал, – А у меня разве есть выбор? – Нет, выбора у тебя нет. Мигель замечает прорезавшуюся морщинку на моем лбу. – Светлана, что конкретно тебя беспокоит? Ты сегодня совсем другая. – Меня беспокоит то.., – я выдерживаю короткую паузу и заканчиваю фразу голосом Фрейндлих, – что я тебе не верю. Анатолий Ефимович Новосельцев почесывает затылок и пожимает плечами. – Я не знаю, что сказать, – признается он наконец, – Не вижу смысла доказывать тебе свои благие намерения. Тем более, что доказательств не так и много. Могу сказать только, что если бы я был на стороне Майкла, я бы ни за что не сообщил тебе о его планах. Нам было бы выгоднее, чтобы ты прибывала в неведении. – Может, вам не хватило бы доказательств при таком раскладе, – честно выдаю заготовленные аргументы я, – А так я сама приду на виллу... – Придешь, ну, и что с того? Даже если тебя увидит кто-то из прислуги, что это изменит? Каждый из них за небольшую премию сказал бы в суде что угодно. Твои отпечатки на сейфе и внутри его уже имеются. Тем более, что открывать его в любом случае буду я. Майклу и Венди невыгодно заставить тебя на месте преступления, потому что тогда они автоматически возвращают свое яйцо, и никакая страховка им не светит. От твоего присутствия на вилле ситуация нисколько не меняется. Во всяком случае в хужшую сторону. В рассуждениях Мигеля просматривается определенное рациональное зерно. Я задумчиво вожу вилкой по салфетке. – Я хочу помочь тебе, чтобы хоть немного искупить свою вину за тот обман, – торжественно заканчивает

перевоплотившийся в положительного отрицательный герой. – А что если Майкл уже достал яйцо из сейфа и перепрятал его? – задаю я вопрос по существу, смирившись с фактом предстоящего проникновения на виллу. – При мне он к сейфу не подходил. А я провел пол дня в гостиной. Мигель замолкает, выжидая, пока официант распределит принесенную паэлью по тарелкам, и, когда тот, наконец, удаляется, пожелав нам приятного аппетита, продолжает: – Майкл не может предвидеть, что кто-то собирается в самом деле покуситься на его сокровище. Я пытаюсь сконцентрировать внимание на паэлье, которая его и правда достойна. На мой взгляд, она по праву носит название «королевская». Думаю, таким блюдом не побрезговал бы даже сам Хуан Карлос. – Слушай, а откуда у тебя столько свободного времени? Ты же работаешь вроде, – никак не могу окончательно прекратить поиск подвохов я. – Я в отпуске, – устало вздыхает Мигель, – Светлана, я знаю, что заслужил твое недоверие, но давай все-таки попробуем сегодня как-то объединиться и на время откинуть обиды. – Давай попробуем. Мы пробуем. Когда молчание наскучивает, мы возвращаемся к обсуждению плана действий. Схема вырисовывается следующим образом. Я жду звонка Мигеля и, получив от него сигнал, отправляюсь на виллу. Там мы совместными усилиями пытаемся разгадать код и открыть сейф. Если нам это удастся, Мигель прячет яйцо у себя в комнате и утром, когда мой паром отчаливает, возвращает его на должное место. Если нет... На этот случай мы будем действовать по плану Б, который разработаем на месте. Официант-палач ставит перед нами по чашке кофе. Поздновато, конечно, для этого энергетического напитка, но я полагаю, что в эту ночь мне заснуть в любом случае не удастся. Мигель оплачивает счет, и мы выходим на улицу. Мимо катится коляска с лошадьми, в которой обнимается какая-то беззаботная пара туристов. *Romantische Reise*. Мое горло сжимает костлявая лапа зависти. Почему эти незнакомые счастливицы целуются себе в свое удовольствие, наслаждаясь заслуженным отпуском, а я в эту теплую, дышащую романтикой ночь отправляюсь воровать чужие яйца? Вечно у меня все не как у людей! А почему? Потому что я не проищачила подобно этим людям долгие годы в какой-нибудь конторке, зарабатывая честным трудом экзотические каникулы. Я позарилась на дармовой сыр в мышеловке, дверца которой, как и полагается, захлопнулась, прищемив мне хвост. По пути к машине Мигель не делает ни малейшей попытки к сближению. Он шагает рядом, и от него веет холодом как из открытого морозильника. Я отдаляюсь, чтобы не замерзнуть. Прыткое БМВ за четверть часа преодолевает расстояние между Пальмой и Магалуфом. – Я скину тебе гудок, – обещает Мигель, глядя в сторону. Где-то в недрах моего организма зарождается и стремительно растет холодный тяжелый клубок страха. Я вонзаю ногти в ладонь, пытаюсь изгнать это нежеланное явление. Не дождавшись ответа, Мигель удостоивает меня взглядом. – Эй, все в порядке? Ничего не в порядке. Мне страшно. Страшнее, чем в очереди к зубному. Страшнее, чем на первом свидании. Страшнее, чем на вступительном экзамене в университет. – Все в порядке, – неуверенно бормочу я, вжимаясь в сидение. – Что-то непохоже. Он подается вперед и привлекает меня к себе. Я обхватываю его руками как обезьянка и утыкаюсь носом в рубашку. Напор паники постепенно слабеет. Мне хочется, чтобы Мигель не расжимал объятий. В них спокойно, уютно, безопасно. Пока он вот так вот обнимает меня, в моей душе крепнет наивная вера в его честность и благородство. А как только он отстранится, меня опять возвратит на землю холодный трезвый порыв ветра. – Ничего не бойся, – шелестит у моего уха его зомбирующий голос. В какой-то момент мне кажется, что его прикосновения перестают быть дружески успокаивающими, и преобретают некоторую сексуальность. Алкоголь, кофе и адреналин, смешавшиеся в моих венах, будоражат, побуждая отозваться на этот порыв. Вскоре наши губы находят друг друга в полутемном салоне автомобиля, и я могу констатировать, что целуется Мигель ни сколько не хуже своего брата-близнеца. А, может, даже и лучше. Досканально изучить этот вопрос мне не удастся, потому как Мигель преждевременно отодвигается, прервав поцелуй. – Я позвоню, – повторяет он, давая мне понять, что аудиенция окончена. Я выхожу из машины

и плетусь в отель. У меня есть еще время, чтобы передумать. Чтобы забраться в постель, накрыться одеялом с головой и никуда не пойти. Пусть вместо меня идет Наташа Капустина. Они с Рикардо составят отличный дуэт. Вместо номера я направляюсь в бар, где пополняю выпитую ранее сомнительную мешанину бокалом виски. Алкоголь на этот раз не оказывает своего обычного успокаивающего действия. Поджилки продолжают упрямо трястись, а сердце беснуется, отбивая о ребра чечетку. Я вижу, как озаряется экран моего телефона еще раньше, чем аппарат заходится своим привычным вибрирующим жужжанием. Он выводит первую трель и сразу замолкает. Час пробил. Пора надевать перчатки, натягивать на голову плотные колготки и отправляться на дело. По ходу, ни того, ни другого в моем чемодане не имеется. Собираясь на юг, я не подумала захватить с собой эти зимние аксессуары. Майкл мог бы меня, конечно, предупредить о готовящемся мероприятии, я бы предусмотрела спецодежку и комплект отмычек «в помощь юному взломщику». В компании этих продуктивных мыслей я покидаю бар и беру курс на виллу. Каждый шаг приближает меня к опасной черте, к тому месту, которое англичане величают the point of no return. Я чувствую себя Клайдом Гриффитсом, который уже сел в лодку с Робертой. Помнится в свое время меня сильно взбудоражил этот роман. Невесть по какой причине мне было жаль именно малодушного убийцу Клайда, а не его невинную жертву, и я продумывала в уме миллионы вариантов его спасения. «Не делай так, лучше вот так» мысленно твердила я непонятливому персонажу. Но он каждый раз поступал по-своему и честно зарабатывал себе свой электрический стул. И куда делась эта моя находчивость, стоило книжной аванюре ступить тяжелым грязным ботинком со страницы в мою жизнь? Почему природная смекалка заперлась в комнате и, вывесив табличку «don't disturb», упорно отказывается оказать поддержку? Вот уже знакомый забор показался из-за поворота. Господи, знать бы, что я сейчас собираюсь сделать, спасти себя или потопить... Ворота приоткрыты. Мерседес Майкла отсутствует, как и Порш Венди. Мигель встречает меня в дверях. – Все в порядке. Проходи, располагайся. Он не выглядит взволнованным, и я пытаюсь заставить свое сердце снизить темп. В конце концов, ничего особенного не происходит. Мы просто одолжим у Майкла на время его яйцо. У меня ведь нет другого выхода. Ведь нет? – Выпьешь что-нибудь? – проявляет гостеприимство зять хозяина дома, – Сальма приготовила свежую сангрию. – Отлично. Я сжимаю в холодных пальцах узкий бокал, на дне которого виднеются затонувшие куски фруктов. Только сейчас я замечаю, что картина уже отодвинута и дверца, скрывающая за собой кнопки для набора кода приоткрыта. – Дипак Чопра подошел, – отвечает на мой вопросительный взгляд Мигель, – Что дальше? Нужно еще две комбинации. Я старательно копаюсь в сундучке памяти. – Лук со стрелами? Начинаящий грабитель, аккуратно обернув палец тряпочкой для протирания очков, набирает буквы. – Не выходит, – бросает он через плечо, – Я, кстате, протер дверцу и кнопки. Твоих отпечатков остаться не должно. – Попробуй «африканский барабан», – предлагаю я. – Сработало! – радуется Мигель как мальчишка, соорудивший из подручных средств свою первую Мазератти, – Последнее словосочетание или фраза. – Волк и индеец. Мои конечности постепенно отогреваются и перестают вибрировать. Страх сменяется азартом. – Не работает. – Попробой «два волка и индеец». Или «два идейца и волк». Или «волки съели индейца». – Светлана, я серьезно. Ты уверена, что там именно волки и индейцы должны быть? – Майкл сказал мне, что откроет фирму с таким названием. Чем эта фирма будет заниматься, он не знал. – Попробуй поточнее вспомнить название. Память ерепенится, выдавая мне вместо нужной информации постельные сцены с Мигелем. Поднатужившись, вытягиваю из нее меню на каталанском, «пульпо» и кружку пива, которые в свою очередь цепляются ассоциативной веточкой за этих самых волков и индейца. – Индеец и два волка! – заключаю я. Мигель набирает слова. – Не получается! – злится он, когда сейф отзывается на его попытку недовольным писком. – А если наоборот? Волков в начало? Но сейф отказывается принимать эту троицу в любом порядке. Он продолжает упрямо пищать, мигать красным

глазом и крепко сжимать свои железные челюсти. – Может, тут что-то другое, – размышляю я, расстроенная неудачей. – Подумай хорошенько, что еще он тебе говорил? Теперь я вижу, что Мигель вовсе не так спокоен, как мне показалось в начале. Он заметно нервничает, шагает из угла в угол, сжимает пальцы в кулаки. Его беспокоит, что в случае провала нашей задумки мне грозит опасность? Или же его красивую голову терзают какие-то более эгоистичные мысли? – Табуретки не в счет.. Войны по вине евреев.. Я не знаю, – бессильно развожу руками я, – Больше ничего такого я не помню. – Черт! Неужели он не сообщил тебе последнего элемента?! – Это, если подумать, было бы вполне логично, – с грустью замечая я, опуская на стол опустевший бокал, – Он перестраховался на тот невероятный случай, если бы я и правда решила ограбить его. – *Mierda!* Этого не может быть! – Мигель ударяет кулаком по стене, от чего абстрактный пейзаж кисти какого-то неизвестного дарования испуганно подпрыгивает. – А чего ты так беспокоишься? Не тебе же сидеть, – с карлсоновским спокойствием вопрошаю я. – А ту возможность, что твоя судьба мне может быть безразлична ты исключаешь? – кипятится романтический герой, – Я тебя вообще не понимаю. Сидишь тут с таким безразличным видом, как будто тебя все это вообще не касается! Эх, лучше бы и правда не касалось. Было бы это интерактивной компьютерной игрой, где в случае проигрыша на экране появлялось бы безобидное «game over» и программа предлагала бы мне «try again». Чего хочет от меня этот синеглазый испанец? Чтобы я билась лбом о дверцу сейфа, пока та не соизволит открыться? Так, стоп, одна извилина за что-то ухватила. Билась лбом. Лбом. Лоб. Лобос! – Набери ту же фразу на испанском, – команду я, вставая за штурвал. – Какую ту же? – Индеец и два волка. Майкл собирался назвать фирму по-испански. Я запомнила «лобос», потому что слово похоже на латинское *lupus*. *Homo homini lupus est*. Человек человеку волк. – Мне это набирать? На латыни? – сомневается мой несообразительный напарник. – Да не, индейца набирай. С волками. Индиос и двас лобос. – *Un indio y dos lobos*, – поправляет носитель языка, нажимая на кнопки. Сейф на секунду замирает, переваривая информацию. Похоже, гордый испанский лобос приходится ему больше по вкусу, чем приземленный английский вульф. Он одобрительно подмигивает зеленым глазом и распахивает пасть. Я поднимаюсь с дивана и приближаюсь к Мигелю, который весь люминисцирует от радости. Дорогая пасхальная игрушка красуется на своем почетном месте. – У нас получилось! – восторженно выдыхает он. – Угу, – менее эмоционально констатирую я, – Майкл оказался все-таки менее предусмотрительным, чем я думала. – На наше счастье. Мигель аккуратно заворачивает яйцо в тряпку. – Смотри не разбей, – ухмыляюсь я, наблюдая за тем, с каким трепетом он вытаскивает сокровище из сейфа. Мигель собирается уже захлопнуть дверцу, но я останавливаю его. – Дай-ка я еще раз хорошенько все оботру. Он смеряет меня взглядом-упреком «ты мне не доверяешь», но спорить не берется. Я тщательно протираю металлическую поверхность и кнопки мягким лоскутком. – Ну, вот, я свою миссию выполнила. Теперь дело за тобой. Я всматриваюсь в темно-синюю глубину его глаз, стараясь разглядеть за цветной радужной оболочкой нечеткое отражение его мыслей. – Я сделаю все так, как мы договорились, – обещает обладатель этих необыкновенных глаз, едва касаясь губами моего виска, – Возвращайся в отель и ни о чем не беспокойся. Этой фразе, позаимствованная у какого-то мускулистого героя банального триллера, явно не хватает аутентичности. Мою душу точит маленький, но прожорливый червячок сомнения. Заключительная часть нашего плана не видется мне при ближайшем рассмотрении такой убедительной и такой надежной, какой казалась раньше. Я переминаюсь с ноги на ногу, не решаясь покинуть виллу, полностью доверив свою судьбу Мигелю. – Помнишь, я сказал тебе однажды.. Точнее не я, а Рикардо.., – начинает, заметив мою неуверенность, хитрец, – Тогда у тебя в номере... Я отлично помню, что он мне сказал. Разве можно забыть то робкое, неуместное признание в любви, которое я впоследствии мысленно перечеркнула для себя жирной черной линией как случайную оговорку. Перечеркнуть, перечеркнула, но зажигалкой не чиркнула. Сохранила на память.

Мало ли. Вот это «мало ли» и настало. – Светлана, я сказал тебе тогда правду. Поверь мне, я никогда не сделаю тебе ничего плохого. Я ради тебя.., – он замолкает. В сценарии автор наверно описал этот момент как «замолкает, не совладав с чувствами». Удобный прием, чтобы избежать избитого «в огонь и в воду» или «умереть готов». «Я за тебя умру» вспоминается мне радостный голос Филиппа Киркорова, «посмотри в глаза мне, я не вру». Не знаю, можно было ли усмотреть в глазах Киркорова что-нибудь кроме килограмма теней и туши. Глаза же нашего персонажа полны трогательной грусти, которую при большом желании можно принять за настоящую. Желание такое у меня имеется в комплекте с ведром неистребимой наивности. И потому я послушно тяну свои губы навстречу готовому ради меня на что-то мужчине. Он целует меня как всегда виртуозно, но с поспешностью героя, которому до конца рабочего дня надо успеть еще в очередной раз спасти вселенную. – Я постараюсь приехать в порт попрощаться, – добавляет он, когда я переступаю, наконец порог дома. – Угу. Я буду ждать, – бормочу я, с трудом переставляя неожиданно потяжелевшие ступни. Ворота задвигаются за моей спиной. Я окидываю виллу прощальным взглядом. Мигель намекнул мне, что «кажется люблю» все еще в силе. И я ему поверила. Ни один из выдвинутых им ранее веских аргументов не оказал на меня такого действия как эта короткое и неправдоподобное заявление. Оно одно, водруженное на весы, перевесило все сомнения и страхи. Я жаждала услышать эти слова с того самого разговора в кафе, когда Мигель признался мне в своем обмане. Мне подосознательно так сильно этого хотелось, что когда, наконец, волшебная строчка прозвучала, зародившаяся в то судьбоносное утро льдина недоверия рассыпалась на миллионы мелких осколков. Нам, женщинам, порой гораздо легче поверить в желаемое, чем в очевидное. Оказавшись в номере, я собираю чемодан. На сей раз без удовольствия. Кидаю в кучу платья и майки, не заботясь о том, помнутся они или нет. На то, чтобы сложить баночки с кремами сил уже не хватает. Я ставлю будильник на шесть утра и отрубаясь, едва моя голова касается подушки. Как же противно просыпаться от противного дребезжания, которое бестактно проникает в уши, раздражая слуховые рецепторы. Я протираю глаза и вспоминаю, что зверский способ пробуждения отнюдь не самый неприятный момент из тех, что могут меня сегодня поджидать. До отплытия парома два часа. За это время и выяснится, пан или пропал. Казнить или миловать. Родительский дом или мальоркская тюрьма. Голова встречает эти мрачные мысли тупой болью. Я звоню в приемную и заказываю такси. На сборы времени практически не остается. Придется шагать на Галгофу без косметики. Возможно, полицейские проникнутся ко мне страшенькой большей жалостью, чем ко мне красивой? Вряд ли, конечно. Скорее наоборот. Вообще откуда прет этот поганый пессимизм? Мигель обещал мне вернуть яйцо в сейф, и должен свое обещание выполнить. Все будет хорошо. Нечего рисовать себе готичные акварели. Я одеваюсь и выхожу из номера, катя за собой чемодан. Такси уже ждет у входа. Портье желает мне счастливого пути. Шофер закидывает чемодан в багажник. Остров как всегда купается в лучах солнца. Оно за неделю не схлтурило ни разу, не отлучилось со своего поста ни на минуту, и своей прилежностью порядком утомило меня. Мне бы хотелось дождя, а лучше даже грозы. Мощной, грохочущей, устрашающей. Тогда природная истерика с точностью передала бы ту невидимую стихию, что бушует сейчас в моей душе. А если Мигель все-таки обманет? Если он предпочтет таки стабильное материальное благополучие эфемерным чувствам? А что если... Свежая мысль стрелой пронзает мое сердце, оставив в середине кровоточащую рану. Мои сомнения в честных намерениях Мигеля базировались на его возможной принадлежности к вражескому клану. Я не исключала варианта, что он является британским зашланцем, внедрившимся в мой лагерь с целью получения дополнительных улик. Но ведь имелся еще один вариант, гораздо более правдоподобный, который я почему-то упустила из виду. Что если Мигель действовал не во благо жены и тестя, а из чисто эгоистических соображений? Он правда стал случайным свидетелем диалога между Венди и Майклом, в котором они обсуждали свои коварные планы

в отношении меня. И тут ему пришло в голову, что раз кража уже так мастерски спланирована и виновный обозначен, то почему бы на самом деле ее не совершить. Таким образом он одним махом избавился бы, наконец, от зятя-ворчуна и жены-алкоголички, и преобрел бы свободу и деньги. Только вот кода Мигель не знал, хотя и пытался подглядеть, как Венди открывает сейф. Тогда он предположил, что его могла запомнить я, ведь мне семейное сокровище явно демонстрировалось. И он явился ко мне с благородным предложением помощи. Если вспомнить, то каждый раз, когда я начинала сомневаться, он пытался напомнить мне о якобы связывающих нас чувствах. То преобнимет, то поцелует, то намекнет, что любит. А я развесила уши и рада стараться. «Буду ждать». Ага, будешь, передачи в тюрьму. Господи, неужели это правда? Я сжимаю во влажных пальцах кожаную ручку сумки. Почему эта складная и логичная схема выстроилась в моей голове сегодня, а не вчера или позавчера? Почему за смазливой физиономией Мигеля я не сумела во время разглядеть его крошечную подлую душенку? Ответ на эти вопросы кажется настолько очевидным, что озвучивать его, в очередной раз подчеркивая свою природную бестолковость и несообразительность, не имеет никакого смысла. Вместо бессмысленного самобичевания, стоит лучше направить мозговые усилия на поиск выхода из сложившейся ситуации. Такси съезжает с автостреды на дорогу, ведущую в порт. Последняя возможность к отступлению. Сменить курс, попросить водителя высадить меня в другом месте. Спрятаться в каком-нибудь дешевом отеле. Ага, и долго я протяну в подполье? Без знаний языка, с двухстами латов на счету. Воображение услужливо рисует мне наглядную картину. Я в капюшоне на голове, чтобы не быть узнанной, сдаю свою одежду в секонд-хенд, ночую с бомжами, собираюсь у памятников, ворую фрукты на рынке. Константин наблюдает за мной в бинокль и покатывается от смеха. «А от меня нос воротила! Медведя не взяла!» хрипит он, закашлявшись от хохота. Выходит, что побег – не выход. Что тогда остается? Не остается ничего. Шофер тормозит у входа в здание регистрации пассажиров. Я протягиваю ему купюры. Он помогает мне вытащить чемодан из багажника и желает счастливого пути. Я опасливо оглядываюсь по сторонам, ожидая, что на меня со всех сторон бросятся вооруженные полицейские в масках. Пока вроде не бросаются. Солнце светит, пальмы перебирают на ветру своими зелеными лапами, морская вода блестит серебром. Наверно засада ждет меня внутри. Как только я протяну девушке в окошке свой паспорт, она испарится, а на ее месте возникнет усатый комиссар полиции. Ну, и пусть возникает. Я расскажу, как все было с самого начала. Кроме беспролазной глупости меня не в чем обвинить. В зале регистрации длинная очередь. Опухшие от недосыпа, но загоревшие и довольные туристы возвращаются на родину. В большинстве своем это испанцы, хотя слышна и англо-немецкая речь. Я занимаю место в конце очереди. Как же медленно она тянется! Мое сердце скачет голопым, грозя пробить грудную клетку и выстрелить в неизвестном направлении. По щекам и шее от волнения расползлись красные пятна. Одного взгляда на меня достаточно, чтобы убедить даже самого хренового психолога в моей виновности. Еще один шаг. Еще. Заветное окошко все ближе. Мне почему-то кажется, что если мне удастся подняться на борт, то там меня уже никакие вражеские силы не достанут. Сонная испанка в красном шейном платке принимает из моих рук паспорт и билет. Я жду, затаив дыхание, что увидев мою фамилию, она поменяется в лице и выскочит из своей кабинки с воплями «держи вора!» Однако, ничего подобного не происходит. Работница порта возвращает мне паспорт вместе с двумя посадочными талонами. Следуя ее указаниям, я сдаю багаж коренастому мужичку, который укладывает его в автобус. До отплытия остается двадцать минут. Я верчу головой в поисках людей в форме, но таковых поблизости не обнаруживается. Возможно, Майкл еще не обнаружил пропажу. Хотя странно, он ведь прекрасно знает, во сколько отплывает мой паром. Было бы удобнее, если бы меня задержали сразу на Мальорке. Впрочем, по логике это можно сделать и в Барселоне. Достаточно послать приказ местной полиции задержать светловолосую гражданку с яйцом Фаберже в сумочке. Если уж они так или иначе

меня поймают, то пусть уж лучше это произойдет быстрее. Нервов жалко, честное слово. Они хоть по последним исследованиям ученых и возражают, но этот процесс, говорят, затягивается на столетия. А следовательно, мне на своем недолгом веку вряд ли удастся попользоваться возродившимся поколением. Пятнадцать минут до отплытия. Пассажиры группируются у закрытых дверей, чтобы побыстрее оказаться на корабле и отхватить себе место получше. Я втискиваюсь в толпу и затихаю, уткнувшись взглядом в проход, откуда в любой момент могут появиться блюстители закона. А что если Мигель все-таки сдержал слово и вернул яйцо на место? Что если меня никто не ищет? Может, я слишком опрометчиво пририсовала ему рога и копыта? Нет, все-таки не слишком. Воображаемые полицейские в конце концов материализуются и уверенным шагом направляются в мою сторону. Я зажмуриваюсь, не в силах совладать с прущим через край страхом. Интересно, какую одежду носят в сдешних тюрьмах? Можно ли будет попросить одноместную камеру? Для невиновных все-таки должны быть какие-то бонусы. – Is there Mr. Goof among you? We're looking for Mr. Goof. There's a small problem with his luggage. I repeat – Mr. Goof! От испугу я не разбираю слов. Я просто выхожу из толпы и повинно опускаю голову. Но мою попытку добровольно сдаться пресекает какой-то жирный господин в мятом пиджаке. Он бесцеренно отталкивает меня локтем и протискивается вперед. – Моя фамилия не Гуф, а Гаф! Читать сначала научитесь! – громогласно возмущает он, раздувая щеки. – Извините, следуйте за нами, пожалуйста, – вежливо просит один из полицейских. Я провожаю тройку глазами, отказываясь верить в реальность происходящего. Девушка испанка открывает дверь и начинает проверку посадочных талонов. Я захожу на паром на одеревеневших ногах. Меня не задержали. Я свободна. Пока что. Я пытаюсь набрать номер Мигеля, чтобы узнать, что в конце концов произошло, но из аппарата мне в ухо катятся длинные гудки. Я устраиваюсь в кресле на столько удобно, на сколько это возможно и отворачиваюсь к окну. За стеклом медленно удаляется гористый берег Мальорки. Я закрываю глаза и призываю на помощь сон. Но его попытки победить беспорядочные тревожные мысли не приносят плодов. Я переворачиваюсь с одного бока на другой и ежеминутно поглядываю на часы, умоляя стрелки вертеться быстрее. На мое счастье продолжительность этой поездки в половину короче предыдущей. Паром должен причалить в порту Барселоны в двенадцать часов. А в два с чем-то вылетает мой самолет. Вот уже там я непременно выпью чего покрепче и отрублюсь богатырским сном. Если, конечно, мне удастся добраться до этого уровня компьютерной игры. В Барселонском порту мне на спину тоже никто не прыгает, никто не бежит за мной с криками «стой, стрелять буду!» и никто не просит проследовать в ближайший участок для выяснения обстоятельств. Я продолжаю оставаться законопослушной гражданкой Евросоюза. Очередное недешевое такси докатывает меня до аэропорта, где я успешно прохожу регистрацию на свой рейс. Мигель с пятой попытки берет таки трубку. – У тебя все нормально? – спрашивает он меня таким тоном, каким невоспитанный зять обратился бы к загостившей теще. – Угу, – бормочу я, сбита с толку этой внезапной холодностью. – Вот и хорошо. – А ты.. яйцо..? – голос в трубке настолько холодный и чужой, что я с трудом подбираю слова. – Да, я положил его на место. Майкл был очень недоволен. – Ты.. – Я развожусь в Венди. Точнее она со мной. Майкл не желает меня больше видеть. Значит, Мигель все-таки оказался благородным героем, а не подонком, каким его сегодня утром изобразило мое воображение. Он ради меня рассорился с Майклом и Венди. Вот только это неприкрытое раздражение в его голосе задевает меня за живое. Разве Мигель, предложив мне такого рода сценарий, не понимал, какие последствия повлечет за собой его воплощение в жизнь? Даже я предупреждала его о неизбежности риска. На что он тогда мне ответил, что деньги для него не главное. Что же гложет его теперь? Почему он вместо того, чтобы радоваться нашей общей победе говорит со мной сквозь зубы? – I'm sorry, – выдаю я ничего не значущую фразу, не накопав ничего более подходящего. – Счастливого пути. Я позвоню тебе. Потом. Он первый нажимает сбой. Короткие гудки режут

слух. Я не испытываю облегчения, только тяжелую вязкую усталость, которая заматывает меня в огромный кокон и не дает больше ни о чем думать. В этот кокон я и погружаюсь на самолет, в нем меня встречают в аэропорту родители. – У тебя совершенно измученный вид! – пугается мама. – Просто я не выпалась, – выжимаю из себя улыбку я. Они обнимают меня. От этого долгожданного ощущения родительского тепла, заботы и безопасности мое горло начинают щекотать слезы. Дома меня ждет шикарный обед из запеченной рыбы, салатов и разнообразно приготовленных грибов. Я ищу глазами паэлью и сангрию. Но их нет. А, может, их вообще никогда не было? Ни на нашем столе, ни в моей жизни. Может, мне приснился коварный британец Майкл, его неуравновешанная дочка, солнечная Мальорка... И красивый синеглазый испанец мне тоже приснился. Ему-то не впервой. В этих сомнениях я прибываю всю последующую неделю. Я даже Вере отказываюсь рассказывать о поездке, не смотря на ее настойчивые уговоры. Выводит меня из ступора звонок Мигеля. – Привет, как дела? – интересуется он как ни в чем ни бывало. – Нормально, – отвечаю я, когда сердце возвращается из своего забега до горла и обратно. – У меня тоже. Живу пока с родителями. – Я тоже. Неуклюжие реплики не отказываются клеится друг к другу. За моим молчанием столпилась длинная вереница вопросов, но я не решаюсь выпустить их наружу. А даже если бы решилась, мне все равно никогда не узнать, что пришло на Мальорке в ту ночь на самом деле. Ведь Мигель ни за что не признается мне, как близко я подошла в своих домыслах к реальности. Он не расскажет мне, что действительно планировал кражу и хотел в последствии свалить ее на меня. Не опишет, как тяжело ему давалась игра, как зародившиеся в глубине его души чувства мешали ему действовать по разработанной схеме. И не откроет секрет, что эти самые чувства и вынудили его в последний момент отказаться от задуманного. – Я рад, что все кончилось хорошо, – помолчав мгновение, прибавляет Мигель. – Спасибо тебе. – Не за что. Сейчас он повесит трубку, и я потеряю мужчину, который был не просто готов ради меня что-то сделать, а действительно это что-то сделал. – Знаешь, меня тут пригласили на свадьбу, – к месту вспоминаю я, – Подруга выходит замуж в Париже. У меня приглашение на двоих. Моя бывшая коллега по одному переводческому бюро Марина нашла себе какого-то француза и страшно счастлива. Меня она пригласила это счастье засвидетельствовать. Ехать одной мне в Париж совершенно не хочется, а вот если Мигель составит мне компанию... Он ведь искупил свой грех благородным поступком. Может быть... – Я не знаю, – не изъявляет энтузиазма он, – Меня с работы уволили. Чувство вины тонкой иголкой вонзается в кожу. Хотя с чего бы. Я же Мигеля ни к чему не принуждала. Это был его сознательный выбор. – Но я постараюсь, – заканчивает он, и его голос трогает улыбка. Этой ночью мне снится огромная курица, которая высиживает золотые яйца, а потом раздает их прохожим с криками «Кому свежее Фаберже?» А в продолжении сна мы с Мигелем в центре шикарного зала с позолоченными стенами кружимся в танце под Джо Дассена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.